

ISSN 0235-2737

Парус

5 | 1988

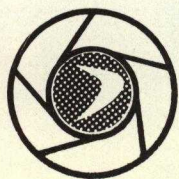
ГОРИЗОНТЫ «ПОКОРЕНИЯ» ПРИРОДЫ...

Разговор об экологической совести — на страницах 16—19

ФОТОКОНКУРС
«СУБЪЕКТИВ»

Взгляд.
Фото Сергея ЦЫПЛЮХИНА, 17 лет,
г. Тирасполь

Парус

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ежемесячный общественно-политический
и литературно-художественный иллюстрированный журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

Минск, «Польмя»

Издается с июля 1972 г.

В номере

Час приема по острым вопросам

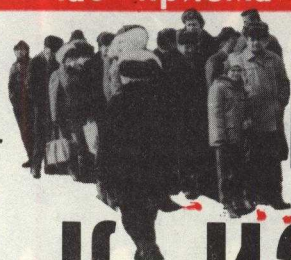
Геннадий ЛИСИЧКИН. Еще раз о тернистом пути к изобилию	2	2
<i>Контрольная</i>	7	7
<i>Код 2001</i>		
Александр ЕФИМОВ. За семью печатями	8	8
<i>Стихотворная тропа</i>		
Елена ПЕСЕЛЕВА	14	14
<i>Команда Оли Будиловой</i>		
<i>Иней на ковчеге</i>	16	16
<i>Линия огня</i>		
Александр ПОЛЯКОВ. Тайна дота 59	20	20
<i>Ищу друга</i>	24	24
<i>По сути дела</i>	25, 35, 59	25, 35, 59
<i>«Абзац»</i>	26	26
<i>Работа над ошибками</i>		
Сергей МАНЬКО. Вершки и корешки	28	28
<i>Малая редколлегия</i>		
Наталья КАШТАНОВА, Денис КЛИМЕНКО. Вход с хоздвора	30	30
<i>Идеосалон</i>		
Алексей КУВШИННИКОВ. «Время» и мы	36	36
<i>Повод для знакомства</i>		
Мария БИРЮКОВА. Земля открытий	39	39
<i>Ученическая тетрадь</i>		
Александр ШАНТАЕВ. Воскресная прогулка. Рассказ	42	42
<i>Пальцем в небо</i>		
Владимир БОРОДИН. Судьба на ладони	44	44
<i>Возьми гитару</i>		
Михаил ВОЛОДИН. Мы идем под скользящим огнем...	46	46
<i>Камертон</i>	48	48
<i>Музыкальный магазин</i>	50	50
<i>Открытый урок</i>		
Требуется Арбат!	52	52
<i>Трубка мира</i>		
Эта «щекотливая» тема	60	60
<i>В переплет!</i>		
Эдуард ДУБРОВСКИЙ. Три правильных аккорда	61	61
<i>Взялся — ходи!</i>		
Виктор ВАСИЛЬЕВ. Если можно — молча...	63	63

Макет номера подготовили Сергей СТЕЛЬМАШОНОК, Валерий РУЛЬКОВ и Валентина ЖГУНЦОВА. Первую страницу обложки оформил Валерий РУЛЬКОВ

5 / 1988

 Парус

5/1988

ЕЩЕ РАЗ К ИЗОБИЛИЮ

«Почему не ведется больше рубрика «Час приема по вечным вопросам»? Если вам отвечать не на что, то могу вопросыки подбросить. Не знаю, как у кого, но у меня их хватит и на десять рубрик».

Под этим письмом подписался Е. Емельянов шестнадцати лет из города Пензы. Вопросы свои он не прислал. Зато их — вместе с нареканиями на исчезновение «Часа приема...» — полно в письмах других читателей.

Вопросы такие, что не принимать их в расчет грешно. Как люди глубоко верующие — и в гласность, и в демократию, и в перестройку — грех на душу мы брать не хотим и «Час приема...» заново открываем. Вот только называем его, отталкиваясь от характера поставленных проблем, «Часом приема по острым вопросам». Очень не хочется, чтобы они были вечными.

Здравствуй, «Парус»!

Решил написать в откровенный (пока еще!) журнал и кое-чем поделиться, кое о чем спросить.

Немного о себе. Мне 22 года. Работаю шофером. В заклепках не хожу. Волосы не крашу, но музыку слушаю разную. Друзья считают меня серьезным парнем, не знаю, насколько это верно.

Ну что ж, видимо, начну.

Слова «перестройка» и «ускорение» я услышал уже давно. Но что-то больше ничего не увидел, не услышал, не ощутил. Кого-то сняли с поста, кого-то посадили, кто-то «вышел на пенсию». И все. Как люди стояли в немалых очередях за колбасой, мясом, маслом, так и стоят. И это при наличии в Караганде крупного мясокомбината, молокозавода и маргаринового завода, знаменитой кондитерской фабрики и т. д. В Темиртау (город-спутник, 25 км от Караганды) свой мясокомбинат. В Петропавловске крупный комбинат выпускает тушенку, которую тоже свободно не купишь. Ну, а если захочешь купить что-либо (или подобное) из вышеперечисленного — приходи в 5-6 часов утра, занимай очередь.

Или взять зарплату: кто-то зарабатывает 500 рублей, а кто-то — 70. Наши невидимые социологи и статистики складывают эти рубли и делят пополам. Получаются очень симпа-

тичные цифры средней заработной платы.

Я хорошо знаю английский (учился в спецшколе). Читаю зарубежные книги, газеты, журналы без затруднений. Может, кто-нибудь объяснит мне, почему за доллар можно купить что-то, чего не купишь за рубль, самую стабильную денежную единицу, а? Почему легковушка «оттуда» класса нашей «Волги», да еще с дизельным двигателем, стоит дешевле куцега «Спутника»? А то, что люди годами стоят в очереди на машину, мало кого интересует. Похоже, кто-то боится, что если на наш внутренний рынок поступят автомобили (да что угодно!) из-за кордона, то отечественного никто не захочет приобретать.

О ТЕРНИСТОМ ПУТИ

У меня есть хороший товарищ, отлично знающий радиодело. Однажды он принес прибор, который измеряет частотные характеристики проигрывателя, магнитофона и т. д. И мы с ним прокрутили 2 одинаковые (?) пластинки дуэта «Модерн Токинг» — «Поговорим о любви». У меня есть этот диск западногерманского производства, а Володя принес отечественный, лицензионный. «Западный» диск выдал чуть ли не весь слышимый диапазон; «наш» едва-едва перевалил половину предыдущих данных.

Я обыкновенный парень, рабочей профессии, вроде бы не дурак, но не доходят до меня все эти выверты в нашей жизни!!!

Вот вы там все умные люди, растолкуйте мне и моим друзьям все это. Напечатайте мое письмо, может, кто из читателей образумит меня.

Извините за сумбурное и, наверное, злое письмо, но иначе я не сумел.

С уважением и наилучшими пожеланиями к журналу и всем, кто его делает,

В. Г. ТУМАНОВ,
г. Караганда

Зачитали это письмо на заседании Малой редколлегии. Редколлеги выслушали и сказали, что «образумить» В. Г. Туманова не могут. А к его вопросам готовы добавить свои.

На вопросы Малой редколлегии «Паруса» и читателя В. Туманова отвечает заведующий сектором Института экономики мировой социалистической системы АН СССР, автор книг «План и рынок», «Что человеку надо», «Тернистый путь к изобилию» и других Геннадий Степанович ЛИСИЧКИН.

— Давайте начнем с вопроса, который наши малые редколлеги не задавали, но наверняка он у них в голове вертелся. Зачем вообще нужно что-либо знать об экономике людям, которые никак на нее не влияют! Для общего развития! Потому что о ней сейчас модно говорить!

— В общем-то, нет таких людей, которые бы не влияли, как вы говорите, на экономику. Все мы едим, работаем, лечимся, учимся, отдыхаем — значит, для каж-

дого нужно что-то произвести, построить и т. д.

Но я понимаю, о чем идет речь в вашем вопросе. Пожалуй, еще недавно я бы, вероятно, не знал, как на него ответить. Много лет работник — рабочий, колхозник, инженер — был оторван от конкретного участия в управлении экономикой. Мы говорили: рабочий — хозяин предприятия. А этот хозяин был бессловесным исполнителем начальственных приказаний. Хорошую, необходимую продукцию он

ДАЕШЬ МЯСО!

ДАЕШЬ ВСЁ И СРАЗУ!

что учиться им нужно сейчас.

— В таком случае, будем считать, что первый урок уже начался. А теперь — вопрос редколлег, на мой взгляд, довольно трудный.

Мы сейчас много говорим о том, что старые беды нашей экономики будут устранены с развитием демократии, самоуправления. То есть считаем, что чем больше демократий, тем лучше для экономики. А как тогда объяснить экономические успехи развитых капиталистических стран, где с демократией, как известно, плохо! Например, Южной Кореи!..

— Что такое демократия в экономике! Это хозяйственная самостоятельность предприятий. Это — когда нет «карточной системы» в распределении ресурсов, когда производитель сам распоряжается своей прибылью, когда не министерство решает, что и сколько выпу-

результат не централизации, а наоборот, местничества, ведомственной разобщенности.

Мы пытались действовать вопреки интересам производителей. Кричали: «Больше мяса!», а цены устанавливали на него такие, что производить мясо было невыгодно. В результате дальше лозунгов дело не шло. А настоящая экономическая централизация — это сочетание интересов государства и конкретного производителя.

Так что приходится признать, что по уровню экономической централизации Южная Корея нас обогнала. И нужно не закрывать на это стыдливо глаза, а перестраивать хозяйственный механизм.

— Как известно, эта перестройка влечет за собой большое сокращение кадров. Что, если появится безработица! Или экономисты считают, что резерв рабо-

выпускал или никому не нужный хлам — ему было все равно. Зарплата шла в любом случае. Чего ж ему было лезть — отработай, распишись в ведомости, и все дела.

Сейчас, когда принят Закон о государственном предприятии (объединении), когда все — от директора до рабочего — повязаны одной веревочкой, ситуация должна измениться.

Это, знаете, как если тебе говорят: «Горит дом». «Жалко», — отвечаешь ты, но с места не двигаешься. «В твоём дачном кооперативе», — уточняют. О, тут ты забеспокоился, тут ты бежишь за водой, смотришь, откуда ветер, потому что твой дом рядом, ему тоже грозит пожар.

Будем надеяться, что кончилось время, когда ни от кого ничего не зависело. Теперь хоть трижды перевыполнишь норму, не покупают твою продукцию — сразу почувствуешь, как бьет по карману. Поневоле начнешь думать: а почему мы выпускаем то, что никому не нужно, почему ником брак, почему работаем на устаревших станках, почему простаиваем, а потом штурмуем, почему терпим в бригаде бракодела и лодыря... Думать: а не балласт ли я для бригады, выдерживаю ли конкуренцию с теми, кто работает рядом! Что это, если не экономика! И такую экономику — хочешь не хочешь — знать необходимо. Ваши читатели завтра придут на производство — ясно,

скасть... До недавних пор все эти демократические принципы в нашей экономике не действовали.

— Из-за чрезмерной централизации!

— Знаете, парадокс в том, что наш мощный административно-бюрократический аппарат так и не смог создать жесткой экономической централизации. Нам лишь кажется, что она есть. Это иллюзия. Где, в какой стране возможно, чтобы тысячи заводов не выполняли договорные обязательства, планы по ассортименту! Где возможно такое число незавершенных строок! Все это

чей силы не помешает!

— Экономисты считают, что безработица нам не грозит. Разве что тем, кто потерял квалификацию, сидя в руководящем кресле. Когда-то он прекрасно разобрался, скажем, в паровозах и не заметил, как «паровоз ушел». Но и у него будет возможность переквалифицироваться — было бы желание.

А вообще безработица — всегда плохо. Есть три главных фактора в экономике — земля, капитал и рабочая сила. Все они должны использоваться с максимальным эффектом. Не исполь-

зуются — значит, мы плохие хозяева. Если в деревне полгода крестьянин сидит без дела, то это говорит не о том, что ему нечем заняться, а о нашей бесхозяйственности.

Разговоры типа: «Безработица создает конкуренцию, способствует повышению производительности труда» — чепуха. В Югославии миллион двести тысяч безработных — это что же, хорошо? Это национальный бич. И если югославский рабочий едет в ФРГ, то нужно задуматься, почему в социалистической стране он не может найти себе работу и получать зарплату, которая бы его устраивала.

Другое дело, что решить проблему безработицы не значит лишь бы куда-нибудь пристроить. Нужно, чтобы человек производил национальный доход. Поэтому уже сейчас необходимо думать о системе переподго-

прос, какую предпочтет купить стереосистему — японскую или советскую? Наверное, японскую. Какой же зарплаты заслуживают выпускающие то, что никому не нужно? Большой, маленькой или никакой!

А если посмотреть на удоимость наших коров, урожайность наших полей, то о какой высокой зарплате может идти речь? Мы получаем за плохой труд мало — разве это не справедливо!

Другое дело, что не все работают плохо, а платят всем поровну. Вот с этим нужно покончить. Если инженер, рабочий создали станок, который охотно покупается на мировом рынке, а получают столько же, сколько те, кто выпускает металлический хлам, то понятно — им недоплачивают.

— Геннадий Степанович, тут напрашивается другой вопрос. Известно, что в кооперативах заработка чаще

значит, слесарь сейчас гораздо нужнее. Причем именно мне и вам, а не министерству, которое содержит конструктора. И надо разобратсья, возможно, и двести этому конструктору много.

— Но, может быть, плати ему те же пятьсот, он и работал бы по-другому.

— Нет, платить высокую зарплату как бы авансом — это глупость. И с точки зрения экономики, и с точки зрения нравственности.

Мы и так часто зарплату накручиваем «от колеса», а в итоге деньги просто обесцениваются — продукт-то не произведен, покупать нечего. Я уже говорил однажды, что если доярка надаивает две тысячи литров молока в год, а получает ежемесячно триста рублей, то ясно, что в магазине не будет ни масла, ни сметаны. По мировым стандартам ей (и заодно ее руководителем, которые не обеспечи-

товки работников, которые неминуемо будут высвобождаться в ходе научно-технического прогресса. И нужно готовить себя к тому, что переучиваться придется каждому и, возможно, не один раз.

— Вы упомянули о зарплате в Югославии. Но читателя Туманова больше беспокоят наши заработки — он считает, что они могли бы быть большими. Малые же редколлеги «Паруса» ставят вопрос еще острее: «Почему в СССР маленькая зарплата?»

— Маленькая! Любопытно: тот, кто задал этот во-

прос, гораздо больше, чем на государственных предприятиях. Почему же, скажем, хороший конструктор получает у себя в бюро 180—200 рублей, а уйдя в кооператив по ремонту автомобилей, «заколачивает» 400—500! Не потеряем ли мы эдак всех конструкторов?

— Пока никто с государственной службы уйти в кооператив не имеет права. Но лично я ничего плохого в таких «метаморфозах» не вижу. Если конструктору общество платит двести рублей, а автослесарю я и вы готовы выложить пятьсот,

вают доярку ни продуктивным скотом, ни кормами для коров, ни совершенными механизмами] полагаюсь бы платить лишь на пропитание.

— По-видимому, ваш ответ на этот вопрос в какой-то мере и ответ на следующий: «Когда у нас исчезнут очереди, дефицит!»

— Да, конечно. А в более общем виде можно сказать так: когда у нас будет здоровая экономика. Понимаете, если человек с нашей зарплатой стоит в очереди — это признак большой экономики. Нигде очередей

нет, а у нас есть — и это наш общий позор.

Как избавиться от него? Нужно, как я говорил, чтобы оплата не обгоняла производительность труда. Нужно, чтобы не было диспропорции между продукцией легкой и тяжелой промышленности. Сейчас у нас перекося в сторону тяжелой. Но даже когда мы это поняли — устранить диспропорцию не удалось. Пока не удалось.

— А почему мы не можем, как предлагает Туманов, свободно покупать все то, чего не хватает, за гра-

ши сейчас нашим предприятиям выйти на внешний рынок, большинство из них, как сказал М. С. Горбачев, «по миру пойдут».

Так что ответ на вопрос «станет ли рубль конвертируемой валютой?» должны дать ваши читатели — им поправлять положение в экономике. Смогут выпускать конкурентоспособные товары — станет, нет — не станет.

ше товаров, расширилась сфера услуг. А получилось что — в кооперативных кафе пообедать могут только подпольные миллионеры. Брюки, сшитые кооператорами, можно купить, только сняв с себя последние штаны. Зачем же нам такие кооперативы!

— К сожалению, сейчас кооперативные организации во многих местах оказались в монопольном положении.

ВСЕГДА ЛИ ПЛОХА БЕЗРАБОТИЦА?

ПРИ БЕЗРАБОТИЦЕ ВЫ СРАЗУ ЖЕ СТАЛИ БЫ ЛУЧШЕ РАБОТАТЬ!

ВЫ ДУМАЕТЕ?

ЕСЛИ БЫ Я НАШЕЛ ТОГО, КТО ЦЕНЫ ВЫДУМЫВАЕТ, УЖ ЗНАЛ БЫ ЧТО ДЕЛАТЬ!

НИКТО ЦЕНЫ НЕ ВЫДУМЫВАЕТ, ОНИ САМИ РАСПЛИГ!

ницей! Или больше обмениваться с «зарубежом» товарами?

— Вопрос существенный. Успех любой экономики во многом зависит от включения в международное разделение труда. У нас долго считалось, что можно развиваться независимо от внешнего мира. Теперь, наконец, стало понятно, что все мы в одной лодке, особенно после всеобщего энергетического кризиса. Но это «включение» немислимо без конвертируемого (то есть свободно обмениваемого на любую валюту) рубля. Однако конвертируемость рубля — это конвертируемость товаров. А какие товары мы можем предложить на международный рынок, если даже пластинки вдвое уступают по качеству зарубежным! Пока у нас будут покупать только нефть и лес, мы так и останемся на нынешнем незавидном уровне. Разре-

— Может быть, положение помогут исправить кооперативы! Хотя один из малых редколлег задал свой вопрос в несколько пессимистической форме: «Сколько лет еще продлится деятельность кооперативов?»

— Понимаю его пессимизм. Была у нас промкооперация — где она? Рожки да ножки остались и от идеи потребкооперации. Претерпели удивительную трансформацию и деформацию колхозы — самоуправление в них превратилось в фикцию.

Конечно, проект Закона о кооперации в СССР, решения IV Всесоюзного съезда колхозников вселяют надежду. Но пока многие кооперативы выглядят еще второсортными организациями. И по людям — только пенсионеры и инвалиды. И по ресурсам — только с «помойки».

— Но, согласитесь, цены в кооперативах — первосортные. Кооперативы создавались, чтобы стало боль-

Поэтому все недостатки государственных предприятий перекочевали и туда. Будь кооперативных кафе не десяток на город, а сотня, — цены бы поползли вниз. Но нет помещений. Значит, кто получил помещение — тот диктует цену. Нет конкуренции, а монопольное положение ведет к загниванию. Едва родившись, кооперативное движение уже гниет. Выход — всемерно его расширять, а не сворачивать. Чем больше кооперативов будет, тем лучше для нас.

— Могут ли создаваться международные кооперативы?

— А почему нет! То, что их пока не было, ни о чем не говорит. Конечно, сегодня наши контакты с внешним миром слабы, но, в принципе, ничего сверхъестественного в международном кооперативе нет. Предпринимательство вообще предполагает принятие неэжи-

ЛИ ОБЕДА ЗА ДЕНЬ?

МОЖНО ЛИ КВАНТА ОЧЕРЕДЬ ДЕФИЦИТ

МОЖНО ЛИ КВАНТА ОЧЕРЕДЬ ДЕФИЦИТ

МОЖНО ЛИ КВАНТА ОЧЕРЕДЬ ДЕФИЦИТ

МОЖНО ЛИ КВАНТА ОЧЕРЕДЬ ДЕФИЦИТ

МОЖНО ЛИ КВАНТА ОЧЕРЕДЬ ДЕФИЦИТ

МОЖНО ЛИ КВАНТА ОЧЕРЕДЬ ДЕФИЦИТ

МОЖНО ЛИ КВАНТА ОЧЕРЕДЬ ДЕФИЦИТ

МОЖНО ЛИ КВАНТА ОЧЕРЕДЬ ДЕФИЦИТ

МОЖНО ЛИ КВАНТА ОЧЕРЕДЬ ДЕФИЦИТ

МОЖНО ЛИ КВАНТА ОЧЕРЕДЬ ДЕФИЦИТ

МОЖНО ЛИ КВАНТА ОЧЕРЕДЬ ДЕФИЦИТ

МОЖНО ЛИ КВАНТА ОЧЕРЕДЬ ДЕФИЦИТ

МОЖНО ЛИ КВАНТА ОЧЕРЕДЬ ДЕФИЦИТ

МОЖНО ЛИ КВАНТА ОЧЕРЕДЬ ДЕФИЦИТ

МОЖНО ЛИ КВАНТА ОЧЕРЕДЬ ДЕФИЦИТ

МОЖНО ЛИ КВАНТА ОЧЕРЕДЬ ДЕФИЦИТ

МОЖНО ЛИ КВАНТА ОЧЕРЕДЬ ДЕФИЦИТ

МОЖНО ЛИ КВАНТА ОЧЕРЕДЬ ДЕФИЦИТ

МОЖНО ЛИ КВАНТА ОЧЕРЕДЬ ДЕФИЦИТ

МОЖНО ЛИ КВАНТА ОЧЕРЕДЬ ДЕФИЦИТ

МОЖНО ЛИ КВАНТА ОЧЕРЕДЬ ДЕФИЦИТ

МОЖНО ЛИ КВАНТА ОЧЕРЕДЬ ДЕФИЦИТ

МОЖНО ЛИ КВАНТА ОЧЕРЕДЬ ДЕФИЦИТ

МОЖНО ЛИ КВАНТА ОЧЕРЕДЬ ДЕФИЦИТ

МОЖНО ЛИ КВАНТА ОЧЕРЕДЬ ДЕФИЦИТ

МОЖНО ЛИ КВАНТА ОЧЕРЕДЬ ДЕФИЦИТ

МОЖНО ЛИ КВАНТА ОЧЕРЕДЬ ДЕФИЦИТ

МОЖНО ЛИ КВАНТА ОЧЕРЕДЬ ДЕФИЦИТ

МОЖНО ЛИ КВАНТА ОЧЕРЕДЬ ДЕФИЦИТ

МОЖНО ЛИ КВАНТА ОЧЕРЕДЬ ДЕФИЦИТ

МОЖНО ЛИ КВАНТА ОЧЕРЕДЬ ДЕФИЦИТ

МОЖНО ЛИ КВАНТА ОЧЕРЕДЬ ДЕФИЦИТ

данных, нетрадиционных решений.

— Сейчас появились платные поликлиники, и многие считают, что в них лечат лучше. Может быть, и школа должна быть платной — будут лучше учить!

— Опыт социалистических стран показывает, что многие социальные нужды должны оплачиваться из общего кармана. Платное здравоохранение ударит по многодетным матерям, пенсионерам, инвалидам... Пусть развивается сеть платных услуг — но для богатых. Нужна дифференцированная социальная политика.

Что касается образования, то оно должно быть доступно всем. Слишком велик риск, что, вводя платные школы, мы не допустим к знаниям многих способных и талантливых. Ну, а неспособные и неталантливые пусть обращаются к репетиторам, если их родители «за ценой не постоют».

— А откуда вообще берутся цены! Не «на репетиторов» — на все!

— Из Госкомцен. И так как цены устанавливаются на миллионы товаров, вряд ли они научно обеспечены.

НО ЗАДАЧА ЕСТЬ ИЛИ НЕ ЕСТЬ?

НЕТ, ЕСЛИ СЧИТАТЬ ПО НАШЕМУ УПОРНОМУ ХАРАКТЕРУ!
ДА ЕСЛИ ОН ИММУННЫЙ!
ДА, ЕСЛИ ТЕМ, КТО СТОИТ В ОЧЕРЕДИ, ВО ВРЕМЯ СТОЯНИЯ ПРИВЛЕКАТЬ К ОБЩЕСТВУ — ПОЛЕЗНОЕ ТОВАР!
ДА, КОНЕЧНО! ЕСЛИ ВСЕ ТОВАРЫ БУДУТ ХОРОШИМИ И НЕ БУДУТ КОНЧАТЬСЯ!
НАДО ПРОСТО ОЧЕРЕДЬ СДЕЛАТЬ ПЛАТНОЙ!

Тем более, что за основу берется усредненная себестоимость. Чем выше себестоимость, тем выше цена. Поэтому предприятие ничуть не страдает, если себестоимость высока. Это обеспечивает консервацию бесхозяйственности.

Покупатели — мы с вами — сейчас абсолютно не защищены от производителя. Мы никак не влияем на

цену. У нас рынок регулируется не теми, кто покупает, а теми, кто производит. И с этим необходимо бороться.

— В заключение еще один «глобальный» вопрос, который малые редколлеги сформулировали так: «Как сделать социализм более эффективной системой, чем капитализм?»

— Вопрос действительно глобальный, но постараюсь ответить коротко. Для этого нужно добиться, чтобы производительность труда при социализме была выше, чем при капитализме.

Смотрите — труд раба был неэффективен, так как его понуждала к работе палка. На смену дисциплине палки пришла дисциплина голода. Она оказалась куда эффективнее. При социализме дисциплина голода должна быть заменена, говоря словами Ленина, «работой на себя». Весь пафос марксизма — ликвидировать отчуждение работника от созданного им продукта. Переход на самоуправление, самофинансирование — первый серьезный шаг на этом пути. Насколько последовательно и быстро пойдем по нему — зависит от нас самих.

Беседу вел
Эфим ШУР

Ясно, что в одной небольшой беседе ответить на все острые вопросы невозможно. Поэтому мы условились с Геннадием Степановичем Лисичкиным о том, что разговор этот будет продолжен.

Фото Якова МЕТЕЛЦЫ
Оформление Марины ПАГУНОВОЙ

В НАШЕМ СВЕТАЛОМ БУДУЩЕМ ТАКОГО НЕ БУДЕТ!

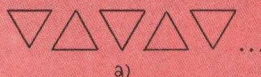

контрольная

Есть специальности и виды работ, которые требуют шаблонного повторения движения. Это относится к машинисткам, штамповщикам, сборщикам, тем, кто занимается росписью посуды, тканей, игрушек, керамической плитки...

Проверьте, подходят ли вам эти профессии.

Возьмите лист бумаги, ручку или карандаш и секундомер (можно — часы с секундной стрелкой). Один из участников будет фиксировать время.

Перед вами на рисунке два образца чередующихся фигур. Рассмотрите первый образец (а). Постарайтесь быстро и точно нарисовать как можно больше таких фигур. (Ошибкой считается изображение одной и той же фигуры дважды подряд). Поправлять ничего нельзя. Ошиблись — продолжайте дальше. По команде участника-секундометра начинайте работать. Через минуту дается команда «стоп!».

Затем все повторяется, но рисовать нужно будет уже фигуры, изображенные на втором образце (б). Время выполнения то же — одна минута.

Посчитайте общее количество нарисованных фигур и количество ошибок в первом упражнении. Разделите количество ошибок на число нарисованных фигур и полученный результат умножьте на 100%. У вас получится коэффициент так называемой моторной perseverации. Теперь аналогичным образом посчитайте этот коэффициент и для второго образца. Полученные коэффициенты сложите и эту сумму разделите пополам. Если полученный результат не превысит 5%, то особых трудностей в овладении выше-названными профессиями у вас не будет.

Подготовил
Владимир ГОРБУНОВ,
психолог

ЗА СЕМЬЮ

Нет ничего более надоедливго, чем азбучные истины, повторенные дважды. Разве что — повторенные трижды или четырежды...

Поэтому не станем говорить о выпавшей вам редкой удаче — работать не только в этом веке, но и в следующем. И все же, согласитесь, не каждый может похвалиться двухвековым трудовым стажем.

Где вы встретите будущее столетие? За штурвалом! Пультom! кульманом! дисплеем!.. Кто знает, каких специалистов потребует век грядущий! Как расшифровать загадочный код 2001-го года?

Не будем, однако, впадать в крайности и утверждать, что, шагнув через рубеж XXI века, все старые профессии вдруг вымрут, как динозавры. Кое-какие останутся и, возможно, благополучно встретят даже XXII столетие. Правда, при одном условии — если смогут поспевать за временем.

Мы предлагаем вам заглянуть в завтрашний день профессий. Не экзотических — привычных и будничных. Обычных. Тех, что наверняка будут вписаны в трудовые книжки, выданные в XXI веке.

Известно: чтобы узнать будущее, нужно сначала заглянуть в прошлое. Поэтому мы посчитали возможным объединить нашу новую рубрику «Код 2001» со старой — «Биография ремесла».

В немецком городе Майнце стоит памятник Иоганну Гутенбергу.

В голландском городе Гарлеме стоит памятник Лаврентию Костеру.

В шотландском городке Фельтре стоит памятник Памфилию Костальди...

В этом не было бы ничего удивительного — мало ли на свете знаменитых людей, чью память в бронзе, граните или мраморе увековечивают благодарные потомки, — когда б не надписи на постаментах. И в Майнце, и в Гарлеме, и в Фельтре они одинаковы: «Изобретатель книгопечатания».

Нет, никакого всевропейского издательского кооператива «Гутенберг и К°» в XV веке не создавалось. Каждый из претендентов на звание первопечатника действовал самостоятельно, и выяснить, кто из них имеет больше прав на надпись под своим памятником, историки не могут уже лет пятьсот. Мало того, в этом многовековом споре упоминается еще несколько имен: чеха Прокопия Вальд-

фогеля, бельгийца Жана Брито и даже китайского кузнеца Би Шена, который печатал подвижными литерами еще в XI веке.

Тем не менее официальной датой изобретения книгопечатания все-таки принято считать 1440 год. Именно тогда Иоганн фон Гутенберг снял с печатного станка последний лист своей знаменитой 42-строчной «Библии» — первой в мире печатной книги.

Майнцские бюргеры, прямо скажем, не сразу сообразили, что вошли в историю, и к своему талантливому, но бедному земляку отнеслись не слишком участливо. Гутенберг залез в долги (кстати, документы судебной тяжбы первопечатника с кредиторами сохранились в майнцском архиве), разорился окончательно, и лишь под старость ему повезло — архиепископ Адольф Масауский дал Гутенбергу придворный чин и обеспечил пожизненной пенсией. Первopечатнику даже выдали парадный костюм, двадцать

ПЕЧА

мешков муки и две бочки вина.

Гутенберг еще не успел износить дареный мундир, когда его станок отправился в триумфальное путешествие по Европе. В 1468 году начинается книгопечатание в Чехии и Швейцарии, в 1469 — в Нидерландах, в 1470 — во Франции, затем — в Венгрии, Испании, Польше, Турции... За полвека открылось 1099 типографий, выпустивших в общей сложности около 10 миллионов книг, или, как теперь говорят, инкунабул («кунабулум» по-латыни — «колыбель»).

В марте 1525 года в Вильно был издан «Апостол» — первая книга, отпечатанная на территории нашей страны. Создателем ее стал белорус Франциск Скорина. А в середине XVI века типографский станок появился в Москве. В 1533 году царь Иван Васильевич Грозный приказал «изыскивати мастеров печатных книг». И, видимо, такие мастера нашлись: историки установили, что еще до выхода знаменитого «Апостола» Ивана Федорова в Москве действовала типография, которую называли Анонимной. Из нее, правда, не вышло и десятка книг, да и видом они были неказисты, но, скорее всего, именно там сделали свои первые шаги в

книгопечатании Иван Федоров и Петр Мстиславец.

Печатный станок, постепенно совершенствуясь, существовал почти 350 лет. Но к концу XVIII века, когда одна за другой в Европе открывались все новые и новые газеты, стало понятно, что изобретение Гутенберга с растущими тиражами не справляется.

АТЯМИ

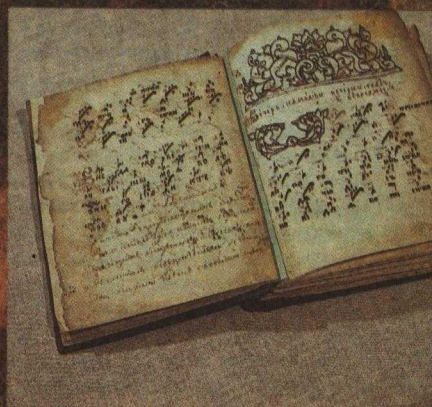
В 1805 году в Санкт-Петербурге объявился некто Фридрих Кениг. Добившись аудиенции у императора, он заявил, что работает над проектом машины, которая может «меньше, нежели в 3/4 часа, отпечатать 1000 листов с обеих сторон...»

Русский царь изобретением не заинтересовался. Кениг уехал в Лондон, и спустя девять лет газета «Таймс» сообщила:

«Наш сегодняшний номер является результатом практического применения крупнейшего изобретения в области полиграфии со времен появления книгопечатания. Читатель держит в руках первый в мире номер газеты, отпечатанный с помощью механического аппарата».

Машина Кенига давала в час около восьмисот оттисков. По сравнению с печатным станком — скорость неимоверная. Но прошло совсем немного времени, и выяснилось, что тиражи газет перерастают уже и возможности плоскочечной машины. Снова начали думать, как ускорить печатный процесс.

В 1856 году американец Роберт Хоз делает машину, в которой печатная форма вращается. «Вращать» — полатыни «ротаре», поэтому новую машину назвали ротационной. Изобретение Хоз

совершило еще одну революцию в полиграфии: ротация печатала до 12 тысяч оттисков в час. Карел Чапек утверждал, что если бы ротация «стояла где-нибудь на берегу Замбези, туземные племена, наверное, принесли ее за бога и приносили бы ей жертвы, такая это замечательная вещь».

Но если печатники шагали вперед семимильными шагами, то наборщики все еще работали, как во времена Гутенберга. Некрасов от их имени писал:

...От частой недосыпки,
От пыли, от свинца
Мы все здоровьем хлипки,
Все зелены с лица.

Но в 1886 году у наборщиков появились шансы на

улучшение цвета лица: работавший в США немецкий эмигрант Отмар Мергенталер создал линотип — машину, которая сама отливала печатные строки. Линотип оценили сразу — через 6 лет в мире было уже 700 таких машин.

И еще об одном изобретении мы должны упомянуть обязательно.

В 1898 году в Петербург в комитет по техническим делам Департамента торговли и мануфактур пришли из Осетии чертежи и фотографии удивительной машины. С ее помощью можно было набирать текст вообще без типографских литер. Полгода комитет изучал странный аппарат и затем постановил: «Выдать привилегию В. А. Гассиеву, считая предметом привиле-

гии фотографическое получение набора».

Любопытно, что изобретателю было тогда всего 19 лет. Но еще любопытнее, что свою первую — действующую — модель фотонаборной машины Виктор Гассиев построил в 1894 году, то есть в 15 лет.

Прошло несколько десятилетий, и линотип уступил место фотонаборным аппаратам, оснащенным электроникой и лазерными устройствами.

Ну вот, кажется, мы добрались до сегодняшнего дня полиграфии. Конечно, где-нибудь в маленьком городе еще можно увидеть не только плоскочечатные машины, но и тигельные — так называемые «американки», верой и правдой служившие когда-то революционерам — подпольщикам, печатавшим на них листовки. Да и линотипы пока не

С. Дворцова:

— Я думаю, что газеты, журналы и книги будут выпускать на кассетах. А у каждой семьи дома будет персональный компьютер. Вставляешь кассету в ЭВМ, на экране появляется зрительная информация (видеосюжеты), одновременно можно будет и прослушивать комментарий. Таким образом, типография будущего станет механизмом для записи информации на кассеты.

Д. Кривушичев:

— Главной задачей полиграфической промышленности является нанесение информации на бумагу, с тем чтобы доставить информацию потребителю. Благодаря компьютеризации во многих странах уже созданы банки информации, которые все время пополняются. Для ее получения необходимо иметь дома компьютер, соединенный с банком. По мере удешевления компьютерной техники такой вид доставки информации будет вытеснять традиционный (печатание книг, газет). Но это не значит, что в будущем книга отомрет совсем, ведь для многих людей она является чем-то одушевленным.

Е. Чудин:

— Зрительная связь между человеком и газетой (книгой и т. д.) статична. Мы лишь воспринимаем текст. Попробуем увеличить количество и динамичность связей.

1. Текст дополняется изображением и звуковым фоном. Например, газета-пластинка. Читаем статью о музыке, потом ставим диск на проигрыватель и слушаем музыку этого композитора.

2. Из статьи можно сразу же сделать эксперимент на данную тему. Особенно это удобно для научно-популярных журналов. Скажем, статья про пьезоэффект — буквы сделаны из пьезокристаллов. Читатель изменяет напряжение, и статья превращается в портрет ученого, ее автора. Или, напри-

мер, «Книга о вкусной и здоровой пище». Хорошо, если бы можно было понюхать блюдо, которое описывается в ней. Для этого в фотографии блюда впитываются ферменты, имеющие запах данной пищи.

То есть полиграфисты будущего — это и химики, и физики, и звукотехники, и звукорежиссеры...

И. Силкин:

— Можно использовать специальные пластины многократного пользования, на которые и будут записываться книги, журналы, газеты и т. д.

Допустим, стоит где-то на улице автомат, на котором написано «Газета «Правда». В этот автомат программист вставляет пластинку, и в память автомата переписывается информация очередного номера газеты. Читатель подходит к автомату, платит деньги, вставляет другую, чистую пластину, и автомат очень быстро копирует ему информацию. На этот же способ могут перейти и книги, журналы. Это и экономично, и удобно. Но оригиналы будут все же сначала печататься обычным способом.

М. Липчанская:

— Книга будущего станет выглядеть как некий аппарат, в который запрограммированы интересные нас произведения. Информация выводится на экран. Так как эти аппараты будут достаточно дорогими, основными их владельцами станут библиотеки, число которых необходимо значительно увеличить.

Что же касается газет, то создавать каждый раз новый аппарат или изменять программу неэкономично. Поэтому значительно возрастет роль радио и телевидения или того, что их заменит.

Н. Козлова:

— Писатель или журналист, написав статью, отдает ее, как и раньше, в редакцию. Но в редакции статью принимает не редактор, а что-то вроде небольшого почтового ящика. В этом ящике происходит обработ-

всюду заменены фотонаборными автоматами.

Но все же сегодня полиграфии — это скоростная офсетная печать и компьютеризированный фотонабор. А завтра?

Помочь нам приоткрыть дверь в типографию будущего согласились десятиклассники из рижской СШ № 87. Почему именно к ним мы обратились за помощью? Дело в том, что в 87-й школе вот уже два года в качестве одного из предметов преподают теорию решения изобретательских задач (ТРИЗ). А поскольку в «Парусе» объявлен конкурс заданий по ТРИЗ (в № 3 за этот год), просьба наша — уже вроде и не просьба, а проверка тех, кто занимается ТРИЗ не «любительски», как большинство наших читателей, а можно сказать, «профессионально».

Итак, полиграфия будущего в представлении рижских школьников.

ка материала, выбраковка ненужной информации. А нужная машина («почта редакции») запоминает и передает дальше по конвейеру «идеальной статьи». Следующая машина («спрессовка») компоует информацию и внешний вид газеты или журнала, запоминает то, что придумала, и отправляет в «компьютер-киоск». После чего «компьютер-киоск» доносит информацию до общественных масс.

С. Ильянкова:

— Традиционная поли-

графия останется. Но в одну страницу можно будет впечатывать, скажем, пять-шесть страниц текста. Каждый слой накладывается в определенном свете. Допустим, пять светов. Их образцы в определенной последовательности располагаются на обложке книги или журнала. До трагиваешься до квадрата первого света — проявляется первый слой. Читаешь всю книгу, потом включаешь второй свет — проявляется второй слой, и т. д. Это позволит сделать книги компакт-

ней и при этом поместить в них гораздо больше текста. Точно так же можно «спрессовать» и изображения.

О. Ворона:

— Полиграфия полностью изменит свое лицо. Типографии не будут выпускать пухлые пачки книг, они станут изготавливать с помощью лазерной оптики тонкие диски, несущие гораздо больше информации, чем бумажные книги. На одном таком диске диаметром 6 см можно записать целую

Как стать полиграфистом!

В СПТУ полиграфистов готовят печатников, наборщиков, переплетчиков (в том числе мастеров художественного переплета), наладчиков полиграфического оборудования.

В полиграфических техникумах — техников-технологов наборных, печатных и переплетных процессов.

В полиграфических институтах — редакторов, художников-графиков, инженеров-технологов, инженеров-механиков, инженеров по автоматизации, экономистов, книговедов.

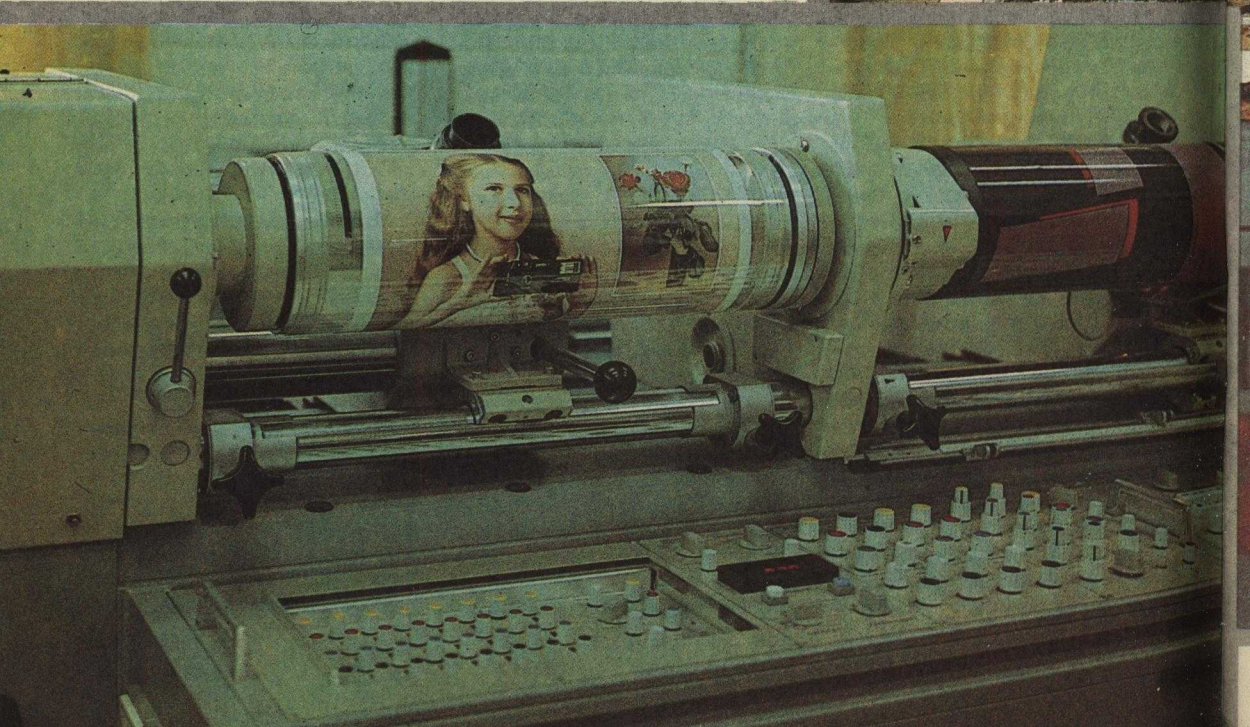
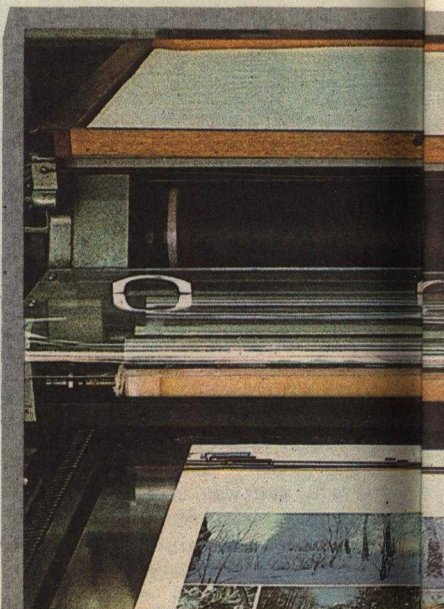
Более подробно об истории книгопечатания и профессии полиграфиста вы можете прочитать в книгах:

Н. В. Варбанец. «Иоханн Гутенберг и начало книгопечатания в Европе». М., «Книга», 1980 г.

«В мире шрифтов и матриц». М., «Знание», 1979 г.

О. А. Морозов, Ю. М. Романенко. «Техника полиграфии: достижения, проблемы». М., «Знание», 1978 г.

Е. Л. Немировский, Б. С. Горбачевский. «С книгой через века и страны». М., «Книга», 1964 г.

библиотеку мировой фантастики.

Как видите, юные рижане разделились на два лагеря. Одни считают, что полиграфия в нынешнем своем виде отомрет полностью. Другие оставляют ей кое-какие шансы. А что думают по этому поводу специалисты?

Известный прогност из ГДР Херварт Шуман считает, что уже к концу века появится «электронная газета», показываемая на домашних экранах. Почти освободятся типографии от научных, технических книг и журналов — их заменят пластинки, фильмы, микрофильмы. Часть технической информации можно будет получать с помощью печатающих устройств ЭВМ.

Но художественная литература, безусловно, еще долго будет печататься традиционно — на полиграфкомбинатах.

Традиционно — не значит по-старому. Появятся новые печатные материалы — дол-

говечные, синтетические. Не исключено, что на страницах книг засияют многоцветные голографические объемные иллюстрации. Появятся сверхскоростные световые наборные машины и установки для электронного изготовления клише и печатных форм. Уже испытываются новые методы печати — струйные, лазерные.

Гутенберг делал книгу один. Сам редактировал, набирал, печатал, переплетал... Сейчас на полиграфкомбинатах есть представители 22 профессий и 76 специальностей, среди них и такие, как наборщик на программирующих машинах, оператор фотонаборной электронной установки. Очевидно, что очень скоро всем, кто будет занят выпуском книги, придется освоить смежную профессию — оператор ЭВМ.

Путешествие книги, начавшееся на узкой улочке вольного города Майнца, продолжается. И, похоже, конца ему не видно.

Александр ЕФИМОВ

Фото Тимура ГРИБА и Евгения ДЕЕВА

Дневник
(Сны ядерного века)

I

Однажды вечером,
Через месяц
После войны,
Я позвонила
Самому главному в городе
И сказала:
«Пожалуйста, включите северное сияние.

У нас ночь.
В городе испортились
Все фонари.
Нет ни одной свечи.
Вчера сгорела последняя спичка.
Включите северное сияние!!!»
И когда я вышла из бункера,
Я увидела свет.
Много света.
И по всем дорогам города
По направлению к северному сиянию
Ехали в противогазах
Влюбленные велосипедисты.

II

Осень.
Желтое небо и лужи.
Я иду одна и думаю:
Куда же исчезли дома?
Вот тут... нет, немного дальше
Стоял большой фонарь,
А под ним скамейка.
Теперь там — дыра.
Земля
Открыла рот
И кричит.
Кричит, содрогаясь от кашля,
Чтоб ее слышали все,
Кто жив,
И другие планеты.
Руки погребенного под
развалинами
В мольбе тянутся к небу.
Но оттуда,
Сияя крыльями,
Спустился лишь
ангел-истребитель.

III

Когда боль отпускает меня
И мне удастся заснуть,
Я вижу не бункер,
По стенам которого
Стекает вода,
Не книги, которые мы бросаем
в топки,
Чтобы согреться,
И даже не безволосых женщин,
Так похожих на безволосых
мужчин.
Я вижу прежние сны:

Город, и хлопья снега,
И людей, стоящих в очереди
За елками.
Но почему-то
Даже в самых счастливых снах,
Ничего не спрашивая,
Из каждого окна
Смотрят на меня дети.

IV

Я иду по городу — сквозь.
Я прохожу сквозь развалины
Старых домов
И сквозь остатки однотипных
построек.
Я вхожу в них,
Как нож входит в масло.
Квартиры впиваются мне
в ладони,
Словно иголки.
Ведь в каждой из них кто-то жил!
Я прохожу сквозь тени людей,
Но их доброта или злоба,
Ласковость или упрямство
Застревают во мне.
Я вобрала в себя всех,
Кто жил в этом городе.
Я иду по городу.
Я пересекаю собой улицы
И у каждого дома пытаюсь
понять:
Кто виноват?
Здесь некому шуметь,
Но я прошу: «Пожалуйста,
не шумите.
Идет закрытый судебный
процесс».

СТИХОТВОРНАЯ ТРОПА ЕЛЕНА ПЕСЕЛЕВА

Я учусь в 10-м классе. Вхожу в Малую редколлегию «Паруса». Люблю осень и поезда. Люблю шумные компании единомышленников и долгие вечерние разговоры с друзьями, когда можно идти, куда хочешь, и не спешить. Любимое место в городе — старая улица Немни-га. Мне кажется, если бы Мастер жил в Минске, то он поселился бы именно здесь.

V

Я хочу найти место,
Где когда-нибудь
Новые люди
Построят дом...
Отыщите в земле
Эту тетрадь!
Прочитайте ее,
Не жалеите времени.
Слушайте!
Оставьте все дела.
На пять минут
Остановите
Заводы и фабрики,
Поезда и корабли.
Откройте дома.
Выйдите на улицы!
Слушайте!

VI

Земля светилась.
И над пустотой,
Над дырами
От вырванных с корнями
Домов
Носилась стая птиц
Без перьев.
Тень ребенка
Играла с тенью кошки
Рядом с тенью
Счастливой матери.
И тени двух влюбленных
Сидели, взявшись за руки,
У дома.
Тень попугая
С хохотом твердила
Слова хозяйина,
Чья тень
Была распята
На столбе фонарном:
«Эта война уничтожит всех
наших врагов,
И наступит век всеобщего
благоденствия».

VII

Я хочу,
Чтоб вы знали слова Человека,
Который погиб
За наше счастье.
За счастье тех,
Кого больше нет.
Запомните слова,
Пишите их на домах

И памятниках:
«Люди, я любил вас.
БУДЬТЕ БДИТЕЛЬНЫ!»

Повторение пройденного

Листья роняет сентябрь за окном.
Первый раз в жизни за партой
сидим,
Вслед за учителем хором твердим:
«Там — дом,
Здесь — дым».

Вот уж по отчеству друга зовем.
Чаще ошибки прощаем другим.
Думаем чаще, что будет потом.
Там — дом.
Здесь — дым.

Смотрим на черный портрет
под стеклом,
Слыша звонок, от надежды
дрожим.
В городе маленьком каждый
знаком,
Но почему же ты все об одном:
Там — дом.
Здесь — дым.

Вертикальный пейзаж

В небо ринулись трамваи,
Устремились вверх деревья,
Машут сильными ветвями,
Наперегонки летают.
В небе плавают квартиры,
Кабинеты, телефоны.
С большеглазым жеребенком
Скачет рядом стол дубовый.
По планете ходят птицы.
Строят город свой чудесный.
Лет пройдет немало тысяч,
И поэт тогда напишет:
«С неба ринулись трамваи...»

Наде

На острове Фиджи,
Зеленом и круглом,
Похожем на сказочный
Шарик воздушный,
Где желтое солнце
По крышам гуляет,
Где вниз головами
Висят попугаи,
Мы счастливы будем

На острове этом.
Осталось нам только
Сходить за билетом.
Назначен отъезд
Через месяц — на среду.
И все-таки
Я никуда не уеду.

Фотография на память

Они уезжали.
Все продали:
Вещи и книги.
Звонил телефон.
Приходили прощаться
Друзья и родные.
На пыльном полу
Чемоданы стояли.
Все было, как на вокзале.
Они уезжали.
Квартиру раздели.
И голая лампочка
Словно кричала:
«Куда вы?!»
Они — уезжали.
Мальчишка пришел попрощаться
с соседом.

Ребята особенно не горевали.
«Подумаешь, в Ригу переезжают.
Увидятся летом», — так дома
сказали,

И только потом, уже на вокзале,
Понял он вдруг —
Они уезжали
Гораздо дальше.
И навсегда.

Влюбленный попугай
Читал стихи Петрарки,
Которые он слышал
По радио однажды.
Влюбленный попугай
Вздыхал по синей сойке,
Которую он видел
Однажды за окном.
Влюбленный попугай
Считал себя влюбленным,
Хотя он долго думал,
Что значит это слово.
Читал стихи Петрарки,
Которых он не понял,
Вздыхал по синей сойке,
Которую не знал.

«Ты зачем в этот мир разноцветный пришел!» — эта строка из стихотворения Оли Будиловой стала заголовком очерка, опубликованного в первом номере нашего журнала. Очерк был об Оле, и вопрос она задала себе. Вопрос не из простых, и в семнадцать лет, и в семьдесят однозначно ответить на него невозможно. Но у Оли Будиловой уже есть главная жизненная установка: не разрушить, сохранить, а по возможности и умножить, разноцветье окружающего нас мира.

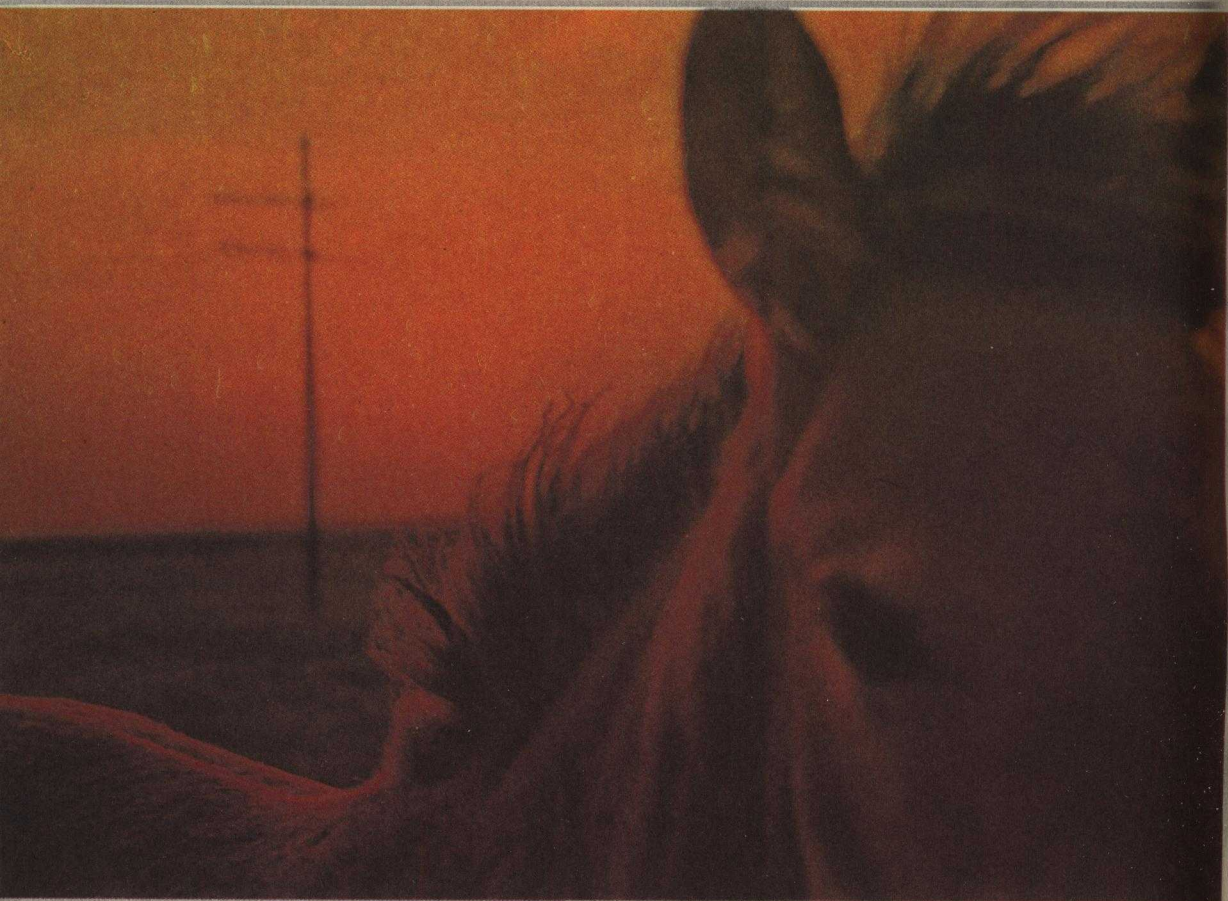
Очень важно, что для Оли

это не просто красивые, привычные уху и не тревожащие сознание слова. Это — сотни спасенных птиц, десятки собственноручно прооперированных и выхоженных животных. Это — маленькие и не очень маленькие научные работы. Это — борьба. С теми, кто сжигает траву, в которой живут последние в своем роде розовые кузнечики. С теми, кто не позаботился о корме и жилище для последней в городе лошади. С теми, кто способен убить беркута ради красивого чучела. Надо ли говорить, что борьбу эту Оля

выигрывает далеко не всегда.

Ей всего лишь семнадцать лет. Она всего лишь первокурсница биофака Петрозаводского университета. Но, мы уверены, она научится бороться и с теми, кто пока сильнее ее, — и с ведомственными бюрократами, которых устраивает черно-белая гамма их бумаг, и с браконьерами, потирающими руки у алого пятна крови на белом снегу, и просто с «дальтониками», не способными оценить ни закат, ни восход, ни даже радугу.

Как же сохранить разно-

цветность мира не только в Красной книге! Ответ на этот вопрос мы доверили Ольге, предложив ей вести в нашем журнале рубрику «о природе». Наверное, Оля поступила разумно, обойдясь... без всяких вступительных речей. Ее записка в редакцию такова:

«Более 200 видов животных навсегда исчезли с лица нашей планеты, и это число продолжает расти. Но далеко не всегда человек способен увидеть, как постепенно пустеет наш общий дом. Поэтому для начала я хочу рассказать историю исчезновения некоторых

удивительных зверей и птиц. Дикая лошадь тарпан — пожалуй, единственный на сегодняшний день вид, который частично удалось возродить. Это большая, огромная заслуга польских ученых под руководством Т. Витулани. Другие же виды безвозвратно утеряны. На грани исчезновения — еще сотни удивительных животных.

...Вы можете спросить, почему я начинаю с тарпанов! Ну, просто я очень люблю лошадей».

Бороться, как известно, лучше командой. «Команда Оли Будиловой», составленная из читателей «Пару-

са», получает постоянное место на наших страницах. Вступительный взнос в команду — конкретное дело по охране природы. «Команда Оли Будиловой» — для тех, кто хочет разбудить экологическую совесть своих сверстников.

Письма в рубрику «Команда Оли Будиловой» можно присылать по адресам:

220600, Минск, ГСП, ул. Короля, 12, «Парус», «Команда Оли Будиловой».

185025, г. Петрозаводск, ул. Белорусская, 15, общежитие № 4, комната № 323, Ольге Будиловой.

ИНЕЙ НА КОВЫЛЕ

Мутное и неподвижное застыло над землей небо. Еле сдерживает оно в своих глубинах тяжелую холодную воду. Но вот на вспотевшую от тяжелых трудов землю лягут неясные следы свободных от подков копыт. Могучие мускулы диких коней обретут каменную твердость. И небо упадет на землю всей тяжестью скопившейся влаги. Вздохнет с облегчением и осветит бескрайнюю степь мягким све-

том. И будет свободно. Из тумана появятся очертания далеких горизонтов, к которым можно бесконечно долго лететь над дымящейся теплой землей. Только глубже и глубже будут ложиться в гудящую землю глубокие конские следы.

Это были тарпаны — пепельно-серые дикие лошади. Невысокие, сильные, непревзойденные по скорости. Широкая черная полоса вдоль спины, черная гри-

ва, стройные ноги придавали скромной мышастой масти особое благородство.

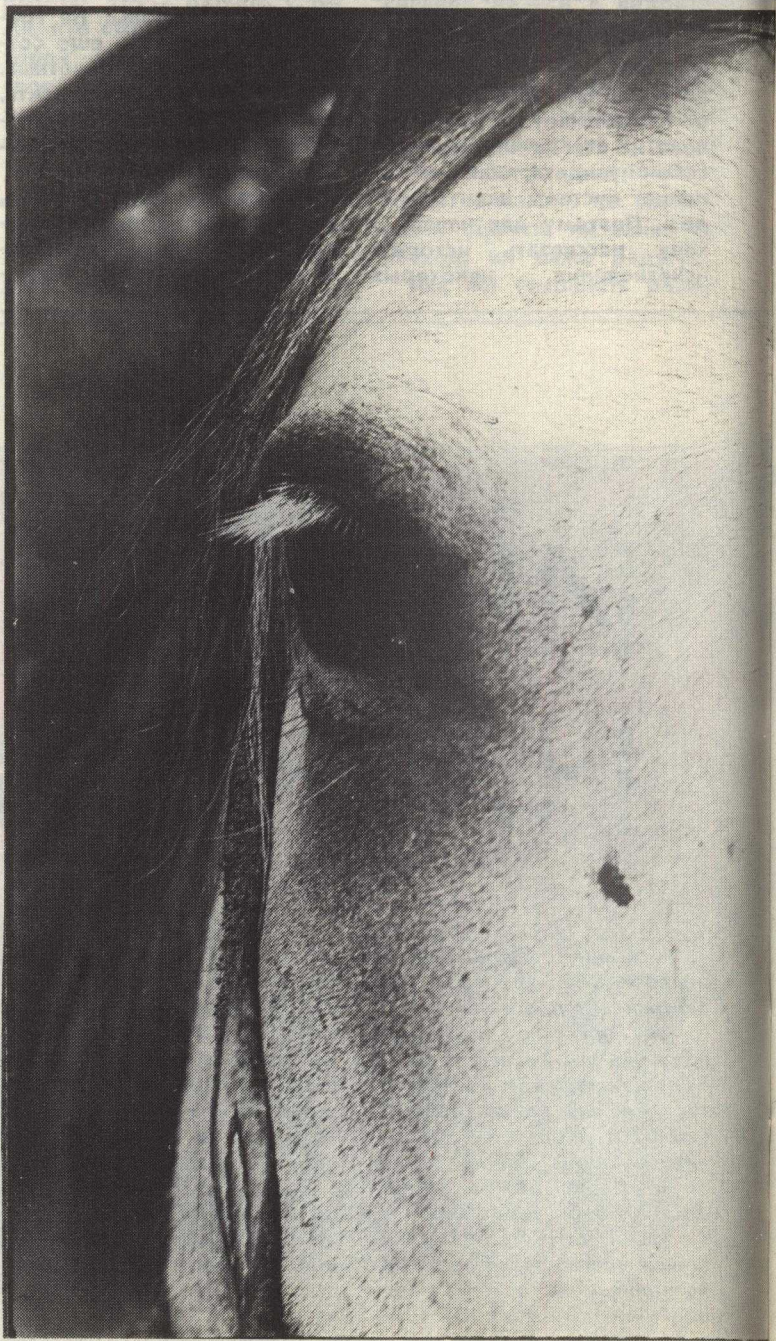
Еще в прошлом веке свободным и стремительным их табунам от горизонта до горизонта были открыты южнорусские степи, но лишь до той поры, пока они не стали заселяться человеком. Мягкие волны ковылей и поросль типчака стояли поутру в холодной светящейся росе, которой сполна хватало серым коням,

чтобы утолить жажду. Но степь вздымалась разгоряченной пашней, и мчались по ней от погонь бесчисленные табуны. Никогда не удавалось всаднику настичь тарпана на обычной лошади — не было ему равного по скорости соперника. Зимой небо обрушивало под ноги бесконечные снега, часами загонщики преследовали тарпанов по недвижным сугробам, то и дело пересаживаясь на свежие коней. И время, помноженное на боль и усталость, било встречным ветром по горячим от крови глазам. Тогда юные тонконогие жеребята отставали, падали в ледяное крошево, и промерзший воздух дрожал то ли от их ржання, то ли от чужого смеха. Взрослые же тарпаны уходили дальше и дальше — они, как серые чайки над поседевшей землей, были недоступны, далеки...

А горизонты уже оплывало покрасневшее от стыда и гнева солнце, оно спешило уйти. То были уже не средние века, когда тарпанов сотнями истребляли ради мяса. Теперь же дикая лошадь оказалась ненужным претендентом на землю. Вольные жеребцы угоняли в свои табуны домашних кобыл, а зимой приходили к заснеженным стогам сена.

Попавшие в плен тарпаны не приручались и быстро погибали, но воспитанных в неволе жеребят иногда удавалось приучить к седлу, однако и они выдерживали недолго.

А над землей все так же стояло небо, в последних тарпаньих следах застывало кристаллами время... Говорили, будто бы это иней. Иней на ковыле, на серых лошадиных шкурах... Но время таяло так же быстро, и, как всегда, конец наступил намного быстрее, чем того могли ожидать.

В 1889 году погиб последний тарпан. Это была одноглазая кобыла, история которой сохранилась до наших дней. Неожиданно появилась она в Рахмановской степи, где уже несколько лет никто не видел вольных тарпанов. По травам мирно бродили разномастные домашние лошади. Она осторожно приблизилась к ним. Страх не давал ей расслабить натянутые мышцы, и чуткие уши ни на мгновение не упустили ни один из всплесков звучащей земли. Домашние лошади приняли ее за свою. И она тоже вскоре свыклась с ними. Но человек все еще жил в ее темных глазах топотом диких погонь, ужасом зимних облав, вечной и странной тревогой. Эта тревога застыла в бездонных зрачках, стучала под сводами ребер. Дико храпя, скакала тарпаныха прочь от приближавшихся табунщиков, и люди рассказывали, что никогда не ложилась она на землю и спала стоя.

Годы сделали кобылицу более доверчивой и смирной. И однажды она все-таки решилась войти в зимний загон, где кормили домашних лошадей. Ее боков касались знакомые тихие кони, приятным холодом ласкал взрытый копытами снег. Серебристые от инея гривы шуршали, струились с крутых лошадиных шей. Природа чиста — там все на веру, все до конца, до глубин, без желаний затаенных и скрытых.

Этот грохот и крик, топот скачущих лошадей, скрип тяжелых дверей — все оказалось так до мелочей обычно и понятно. Но домашних лошадей выгнали из конюшни, а дикую кобылицу заперли там одну. Она металась в темноте, и в каждом углу ей виделся выход на волю. А в виски била горячая кровь, и спертое дыха-

ние спазмами сжимало горло. В холодные тиски отчаянья зажалось сердце. Но жизнь — всегда жизнь, и даже в самой боли и страхе она остается самой собой — время не возмещает утрат, стынет в старых ранах, но держит — держит живую, горячую кровь. Она выбила глаз, метаясь по конюшне, — полмира ушло в никуда.

Годы неволи — годы жизни, а жизнь всегда умеет стоять за себя до последнего... Весной у тарпаныхи появился жеребенок. Такой же пепельно-серый, с огромными грустными глазами. А люди тоже не знали, чем мерят кони свободу, — памятью или привычкой. И кто мог подумать, что память зверя — есть само время и сама его жизнь. Выпустив ее однажды из конюшни, люди верили в силу привычки, сами привыкнув считать, что время решает все споры памяти с жизнью.

Эти горизонты и небо! С торжествующим ржанием унеслась она прочь, а позже вернулась и ушла уже навсегда с жеребенком. Травы осторожно, наощупь распрямили под землей свои корни, ночь — как бездна, на западе уже пропал след упавшего солнца — а завтра будет ковыли, горизонты, щебетанье птиц и долгая, долгая жизнь.

Больше этих тарпанов никто не видел.

Аскания-Нова. Сейчас это уникальный заповедник, а тогда — в конце прошлого века — небольшой участок земли, где Фридрих Фальц-Рейн решил сохранить богатейшую местную фауну и флору. Там прослышали о том, что неподалеку, в Таврической степи, видели будто бы дикого тарпана. Крестьяне решили испытать резвость своих коней. Лучшие всадники на лучших лошадях, а некоторые и с двумя свежими конями под

седлом. Это был декабрь.

Бешеные скачки длились весь день — менялись кони и всадники, а тарпан по-прежнему был впереди. Воздух уже распался докрасна, обжигая широкие ноздри, а может быть, это кровь застилала темные усталые глаза. Скорость слилась со временем в одну мучительную боль, а сердце все отсчитывало отпущенные на жизнь секунды могучими гудящими ударами. Этот знакомый топот погони... это недвижимое небо... А почему небо недвижно, когда и земля, и все над ней стали невидимы в бешеной скорости? Оно стоит! Значит, туда можно уйти?!

Передней ногой попал тарпан в сурчиную нору, а в ушах все громче и громче вставал тяжелый гул приближающейся погони. Обозленный и измученный лежал он на снегу, вокруг плескался густой горячий воздух, а в снег медленно уходила боль сломанной ноги. Снег взрывали копыта храпящих лошадей, они тяжело дышали, мотали головами, пытались освободиться от натянутых поводьев. Звенели трензели, скрипели седла. Тарпана связали. И вдруг обнаружили, что это та самая одноглазая кобыла, которая предпочла свободу сытой конюшне.

Вскоре она умерла, измученная болью, отчаянием и усталостью.

А над землей стояло мутное небо, такое же, как и прежде. И, случайно подняв глаза на него, люди вдруг опустили взгляд. На землю?

Может быть, это еще не все? Ведь жизнь умеет стоять за себя! Трудно хранить хрупкую веру. Но во многих домашних конях уже текла тарпанья кровь — он растворился в них и исчез.

Ольга БУДИЛОВА

Фото Елены АДАМЧИК

Вагон номер один, как ни странно, оказался в составе последним. Впрочем, с этим мы легко смирились. Мы, но не вагон. Кативший поначалу плавно среди подмосковных полей, он, видимо, копил обиду и к ночи разошелся: сбросил со столика бутылку нарзана, завилял, точно провинившийся терьер, а потом поскакал, спутав, похоже, рельсы с утоптанной дорожкой ил-подрома.

Притворяться спящим надоело. Я вышел из купе. Шмелев стоял у окна, подставив напряженное красивое лицо мимолетному свету наплывающих огней.

— Дорогу вспоминаю, — ровным учительским голосом сказал он. — Там же едем, где и осенью сорокового, когда в армию меня призвали...

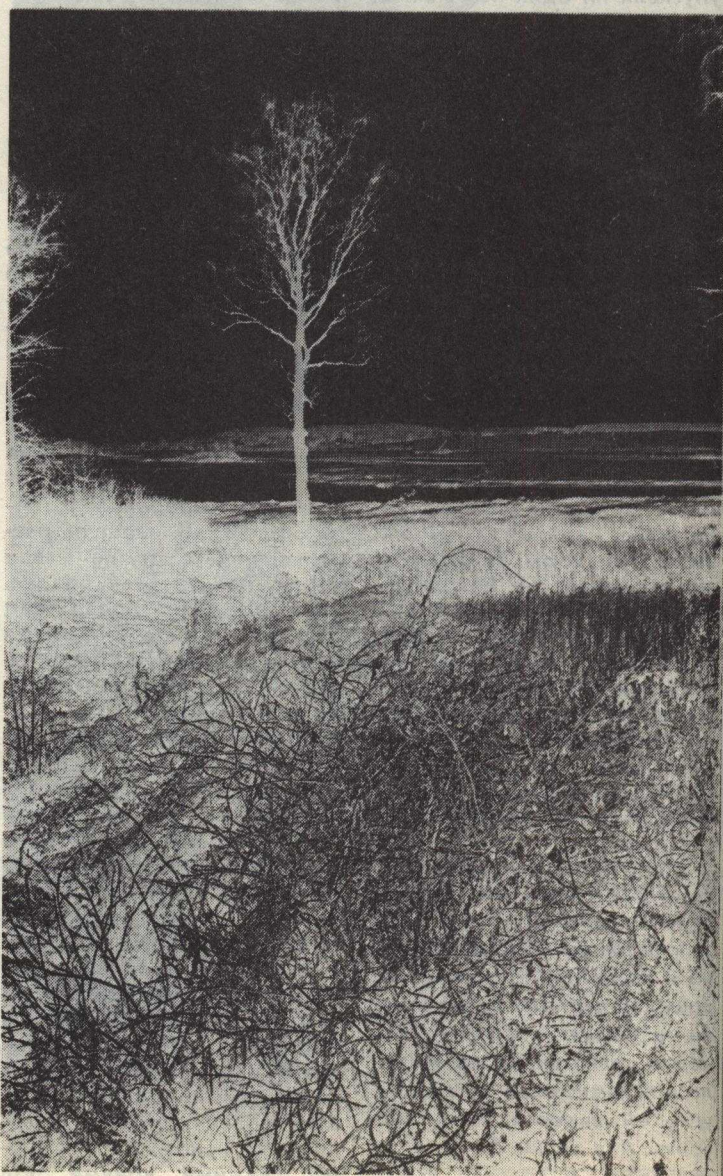
Да, это была та же дорога. Списавшись и затем встретившись на Белорусском вокзале, отправились мы с Андреем Даниловичем к западной границе, туда, где под Гродно разросшийся после войны Августовский лес прятал в своей чаще иссеченные пулями бетонные крепости-доты. Там, в учебной роте девятого отдельного пулеметно-артиллерийского батальона, начинал свою службу курсант Шмелев. Там из амбразуры дота № 59 утром двадцать второго июня 41-го вонзил он первую очередь в серо-зеленую цепь пьяной чужеземной пехоты.

Из взвода пятьдесят девятого дота уцелел он один. Уцелел, хотя фашист с фонариком и автоматом, добивавший тяжелораненых пульбатовцев, метил в сердце: пуля, как заговоренная, прошла чуть ниже в тот миг, когда сердце сжалось. Потом были тоска и мука вражеской неволи. Но и в те бесконечные, страшные годы, и позднее, уже снова учительствуя в родных краях под Тулой, в рваном пред-

ЛИНИЯ ОГНЯ

ТАЙНА ДОТА 59

Александр ПОЛЯКОВ

утреннем сне ловил он слова командира взвода лейтенанта Владимира Пилькевича: «Кто останется, пусть расскажет о нас. Пусть расскажет, как мы дрались и как умирали».

Вот почему мы здесь, под Гродно, в селе Сопоцкино. Отсюда до деревни Новики добрались автобусом, а дальше — лесные сугробы, по ним идем к дотам. Ведет нас высокий голубоглазый человек, Дмитрий Андреевич Гаврилин, завуч Житомлянской школы. Благодаря ему, его ученикам, стали известны подробности многих подвигов на здешней земле; они же нашли и сообщили в редакцию адрес Шмелева.

— Стойте, это мой, — узнает 59-й Андрей Данилович.

На оцепеневший зимний лес смотрим сквозь выщербленные амбразуры. Тихо. Стукнет дятел, стрельнет дальняя ветка, дрогнет куст можжевельника. А тогда — ничего этого: поле, обрамленное редколесьем, июнь, скользкие лучи встающего солнца...

Проснулся он от громкого шепота: «Тревога, в ружье, быстро...» И этот шепот почему-то быстрее привычной команды сбросил с коек курсантов учебной роты. Через несколько минут они были в доте, и взводный доложил командиру роты лейтенанту Кобылкину: «Пятьдесят девятый в полной боевой!»

По всем дотам передали приказ командира отдельного пульбата капитана Жилы: противник крупными силами перешел границу между соседними третьей и четвертой заставами. Приготовиться к его уничтожению!

Враги густой цепью шли по сверкающей от росы траве, не спеша, держа автоматы так, будто и стрелять из них ни к чему. Уверенные немцы июня сорок первого.

«Однако как просто начинается война. Война? Про-

сто росу сбивают чужие сапоги, и задача проста: уложить их владельцев в землю».

Он поймал в оптический прицел левый край цепи и дал первую очередь. Потом еще и еще. Заряжающий Петр Неумытов направлял ленту. Утренняя прогулка в Россию для многих гитлеровцев закончилась. Остальные залегли, но продолжали ползком приближаться к доту. Шмелев прицелился снова. В коротких паузах между очередями он слышал, как в соседнем каземате сержанта Петра Шапошникова глухо работает спаренный с пушкой «дегтярь» Абрамова и Ивана Суханова.

Фашисты побежали. Вслед им кричал начальник первого каземата сержант Сергей Глазов, бледный, но веселый, как всегда:

— Ну что, пришли, понюхали и убрались восвояси!..

Если бы так. На 59-й обрушился шквал артиллерийского огня. По амбразурам ударили скорострельные «эрликоны», и вражеские автоматчики уже с яростной осторожностью вновь двинулись к доту. Небольшой группе удалось достичь «мертвого» пространства, и граната полетела в гильзотводное отверстие. Взрыв отбросил, оглушил Шмелева и Неумытова, мелкие осколки впились в грудь; на несколько минут они потеряли сознание.

Андрей пришел в себя первым и увидел, как, ругаясь, торопливо заправляет в «максим» ленту их подносчик, добродушнейший Резаев.

— Патроны, Резаев, еще патроны! — он сам взялся за пулемет. Подполз очнувшийся Неумытов. Атака вновь раскололась о стену огня. Стало тихо. Пороховой дым, сизо струясь, уходил в амбразуру.

Из документов 28-й пехотной дивизии вермахта:

«На участке укреплений от Сопоцкино и севернее против-

ник твердо решил держаться любой ценой и выполнил это».

— Живы? — лейтенант Пилькевич, рослый, весь натянутый, как струна, оглядел их непривычно посветлевшими глазами. — Молодцы, но смотреть в оба. Укладывать фашистов аккуратно на травку, на травку...

Опять началась атака. Опять занули в рикошете расплюснутые о бетон пули; в ответ из амбразур 59-го, опережая друг друга, мощно и страшно завалили сплошным воем скорострельные установки.

К вечеру фашисты выдохлись. Ладный, подвижный Петр Афанасьев сделал вылазку, принес немецкую полевую сумку с противогазом, бутербродами. Чего-либо важного найти не удалось. Брезгливо сплюнул, посмотрев на полупрозрачные бутерброды: «Сквозь них затмение солнечное наблюдать хорошо... Сала-то, что воробей, простите, рыгнул». Посмеялись. А потом уже серьезно подвели итоги. Говорил Пилькевич:

— Вроде неплохо воюем, а, братцы? Не растерялись, все дрались умело. Но вот беда: немцы нарушили связь с другими дотами, с тылом. А самое серьезное — ушла половина боезапаса, на исходе пища, нет воды. И все же... И все же надо держаться до подхода основных сил.

Перед рассветом неугомонный Афанасьев отправился в разведку к соседним дотам. Сообщил: тридцать седьмой пуст, тридцать восьмой взорван гитлеровцами, но там уцелели раненые сержант Захаров и курсанты Грачев и Ирин. Уйти в 59-й отказались: «У нас еще есть снаряды и есть молоток». Молотком они били по капсюлю — упорная крышка оружейного замка сломалась. Так и стреляли. Потом Захаров оторвало пальцы на руке. Потом...

Потом случилось чудо: заговорил 37-й дот лейтенанта Петра Чуся. Загово-

рил — да еще как! — в критический момент, когда фашисты попытались прорваться на его участок.

Гитлеровцы заметались, бросились в сектор умолкшего 38-го дота, но тут уж пулеметчики 59-го могли их достать.

— Воронин, поддержать огнем дорогого соседа!

На целый час приумолкли немцы после этой атаки. И вдруг — взрыв; 37-й утонул в дыму, погребая бойцов под обломками.

— Враг скоро понял: пока мы живы, тут не пройти, — Андрей Данилович провел широкой ладонью по заиндевевшему боку дота, словно бы вновь поражаясь его многолетней неподвижной прочности. — Фашисты были уверены: против них стоят особые подразделения НКВД. А на самом деле — курсанты, так и не успевшие стать сержантами. Тогда противник изменил тактику. Впрочем, Дмитрий Андреевич лучше рассказывает...

Гаврилин пружинисто, молодому прыгает из дота в снег. Волнуется. Фронтвик говорит о фронтовике.

— Как потом выяснилось, командир гитлеровской дивизии вызвал специальный штурмовой саперный батальон. Защищаться со всех сторон у бойцов 37-го не хватало сил, и саперы взорвали его, досталось и другим дотам. А 59-й стоял...

Из документов 28-й пехотной дивизии вермахта:

«Защитники долговременных оборонительных сооружений сражались необыкновенно упорно и ожесточенно. Они боролись в большинстве случаев до последнего человека».

Неожиданно пробравшийся к ним связной сообщил: комбат капитан Жила — в первой роте, в доте № 17. Рядом сражается 213-й полк 56-й стрелковой дивизии. На помощь прорывается танковая дивизия, она сейчас в бою за поселком Сопоцкино. Ни со штабом 56-й дивизии, ни с танкистами, увы, связи пока нет. Приказ комбата: держаться!

Дело ясное. За три дня войны они многому научились: обходиться почти без пищи и воды, без сна, но как обойтись без патронов, снарядов?

За августовский лес закатывалось багровое солнце четвертого дня войны.

Связи по-прежнему не было, и они не знали, что немцы уже взяли Гродно и вот-вот возьмут Минск. А если бы знали, что бы это изменило? Внешне — в поступках, в поведении — думаю, ничего.

Есть ли что-то более мучительное для солдата, чем невозможность ответить врагу пулей на пулю? А враг наглед, чувствуя бессилие пуль-

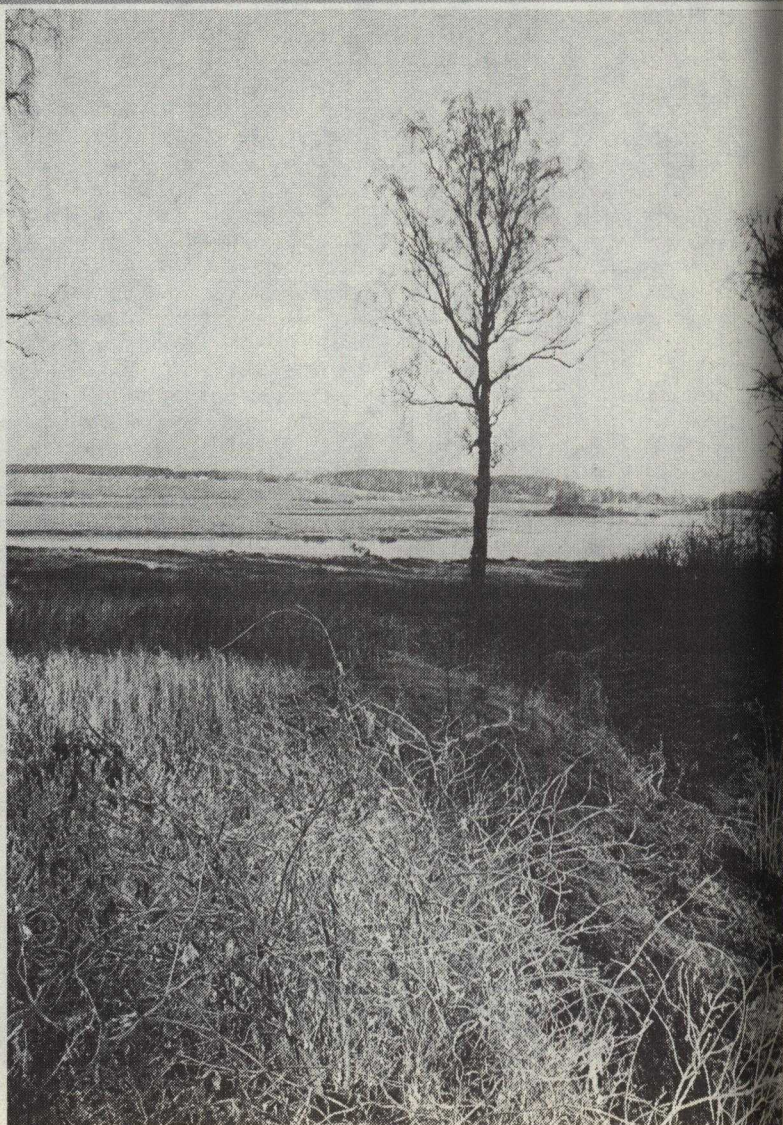
батовцев. Сержант Глазов с пулеметом пришедшего к ним с заставы раненого пограничника то и дело выбирался из дота и скупыми, точными очередями отбрасывал наседавших автоматчиков. Прячась за пригорком, кустами к доту ползли вражеские саперы.

Глазов устало опустился у бронированной двери. Он считал патроны.

— Не тужи, ребята! Еще один выход за мной...

Страшной силы взрыв потряс их дот. На Шмелева обрушилась спящая пыльная мгла.

Саперы все-таки добрались до перископного отверстия, швырнули пакет с мощ-

ным зарядом взрывчатки. Это случилось 28 июня. Из двадцати двух защитников дота в живых осталось пятеро — Воронин, Кузьминых, Петров, Афанасьев, Шмелев...

...Вот она, эта развороченная труба, над нашими головами. Скрученные жгутами балки, ржавый скелет арматуры.

— Я закрыл дверь в свой каземат, — вспоминает Шмелев, — и едва успел шагнуть в сторону, как ее вырвало взрывом. Мне чуть не отсекло плечо. Но и так я потерял сознание.

Придя в себя, он выбрался из разрушенного каземата и услышал стон. Это стонал лейтенант Пилькевич: полутонная дверь, сорванная с петель, придавила его. Андрей, обливаясь обморочным потом, попытался сдвинуть стальную махину. Напрасно, дверь и не шевельнулась. Беспамятство вновь овладело им. Очнувшись от тишины, лейтенант больше не стонал. Тогда в отчаянии застонал он сам.

Из документов 28-й пехотной дивизии вермахта:

«В долговременных укреплениях русские дерутся необычайно упорно. Даже выведенный из строя солдат, который со стоном погибает на земле, продолжает борьбу. Необходимо поэтому каждого раненого или убитого многими выстрелами из пулемета делать совершенно неопасными для наших войск».

Шмелев пополз дальше, чувствуя, что ползет по крови. В соседнем каземате сержанта Шапошникова наткнулся на Алексея Абрамова. Тот то ли сидел у орудия, то ли лежал, но в странной позе — выгнулся назад и головой почти касался ног.

— Ты ранен, Леша?

— Нет, Андрей, но я сейчас умру...

Понял: так ломает человека взрывающая волна.

Леша Абрамов умер.

С наводчиком Петром Петровым они буквально столкнулись в душной темноте дота. Петр был легко ранен. «Ничего, уже не один». Едва

перенесли обескровленных Воронина, Суханова, Кузьминых на нижний этаж, как над головой зазвучала чужая речь, затопали сапоги. Петров шарил руками, искал обломок бетона. «Последнее наше оружие, Андрюха»...

Фашисты, обследовав верхние казематы, собрались уходить из дота, как вдруг закричал в бреду Кузьминых:

— Бабушка, не хочу конфет, дай мне изюма!..

Было поздно. К ним стали спускаться. Вспыхнул фонарь, грохотнул автомат. Воронин, Суханов, Кузьминых... Теперь их черед. Петров метнул камень. Слепящий луч, брань, автоматная очередь, удар...

И снова, и снова они очнулись, Петров и Шмелев. Простреленные навывлет, но живые, все равно — живые! В набухших от крови шинелях им удалось продраться сквозь узкий потайной выход. По крыше дота ходил часовой.

— Пошли в рожь, — Петр рванулся вперед.

— Стой, лучше к лесу, — лес был хоть и дальше, но надежнее. Главное — добраться. Впрочем, кто знает, что сейчас главное: удача, зрение часового, хруст ветки, стук скатившегося из-под ноги камня, похожий на грохот горного обвала, далекий выстрел и тот, другой выстрел, которого услышать не успеешь...

Петров все же пополз ржавым полем. Часовой глянул в его сторону, крикнул и вскинул автомат. Петька вздрогнул и замер — убит. Забыв про боль, Андрей скатился в ложбинку и в этом броске услышал свист пуль. Заметили! Еще бросок. Несколько пуль приняла коряга, теперь — в кусты. Еще, ну!..

«Жив-жив», — поет лесная птица. «Жив-жив», — пролетели высоко пули.

Ему удалось выйти к маленькому госпиталю, скрытому перелесками и без-

дорожьем от наступавших войск врага. Однако скоро фашисты добрались и сюда. Шмелева вместе с другими полуживыми ранеными швырнули в кузов грузовика и повезли.

Из документов 28-й пехотной дивизии вермахта:

«В одном укреплении сражался последний оставшийся в живых человек. Он стрелял даже тогда, когда дот взорвался. Этот защитник убил двух немецких унтер-офицеров, когда они пытались после взрыва войти в бункер. Раненый русский офицер взорвал себя, положив на грудь гранату и спустив чеку, после того, как не мог уже больше стрелять».

Стрелять офицер не мог лишь потому, что стрелять было нечем. Кто он, из какого укрепления, нам пока не известно. Ведь и после того, как умолк 59-й, уцелевшие доты продолжали сражаться, расстреливая трагические патроны. Но нам известно теперь, как встретил врага дот № 59, как дрались его защитники, не пропавшие без вести, а павшие героями. Мы знаем, кто был рядом с ними, — товарищи из 37-го и 38-го дотов. И мы будем, уверен, знать еще больше, потому что в селах Житомля и Сопоцкино у школьных клубов «Поиск» смелые планы, а по следам не известных еще пока судеб их ведет мягкий задумчивый человек, не раз ходивший когда-то в рукопашную — сельский учитель Дмитрий Андреевич Гаврилин.

...Из дота выходим, когда Августовский лес уже завоевывают сумерки. Но нам хватает света, чтобы, согнав дыханием и руками иней с бетонной стены, написать крупно: «ДОТ № 59». Нам хватает света, чтобы увидеть непривычно влажный блеск в глазах Шмелева и позеленевшую гильзу в его раскрытой на мгновение ладони.

Фото Дениса КЛИМЕНКО

662 Полгода уже в чужом городе, среди незнакомых людей. Беда не в том, что вокруг незнакомые, а в том, что другие. И вот мне кажется, что я потихоньку меняюсь и предаю себя. Не помню уже, что люблю, не знаю, как одеваться, что говорить, с кем дружить. Теперь я ничего про себя не знаю... Росла впечатлительной и ранимой, плакала над «Оводом» и от музыки. Нет, не была плакской, даже смеялась над теми, кто принимает всерьез индийские фильмы. Кино любила всегда. И стихи писала. Правда, давно, в детстве. Потом они от меня куда-то ушли. Может быть, оттого, что в школе требовалось всегда быть похожей на всех. Не выделаться. Мне с трудом давалась такая наука. Что-то самое дорогое, мое, личное — исчезало. И боюсь, что совсем исчезнет... я никогда не пойду работать в школу, хотя моя будущая специальность предполагает такую возможность. Школа — грустная страница в моей жизни (правда, это никогда и никаким образом не соотносилось с оценками). Слишком памятные все детские обиды, а мир до сих пор делится на хрупких детей и жестоких взрослых. До сих пор для меня слова «взрослые» и «бездарность» — в одной связке. ...Родителям кажется: привыкаю. Но мне страшно от этого. Привыкаю не замечать пошлость, становлюсь какой-то всеядной...

Если бы вы знали, как трудно удержаться на грани, за которой тебя, твоей личности уже не существует — есть какой-то общий портрет, где ты всего только черточка или мазок...

Оксана К,
г. Ташкент

663 Я — неудачник. Учусь в десятом не то чтобы плохо, но и не в меру возможностей. Тяги к учебе нет.

Пессимист. Эгоист. Силы воли, конечно, не наблюдаются. Увлечения есть. В школе вожусь с оформлением музея родного края. Физически развит слабо. На физкультуре всегда позади всех. На танцы не хожу, это ниже моего достоинства (хотя какое там достоинство!). Не курю. Стараюсь не участвовать в драках. А если случается — всегда выхожу побитым. Как и многие моего типа, часто подхожу к зеркалу и вздыхаю. Думаете, никогда не говорил себе: «Все, с завтрашнего утра — спорт и новая жизнь!» Но держусь не более 10 дней. Друзей! Разумеется, не имею. А кто станет со мною, таким, дружить!

В классе — комсорг. Вижу ваше удивление. Не стоит, не стоит — я сам вызвался. Но из попытки чего-то наладить, организовать почти ничего не вышло. Думаю, что недостаточно в комсомоле. Верующий. Во что верую! Во что-то необъяснимое, темно-гнетущее.

Вам еще не смешно? Мечта! Цель! Поскольку ни одна мечта до сих пор не сбылась, больше их нет. Цель жизни! Вообще-то собираюсь на биофак, а потом — учителем в родную школу. Знаю-знаю, вы скажете, что для этого надо стараться, работать, учиться и много чего знать... От слов не легче.

Справедливый вопрос: а есть ли во мне что-то хорошее! Наверное, нету. Или просто я вбил это себе в голову. Есть гущая боль в душе. Да, боль. За себя и за всех. Я тоже виноват в чем-то. В чем — конкретизировать трудно. Разве что стихами немного получается.

Ну, дальше. Музыка! Нравятся народные песни. Знаюком эстрады никогда не был. Не принимаю ее, но и не отвергаю ее. Недостигаемым гением, героем, человеком считаю Владимира Высоцкого. Литература! Как ни странно, у меня еще не набралось десяти книг, которые потрясли бы мой внутренний мир.

Что там еще осталось! Красота! О, ею не отличаюсь, ни внутренней, ни наружной. Короче, я — нытик. Все. Пусть это будет исповедь. Да, вот еще что: любовь. Если честно, в настоящую — не верю.

Фу, расписал себя, как на холсте.

Буду ли переписывать...

ся! Возможно, если придут интересные письма. Хотя после того, что я про себя рассказал... А ведь хотелось бы многого. И у костра посидеть с друзьями. И на гитаре научиться. И, главное, сильным стать...

Валерий М.,
Калининская область

664 Пишет вам очередная психодиночка (не могу придумать, как написать слово «псих» в женском роде). Сажу я в пустой квартире, в голове разного рода мысли, а на душе кошки скребут. Ну почему, почему среди окружающих, среди массы людей так трудно бывает найти тех, кого не просто называют друзьями — без кого жизнь становится неполной, неполноценной! Наверное, потому что, что масса есть смесь без книжного разделения на добрых и злых, умных и дураков, честных и лживых и т. д. и т. п. Этот список хоть продолжай, хоть не продолжай — его в самом деле не существует. И в жизни приходится каждый раз заново решать, что тебе встретился за человек. Что у него под яркой, как фантик, или невзрачной, как кожура семечки, оболочкой! Слишком часто мы делаем ошибки в таких вот оценках. Кто-то их делает больше, кто-то меньше. А я только и знаю что ошибаюсь, а потом за ошибки расплачиваюсь. Как же мне надоело все это! Надоело с кем попало проводить время оттого только, что слишком страшно остаться одной. Если девчонка остается одна, без парня, считайте, что завтра ничейная эта девчонка будет уже «недевчонкой». Найдутся такие, что без лишних объяснений затащат ее в машину, в подъезд или к кому-нибудь на квартиру. Дальнейшее не принято описывать. Я все это знаю не понаслышке. Стыдно и страшно вспоминать, тем более писать... Но и не писать не могу, потому что не верю, что нет больше честных и чистых людей. Они ведь есть, правда! Пусть даже одиночки. Пусть кто-то из них орет или просто смеется без всяких на то причин. И жалеем собак и кошек. Как я...

Эля,
18 лет,
г. Набережные Челны

665 Все уезжают в город. Говорят, что за счастьем. Единицы остаются в селе. Я — такая вот «единица». Как-то раньше не думал, что возникнет проблема общения. Возникла. Деревня мне нравится с детства. Не просто любая деревня — своя особенно. Но она у нас здесь почему-то считается неперспективной. Вот и остались одни старики. Вечером даже в выходной сходить некуда. Единственное развлечение — работа. Механизатор я. В город не хочется ехать. Совершенно. Честное слово, не оригинальничая. Но вот надо решать, что же дальше-то делать. Что!

Евгений Белоусов,
21 год.
211051, Витебская область,
Дубровенский р-н,
п. о. Коршиково

666 Свое первое письмо в редакцию я написала по схеме: «нравится мне то, то и то, а не нравится это, это и вот это...» Перечитала — скучно! Написала другое. Постаралась отразить в нем свои чувства, душу выразить, если захотите. И получила ответ: вы, мол, девушка, от жизненных проблем в туманные дали бежите. А я не бегу! Просто считаю, что от одного «очкастого поэта» обществу может быть больше пользы, чем от десяти агитаторов. Просто по профессиональному тесту все мои «минусы» попадают на математику, физику, химию, геологию, строительство и так далее. Кажется, все ясно. Мне уже 20 лет. Буду художником. «Самого главного глазами не увидишь» — помните! А вот искусство и пробуждает в нас то самое шестое чувство, которое помогает «увидеть». Разве не так!

Увлекаюсь историей, психологией, языками, художественной фотографией. Слежу за развитием моды. Для меня это важно и естественно. Люблю выглядеть экстравагантно, но без крайностей. Не терплю «шмоточного» трепла про то, «где кто че достал». Слова «клипсы», «липсы», «прикид» впервые встретила только у вас в журнале. Среди моих знакомых они совсем не в ходу.

Книги люблю самые разные. А еще театр, кино, музыку... Конечно же, есть мечта:

[Окончание на стр. 64]

Продолжаем знакомить вас с конкурсами в различные вузы страны. Сегодня — информация о Ленинградском государственном

университете им. А. А. Жданова [199164, г. Ленинград, В-164, Университетская набережная, 7/9; тел. приемной комиссии — 218-94-55]; Ураль-

ском государственном университете им. А. М. Горького [620083, г. Свердловск, К-83, пр. Ленина, 51; тел. приемной комиссии — 55-73-94]; Омском государственном университете [644077, г. Омск, пр. Мира, 55а].

Факультет	Ленинградский университет				Уральский университет				Омский университет			
	плановое к-во мест		конкурс (к-во чел. на место)		плановое к-во мест		конкурс (к-во чел. на место)		плановое к-во мест		конкурс (к-во чел. на место)	
	1986	1987	1986	1987	1986	1987	1986	1987	1986	1987	1986	1987
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Математико - механический	325	325	1,5	2,2	175	175	1,8	2,0	75	75	1,7	1,9
Физический	273	275	1,3	1,7	150	175	1,2	1,2	75	75	1,0	1,0
Прикладной математики процессов управления	199	200	1,8	2,4	—	—	—	—	—	—	—	—
Химический	175	150	1,7	3,2	75	75	2,2	2,3	50	50	2,0	2,4
Биологический	—	—	—	—	50	50	3,9	4,7	—	—	—	—
Биолого-почвенный, в том числе по специальностям:												
почвоведение	50	50	1,9	2,0	—	—	—	—	—	—	—	—
биология	125	125	4,7	5,3	—	—	—	—	—	—	—	—
Геологический	149	150	1,5	2,2	—	—	—	—	—	—	—	—
Географический	100	100	2,5	3,8	—	—	—	—	—	—	—	—
Исторический,	—	—	—	—	—	—	—	—	50	50	4,5	3,8
в том числе по специальностям:												
история	78	75	11,5	10,8	50	50	7,7	8,0	—	—	—	—
историко-архивоведение	—	—	—	—	50	50	5,7	6,2	—	—	—	—
история КПСС	25	28	3,5	3,5	25	25	4,9	5,0	—	—	—	—
Экономический,	—	—	—	—	—	—	—	—	50	50	2,7	3,9
в том числе по специальностям:												
политэкономия	50	50	2,2	2,6	50	50	2,0	2,7	—	—	—	—
экономическая кибернетика	50	51	2,9	4,2	—	—	—	—	—	—	—	—
прикладная социология	50	50	3,8	5,9	—	—	—	—	—	—	—	—
экономика исследований и разработок	25	26	3,0	4,8	—	—	—	—	—	—	—	—
Филологический, в том числе по специальностям:												
русский язык и литература	51	50	25,0	12,0	75	75	3,2	4,1	75	75	1,9	2,4
славянские языки и литература	25	25	8,0	5,5	—	—	—	—	—	—	—	—
романо-германские языки и литература	125	125	9,5	6,5	—	—	—	—	—	—	—	—
классическая филология	10	10	6,5	3,5	—	—	—	—	—	—	—	—
структурная и прикладная лингвистика	15	15	4,0	3,0	—	—	—	—	—	—	—	—
Философский, в том числе по специальностям:												
философия	50	52	4,0	4,7	75	100	2,9	3,5	—	—	—	—
научный коммунизм	50	50	2,4	4,9	50	25	2,9	3,5	—	—	—	—
Юридический	150	150	11,4	5,6	—	—	—	—	100	100	4,6	4,0
Восточный	65	66	5,4	6,4	—	—	—	—	—	—	—	—
Журналистики	50	50	5,1	5,1	75	75	3,1	2,8	—	—	—	—
Психологии	50	51	20,6	18,6	—	—	—	—	—	—	—	—

«АБЗАЦ»

стенная газета
Малой
редколлегии

ПРЕДЛАГАЕМ ЖИТЬ ПО УСТАВУ!

...Мы предлагаем объединить группы молодежи, близкие по устремлениям, в команды (клубы). Такие клубы (команды) в первую очередь должны быть обеспечены помещениями и необходимым инвентарем. Члены команд могут сами принимать участие в строительстве помещений.

Для того чтобы команды поставить на подлинно организованную основу, объединить их, на наш взгляд, необходимо введение уставов. Их проекты, предварительно предложенные клубами, следует публиковать в печати, а после обсуждения и внесения возможных корректив уже принятый устав помещать в молодежных газетах и журналах. Уставы должны основываться на принципе демократического централизма и быть различными — ведь надо учитывать специфику наших увлечений!

После утверждения уставов им обязаны подчиняться все команды и все члены команд. К возможным нарушителям клубы должны применять те меры воздействия, которые записаны в уставах.

Важно отметить, что такие клубы будут работать самостоятельно, своих лидеров (капитанов) избирать сами...

Члены команды, следующие одному уставу, принадлежащие к одному и тому же течению; имеют право обсуждать и выбирать нравящуюся им отличительную форму, эмблемы клуба и т. п. Члены команды обязаны вносить взносы, которые шли бы на организацию всевозможных мероприятий. В число мероприятий могут входить встречи с интересующими их людьми, всевозможные поездки и экскурсии (на концерты, стадионы и т. д.).

Такое объединение в клубы, на наш взгляд, не только во

многом решит проблему досуга современной молодежи, но и позволит каждому утвердиться, лучше определить свое место в обществе.

Очень хотелось бы узнать, что по этому поводу думают читатели «Паруса».

Виталий БОНДАРЬ
и коллектив
«металлистов» г. Калининчи
Гомельской области

ПОМОГИТЕ «ОЖИВИТЬ» КОМПЬЮТЕР!

Уважаемые товарищи!

Я постоянно слежу за вашим журналом, и ученики мои читают его.

В целом журнал нравится, спасибо. Обращаюсь к вам с такой просьбой. Я работаю в санаторной школе-интернате г. Ялты Крымской области. Недавно мы получили первую в своей школе микро-ЭВМ (кстати, единственные в городе). Почему именно наша школа-интернат? Да потому что здесь обучаются и лечатся дети со всей Украины.

Но вот беда! Такая дорогая микро-ЭВМ простаивает уже 4 месяца. Не спешите делать выводы. Стоит она «мертвая» потому, что даже ремонтная мастерская не в силах ничем помочь. Завтра еду в Харьков за запчастью (есть договоренность), но я не уверен, что на этом наши беды кончатся.

Почему? Нет программ — ни учебных, ни игровых.

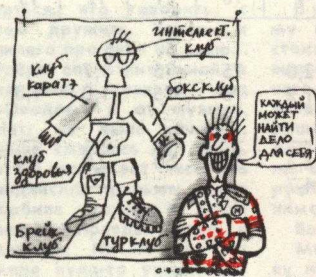
Может быть, откликнутся те из ваших читателей, у кого эти микро-ЭВМ работают, и поделятся с нашей школой программами?

Пусть даже они будут переписаны от руки, пусть (что, конечно, лучше) в виде распечатки, ну хоть что-нибудь.

Помогите нам!

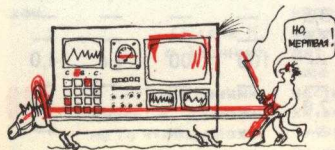
С уважением,

ПОМЕЛОВ Сергей
Геннадьевич,
учитель-воспитатель

Если речь идет о возможности объединения, то она есть. Имеется и специальное Положение, определяющее права и обязанности членов клубов по интересам — можете взять его в райкоме или горкоме комсомола.

Но вот что смущает: похоже, авторы письма опять ожидают команды сверху на создание самостоятельных клубов. Стоит ли ждать разрешения на инициативу?

P.S. Программы желательно на БЭЙСИКе.

Наша модель микро-ЭВМ — «Электроника-ДЗ-28»

Если вдруг письмо мое будете печатать, то, пожалуйста, заверьте тех, кто откликнется, что в случае высылки кассет с играми возврат их ГАРАНТИРУЕТСЯ (так, по-моему, принято в деловых кругах).

ДЯДИ ПРОЗРЕЛИ!

Включаю телевизор — говорят о Высоцком. Раскрываю газету — пишу о Высоцком. Выхожу из метро... Но об этом позже. Взрослые дяди и тети чуть ли не ежедневно в одиночку и хором твердят: вот какой Высоцкий замечательный человек был, все молчали, а он!.. Его имя — в публикациях о воинах-интернационалистах. Все музыканты, даже так называемый «поп», клянутся в верности его песенным традициям. У станции метро, развесив фотографии и календари с его плохо пропечатанным лицом, кооперативщики кричат: «Высоцкий! Три рубля!» Эти календари выпускает уже и промышленность. Прибыли с памяти? Да нет, сплошная убыль!

Нельзя восемь лет назад говорить одно, а сегодня — абсолютно другое. Высоцкий — не какой-то особый случай. История, например, с Александром Розенбаумом произошла на моих глазах. Я прекрасно помню, как ему не давали выступать, отменяли концерты. Помню статью какого-то майора о песнях Розенбаума, «способных нанести непоправимый ущерб воспитанию молодых». А мне Розенбаум и его «Бабий Яр» помогли лучше понять жизнь. Надо видеть лица людей на концертах Александра Яковлевича! И радость, и боль в их глазах... Два-три года прошло, и там, где его «топили», теперь уже возносятся. Налажена торговля фотографиями Розенбаума. У торговцев патент, их милиция охраняет. А рядом — «жучки», продающие билеты на концерт втридорога...

Ну объясните, пожалуйста, что происходит? Неужели нельзя прежде подумать, а потом уж клеймить? Мы же люди, а не уравнения, в которых величины легко меняют плюс на минус и минус на плюс.

Ольга,
студентка 1-го курса
Ленинградского
пединститута

СПОСОБ МЩЕНИЯ — ХАРАКТЕРИСТИКА!

Не так давно повздорила я с комсоргом, так называемым формальным лидером. Личные мелкие обиды. Меня предупреждали, что «лидер» наш — девочка злопамятная и на язык очень острая. И каков же был способ ее мщения? Характеристика, бумажка... Кстати, так вышло, что писать характеристику для того, чтоб я смогла на каникулах поехать по путевке, должен был заместитель комсорга. Так он же растаял, как восковая свечка. Одно слово — тряпка. Написал он характеристику самостоятельно? Нет. И ни слова не возразил, когда писали неправду. Появилась в характеристике строчка о том, что я «со странностями в характере», прямолинейна. В чем это выражается, мне так и не объяснили, но поехать я никуда не поехала. Комсорг мне сказала: «Обо всем узнаешь на бюро».

...Сейчас я хожу и стараюсь не замечать ни нашего «лидера», ни заместителя «лидера». Обидно. Они думают, я раскаяюсь, стану под их дудку плясать, но не дождутся.

Говорят, после драки кулаками не машут, а ставят подножки. Неужели надо так, как они?..

Рая А.,
16 лет,
г. Ташкент

Я ВСЕ ЗНАЮ!

«Лучший способ «насолить» такому преподавателю — знать его предмет. А самый верный способ закрепить прежние унижительные отношения — пользоваться «шпорой». Выбери...»

Это совет Малая редколлегия дала Татьяне из города Горького, письмо которой было опубликовано в № 12 журнала за прошлый год.

И вот еще одно письмо от Тани.

«Я все решила для себя сама. Наверное, взрослею. Я все поняла. Сейчас у меня по обществу ведению 4 и 5. Уважения к преподавателю не прибавилось, но я все знаю! Уроков не срываю, контрольные пишу без «шпор». И даже самой приятно. Спасибо тебе, Малая редколлегия, за помощь!»

Адрес для пересылки программ:
334237, Крымская область,
г. Ялта, ул. Кирова, д. 71, кв. 5.
Помелову Сергею Геннадьевичу

А кто сказал, что характеристика — это личное мнение комсорга? Есть общий порядок: комсорг пишет проект, а утверждает этот документ собрание первичной организации. И в конце делается запись: «Характеристика обсуждена и утверждена на комсомольском собрании в присутствии комсомольца такого-то. Число. Протокол №...»

ВЕРШКИ И КОРЕШКИ

Читатель «Паруса» предпринимает попытку обзора молодежной печати

Кажется, нет печатного издания, которое не обсуждало бы на своих страницах «молодежные» проблемы. В. Приемыхов, сценарист фильма «Взломщик», в интервью ленинградской газете «Смена» сказал: «У молодых нет каких-то своих, особых проблем». И это должно быть очевидным! Нас будоражит и тревожит то же, что и старшее поколение.

Моя точка зрения: уже давно пришло время не публиковать заметки о буйстве «фэнов» на стадионах и рок-концертах, о «нравственной убогости «системников» — хиппи 80-х, не обсуждать черную амуницию «металлистов», а на основе огромного, в принципе верного, материала о причинах появления, фактах и последствиях деятельности НОМов (неформальных объединений молодежи) разграничить действительно опасные по своим социальным последствиям течения и вполне нормальные проявления самоутверждения. Задолго до того, как дискуссия о НОМах достигла своего апогея, психологи доказали, что НОМ — это поиск молодежи себя. Социологи «разжевали», что НОМах — это одновременно и протест против «негативов» современной жизни, и их последствия. Читатели молодежных изданий дополнили, углубили эти абсолютно верные, на мой взгляд, мнения, подкрепили их примерами, рассказами о себе и своих знакомых.

Но я хочу сказать об основных ошибках, которые, на мой взгляд, допускаются в периодической печати при обсуждении вопроса о НОМах. Прежде всего, это абсолютизация какой-либо одной причины появления группировок по интересам. Редкая статья дает многосторонний анализ причин появления неформалов. А следовательно, и бороться предлагается толь-

ко с одной какой-нибудь причиной. Ясно, что такая однобокость не может дать желаемого для большинства взрослых результата — приведения всей молодежи к одному знаменателю. Я уж не говорю о том, что молодежь и не должна быть вся на один фасон. Но идет еще и смешение в общую кучу, а вернее — неумение отличить панка от «а ля панк», рокера от «а ля рокер». Прочитав в «Правде» открытое письмо Ю. Бондарева, В. Белова, В. Распутина, Марина Л. пишет: «Я знаю, даже уверена, что многие любят рок и «металл» только на словах. Потому что это модно! Могут часами «балдеть», а на самом деле только и ждут, когда эта «музыка» кончится...» Речь идет как раз о тех самых «а ля...». К сожалению, я не встречал еще статьи, в которой было бы грамотно проведено разграничение истинных (если можно употребить это слово) неформалов и примазавшихся. Все в куче, толпе под каким-нибудь ярлыком.

В журнале «Молодой коммунист» напечатаны отклики на публикацию А. Подберезского «Куда зовет труба?» Статья, безусловно, спорная, но в точке зрения «Сталкера» — «системника» с десятилетним стажем — есть ряд интересных мыслей. В частности, и та, что А. Подберезский предостерегает от «причисления всех под одну гребенку», от односторонности и тенденциозности. Еще одна верная мысль «Сталкера»: «Чтобы решить проблему, необходимо как минимум правильно ее поставить».

В чем же сейчас проблема? Статей появилось много — и в основном они не несут ничего нового, а лишь повторяют общеизвестную информацию. Идет «пережевывание» материала. Конечно, эта тема так обширна, что о ней можно по-

сать книги (которых, кстати, нет). Но пока приходится ограничиваться периодикой, чтобы получить пищу для ума. А пища-то поступает нередко малопитательная.

Большинство читателей винят Запад в том, что он увел молодежь от деятельности. Авторы писем забывают, что бытие определяет сознание, а не наоборот — это должны знать уже старшеклассники. Почему бы не задать себе такой, к примеру, вопрос: «Запад — истоки или параллели?» Журналист-международник Э. Розенталь в беседе с корреспондентом газеты «Аргументы и факты» сказал: «...Западная пропаганда заполняет идеологический вакуум...» С этим трудно не согласиться. Итак, согласимся, что НОМы возникли объективно. Социологи единодушно признают, что просто запретить их — нельзя. Оставлять без внимания нельзя тоже. Остается один выход — организовать, придать течениям формы, приемлемые для нас. То есть сделать из «металлистов» кружок при ЖЭСе с определенными днями и часами работы.

И что из этого получается?

Передо мной статья В. Коробкина «От ворот поворот» (газета «Смена»). В клуб, куда должны были войти рокеры «мотоковбой», они не попали потому, что:

— во-первых, рокеры не знают своей техники;

— во-вторых, алкоголь и табачный дым — непременные спутники ночных поездов;

— в-третьих, у большинства отсутствуют водительские права.

Но все-таки клуб создан и существует. Вот только включает он не тех, кто на «Явах» и «Чезетах» без глушителей вкушает романтику ночных гонок по спящим кварталам города. В него вошли те, кто на вопрос: «Так значит, вы и есть рокеры?»

отвечает: «Мы не рокеры, а мотоциклисты». В том-то и дело! Те, «ради которых» и разгорелся весь сыр-бор, не хотят, не могут и не будут организованы в какой-либо клуб.

Почему?

«Комсомольская правда» дает ответ на этот вопрос. Один из футбольных «фэнов» сказал: «Нам наплевать на футбол. Нам главное — отдохнуть, побузить». Но буквально через несколько строк автор статьи «Странники» В. Заровский пишет: «Очевидно, необходимо создать «Клубы любителей футбола».

Зачем? Ведь «фэны» (а не «а ля фанаты») просто не пойдут в эти клубы, т. к. ни один клуб не сможет дать им «главного» — побузить. И условия, которые будут предъявлены члену клуба, из «фаната» сделают пай-мальчика. А это их не устраивает. И повторится та же история, что и с рокерами. Будет создано впечатление решенного вопроса. А решенного ли?

Путь образования многих НОМов предельно прост. Увлечение музыкой и особая симпатия к одной группе или стилю ведет к появлению «секретовцев», «нововолистов», «металлистов», «бравистов»... Увлечение атлетизмом привело к появлению «люберов», которые, накачав мускулы, решили найти им применение.

Мотоспорт уводит в рокеры. Надолго ли? Вот что пишет хоккейной командой СКА. Мне 20 лет. Я еще покочу на хоккее 2—3 года, а затем... появятся много других забот. Кто видел на улице двадцатипятилетних молодых людей, одетых под «стиль», «металл» или «фэнов»? Ребята отслужили в армии, создали свои семьи, и «прикид» отпал как не имеющий цены.

Молодежь в подавляющем большинстве своем выбирает нормальную жизнь, а не бесцельные гонки на мотоциклах и крики на стадионах. А Башнин пишет в «Смене»: «Ведь система системой, а жить хочется по-человечески». Хотя как раз из «системы» уйти, мне кажется, много сложнее. И не потому, что «система» не отпускает. Отпускает! Иди... Но куда идти, нигде не работая и не учась? Куда идти парню, до 30 лет прокричавшему «Харе, Кришна, Рама!»? Ему куда идти! Нет желания — ведь тогда придется что-то делать, а он уже отвык, а может быть, и никогда

вовсе не делал ничего путного. Вот, на мой взгляд, тема, которую необходимо обсуждать, чтобы в дальнейшем действовать. Если мы потеряем из виду «хайрастов», кришнаитов хотя бы на два-три года, дадим потусоваться в парках, кафе, на станциях метро, то они просто уйдут от нас, как ушли те, кого вырвали проституция и игла.

Не было удара по рукам, взявшим шприц. Никто не встал в дверях отеля перед девчонкой и не сказал ей: «Если сейчас я позволю тебе войти в номер люкс, к тридцати годам у тебя не будет возможности войти в свой дом — у тебя его не будет!» А теперь бурно обсуждается результат бездействия и молчания.

Еще один просчет — и, по-моему, немаловажный. Вот та же «Смена» опубликовала письмо членов ОАД (отряд активных действий — своего рода ленинградские «люберы»). Другая только форма — строгая «цивильность», белые рубашки, галстуки и перчатки). Но кто, скажите, видел на улицах Ленинграда ребят с повязками: «Боевик ОАД»? Где они, «оадовцы», проводящие «разъяснительные беседы» с поклонниками различных музыкальных направлений? Через месяц с небольшим газета опубликовала письма читателей, высказывающих свое мнение об ОАД. Но никто не задал вопрос: «А где же те, о ком мы пишем? Где то, что мы обсуждаем? Есть ли они? Стоят ли такого внимания?»

А вот пример противоположный. Уже не единичные случаи появления на улицах Ленинграда ребят 13—15 лет, одетых в тельняшки, бушлаты с красными бантами, картузы, бескозырки, кепки, беспорядочно увешанных значками, в длинных шарфах... Так, например, на демонстрации 7 ноября прошлого года этих ребят, называющих себя анархистами, было немало. Приходилось их видеть и в пригородных поездах. Допустим, что пока это только

желание привлечь к себе внимание. Ничего не могу сказать относительно их деятельности — просто ничего не знаю о ней, но кто ответит, чем решат заняться эти ребята? Кто понял их намерения, узнал программу, поближе познакомился? Продолжаем мусолить старые темы, не обращая внимания на новые явления... Зачем же писать о том, чего в действительности не существует, и упускать то, что заслуживает внимания?

Теперь о главном. Никто не станет отрицать, что в последнее время печатные издания стали интереснее, правдивее, смелее. Хочется, чтобы они стали, по ленинской мысли, «коллективным организатором». В частности, и в работе с НОМами. При разборе проблем не допускать топтания на месте, переливания из пустого в порожнее. Реагировать на любые новые формы проявления неформалов. К их оценке подходить разборчиво, избегать категоричности, шаблонности и обязательно отделять зерна от плевел. В последнее время призыв «К диалогу!..» кое-где обратился в лозунг «К дебатам!..» Продолжительным, а нередко и бессмысленным. А бессмысленная деятельность во много раз хуже даже бездеятельности, так что давайте думать.

И еще. Главным в работе с НОМами должно стать не просто общественное мнение, а личное влияние на каждого неформала. Нередки письма со словами: «...Мне (нам) неважно, что вы будете думать (говорить)». К отрицательному отношению уже привыкли и не обращают внимания. Это стало нормой. Сверстник! Попробуй ты, сам, лично заинтересовать того, кто целью жизни считает отбирание спиной стен метро или подъезда. Покажи как друг нищету его духа и интеллекта. Помогите ему (ей) заглянуть на лет пять вперед. Это в наших силах! Кто, если не мы?

Сергей МАНЬКО,
г. Ленинград

К РЕДАКЦИИ!

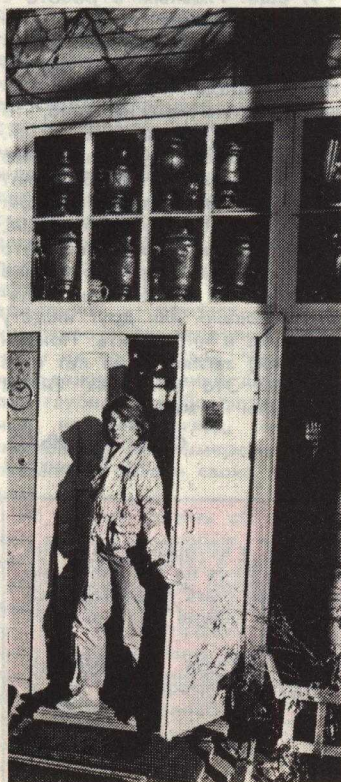
Мое письмо было задумано как статья, в которой я изложил свои мысли. Тема неформалов привлекла меня не так давно, но основательно. Думаю, что 88-й год должен стать решающим во многих областях жизни, в том числе и в сфере деятельности молодежных неформальных объединений.

В двух словах о себе. 20 лет. Учусь на третьем курсе гуманитарного вуза. Моя будущая профессия связана с людьми, может быть, это и обусловило интерес к НОМам. Прошу не делать выхватывания отдельных мест и не публиковать выдержек из письма. Только целиком!

Именно этим входом воспользовались члены Малой редколлегии Наташа Каштанова и Денис Клименко, чтобы рассказать нам о положении в селе Михайловском после того, как в августе минувшего года по Пушкиногорью пронесся ураган, затопивший дороги, поля, загубивший в Пушкинском заповеднике три тысячи деревьев, полторы сотни из которых — мемориальные. Более тысячи комсомольцев — учащихся, молодых рабочих — добровольно превратились в спасателей. Многие из них намерены вернуться в заповедник нынешним летом. Какая работа ждет их? Много ли сделано? Много ли предстоит!

Малая редколлегия

ВХОД С ХОЗДВОРА

— Зря вы, по-моему, сюда приехали,— сказал Юра Иванов с некоторым, прямо скажем, раздражением.

Канцелярская резинка, которую он вертел в руках, пока мы объясняли, кто такие и зачем, пружинисто распрямилась и улетела на середину стола. Юра взял ее и опять щелкнул. Так несколько раз — щелчок, удар резинки о настольный календарь, и опять. Ну что за манера — бросить фразу без объяснений? Еще и эта резинка...

— Так что же, по-вашему... — начала я.

— По-моему,— погасил он наконец прыжок резинки ладонью,— по-моему, не случилось ничего такого, чтоб полторы тысячи человек со всей страны сюда рванули. Ну, поперекрывало бревнами дороги... Ну, деревья повалились! Так Пушкин, может, и близко не ходил возле того места, где они через сто лет выросли!

— Но в «Правде» писали, что очень много пострадало мемориальных... И про оползень писали на городи-

ще Воронич, где Пушкин «Бориса Годунова» сочинил...

Юра глянул в протянутую мной заметку и чуть усмехнулся:

— Подпись нашего Семена Степановича Гейченко — директора заповедника. Вы ж понимаете — искусствовед, эмоции, тонкие чувства... А тут дерево свалилось. Ну и что? Свалилось дерево. Вот по урожаю буря потопталась — это насуточно. Только энтузиастов не много есть спасать.

Для меня как-то не было альтернативы: или урожай спасать, или Пушкинский заповедник. Раз свалились эти два дела сразу, думала я, значит, как-то надо их сочетать и эти два дела делать. В конце концов, Юра Иванов — не просто секретарь райкома комсомола. Он секретарь Пушкиногорского райкома. Любовь к Пушкину как бы автоматически входит в его обязанности. В этом месте я свои внутренние размышления прервала. Я подумала: как это любовь может входить в обязанности автоматически?

— Юра,— спросила я,— а вы его любите?

— Кого?

— Ну, Пушкина?..

— Люблю,— пожал он плечами.

— Юра,— опять спросила я,— а вы что-нибудь сами делали? Я имею в виду — по спасению заповедника.

— Пилил немного,— опять пожал Юра плечами. И опять замолчал.

— А отряды добровольцев? Ими кто занимался?

— Я встречал.

— Откуда же ребята приезжали? — мне хотелось точнее знать это, хотя в газетах печаталось, что приезжали комсомольцы из Москвы, Ленинграда, Пскова, Минска, Риги, Киева, Таллина. Мне хотелось все города перечислить, чтоб никого не обидеть невниманием. Но — Юра мне в этом мало помог.

— Из Ленинграда, кажется, точно приезжали... А так больше и не спрашивал я. Встретишь, проследишь за поселением — что еще с меня требуется?

Я не знала, что еще требуется с секретаря райкома комсомола, в распоряжении которого оказались вдруг полторы тысячи молодых людей со всей страны. Но я знала, что с этим ребятами не хватало инструментов, что они маялись без бензопил,— и другие ребята, которые не смогли сняться с мест и отправиться в Пушкин-горье, после смены, внепланово делали эти бензопилы и этот нехитрый инструмент, чтобы отправить сюда. Я знала, что многие из приехавших брали отпуски за свой счет, многие выдержали борьбу с деканатами, клятвенно обещая наверстать упущенное в программе и по возвращении вечерами отрабатывать практические занятия. Я знала, что они жили в палатках сырой дождливой осенью и просили одного — работы, самой тяжелой работы, хотя по технике безопасности им таковая не полагалась. То есть я знала, что в большинстве это были очень хорошие ребята, которые, возможно, не отказались бы и помочь с урожаем, если это дело насущное. Мне было очень жаль, что последний отряд уехал день назад. Мне было жаль,

что не состоялось в моей жизни такое хорошее знакомство. И еще мне было очень жаль настроения, с которым мы ранним, ежащимся утром вышли с Денисом из ЛАЗика на остановке под скромненько написанным названием «пос. Пушкинские Горы». Настроения, с которым мы шли к райкому мимо типовых, туманно-заспанных еще пятиэтажек и вглядывались в каждое дерево. Где-то внутри гнездилась гордость от близости к горячему, масштабному делу, в котором все, чего ни коснись, было главным. И Пушкин, которого я люблю с детства. И восьмидесятипятилетний хранитель Пушкинского музея Семен Степанович Гейченко, о котором я много читала. И огромное дерево, чья верхушка сломалась злощастной августовской ночью и рухнула едва ли не на могилу поэта...

— Юра,— попросила я.— Покажите нам это дерево, которое переломилось над могилой.

— Могила здесь,— кивнул Юра за окно.— Метров пятьсот от меня до Святогорского монастыря.

Потом, возле монастыря, он на мгновение остановился, перед тем как пройти внутрь, и сказал вяло:

— Вот, значит, это дерево. И могила.

— Действительно,— сказала я,— совсем близко.

— Да, большой простор для изучения,— кивнул Юра. В монастыре он был многословнее.

— Вот это — монашеская келья,— говорил он.— Кажется, сейчас со своего монашеского ложа встанет затворник Пимен...

— ...встанет затворник Пимен и, гремя веригами, сядет за письмена,— сухо и заученно говорил экскурсовод группе экскурсантов впереди нас.

— ...и, гремя веригами, сядет за письмена,— вторил ему Юра.

Позже я вернулась в Святогорский монастырь — просто походить без всяких экскурсоводов, без натужно-

го продиранья сквозь их деепричастные обороты. Позже пришла я и к могиле Пушкина, чтобы тихо постоять на ее краю под мокрой елью. Но тогда, после экскурсии Юры Иванова и его рассказов про затворника Пимена, ничего этого не хотелось. Хотелось пойти нехоженной, неэкскурсионной тропой, самостоятельно разобраться, зря мы приехали вслед за полутора тысячами таких, как мы, ребят или не зря.

Под ногами — деревянные ребра горбатого мостика. Потом — аккуратный песочек со следами грабелей. Низенький сараюшка, о котором кучер Пушкина рассказывал: «С утра из пистолетов жарил в погреб вот тут за баней, да раз этак сто и выпалит, в утро-то...» Серенький заборчик... Потом — два подсобных домишка, шест для флага и кусок земли, на котором в осенние каникулы гнездились палатки школьников — «доброхотами» их называли здесь. Все это вместе называется хоздвор. И всем этим вместе руководит замдиректора по хозяйственной части Алексей Федорович Петров. Мы брели, брели нехоженными, на наш взгляд, тропами и забрели с Денисом сюда. Увидели табличку на двери. Табличка сообщила, что за дверью, значит, заместитель по хозяйству, или, короче, завхоз. Тут дверь и открылась. В дымовом облаке сигаретного происхождения стоял человек.

— Заходите, детки,— сказал он нам. Потом уж познакомились. Помнит ли он ту августовскую ночь? Мне даже стыдно сразу стало, что об этом спрашиваю.

— Ту ночь! Я ж как раз в Михайловском был!

— Ну, расскажите...

— Расскажите! Что ж вам рассказывать? В бурю лучше и не вылазь. Такой вот опыт. Однако надо ж было выйти подежурить — пошел. Иду, ступаю... Осторожно, конечно, у нас же это не в первый раз. И в 67-м году

было — все хвойные полегли... И в 78-м, в мае, циклон с градом — а градины по сто граммов каждая... Ну, вот, значит, и иду — то там обвал слышу, то тут... Потом — прямо передо мной. Деревья ж падали в несколько слоев. Иногда какой-нибудь один ствол только и поддерживал этот гроб над землей. Плюнь — и накроет. Страшно — чего ж скрывать. Так со всех сторон деревья обложили, что еле выбрался. Заблудился даже, а я ведь здесь каждый кустик знаю. Но хотелось поскорее посмотреть, что здесь беда наделала. Потом ребятки-добровольцы полтора месяца только дороги расчищали к Михайловскому, Тригорскому, Петровскому...

— И вам приходилось?

— Мне? Чего ж — приходилось... Тут мне всякое приходилось — хозяйство, как ни верти, а мое...

Алексей Федорович руками развел, и я увидела, какие у него мозолистые ладони. Немало им, наверное, пришлось подержать рукояток топоров да пил.

— Опять же, — продолжает он, — пацаны работают — мне сидеть? — И вскидывает брови, и говорит весело: —

Зато сколько счастья было, когда приехали семеро рабочих из Перми, с завода имени Дзержинского. С бензопилами! Хотелось хоть что-то спасти. Деревья же рушатся — и другие ломают. Однако что же мы сидим? Это все показать можно.

...Березовые тела устилали землю. Издали казались они ковром, настолько плотно лежали на Земеной горе. То и дело встречались пни, высокие, еще под корень не подпиленные. Не хватало лип в аллее Керн.

— Гейченко наш, Семен Степанович, не все и видел, сказать вам по секрету. Я от него пока в тайне держу, что на Земеной горе делается. Знает он, конечно, что большой повал, но сил нет везти его на это кладбище. Не знаю я, что с ним и будет. Он же над липой в аллее Керн просто стоял и плакал! «Я помню чудное мгновение...» — прочел вдруг Алексей Федорович с удивлением на «я помню». И спросил нас с Денисом: — Помните?..

Мы дружно кивнули. Потом я спросила:

— Алексей Федорович, вы много о Пушкине знаете?

— Как же любить и не знать?

— А любите?

— Как же здесь жить и не любить? — развел он своими большими руками.

Я вспомнила его слова на следующий день, когда мы с Денисом топали пешком в Михайловское белой, хрустящей от инея дорогой. Топали мы, топали — вдруг тут мужичок на лошади с телегой. Как не упроситься? Упросились, поехали, пуская

пар из ноздрей. Денис, порассуждав о запрете фотографов снимать восходы и закаты в контровом положении, умолк. И дедок наш помалкивал в бороду. Я хвоянку грызла. Так ехали. Потом возница тпрукнул на лошадь, остановился и вдруг, ткнув в меня пальцем, у Дениса спросил:

— А ты б пошел за нее на дуэль? Пошел бы?

Ответить Денису не пришлось — кобылка неожиданно трянула нашу телегу, Денисовы объективы екнули и отвлекли от дедовского вызова. Я же, посетовав на

то, что правды не узнала, подумала: наверное, здесь и впрямь нельзя жить, не любя Пушкина, не думая над тем, пошел бы ты на дуэль за Нее или нет.

На телеге между тем ехали мы в гости к главному инженеру заповедника Александру Андрееву. Хотелось поговорить о том, почему за три месяца полторы тысячи человек не смогли осилить подготовленный ураганом фронт работ. Об этом, усмехнувшись, обмолвился вчера Юра Иванов, считая приезд аварийных отрядов напрасным. Сам рассуждать не стал, а я, не видя еще, сколько осталось дел, не настаивала на объяснении. Нынче же, после разговора с

Алексеем Федоровичем, я казалась себе знатоком событий, поэтому важно заявила главному инженеру, что по масштабам разрушений сюда бы не бензопилы просить, а экскаваторы, самосвалы... Тогда бы, конечно, быстро управились.

— Помилуйте! Какие самосвалы! — искренне испугался Александр. — Здесь же — земля, грунт!..

Для убедительности он потопал сапогом по земле — грунту.

— Ведь это же что может выйти?! Это же прогнуться все может! А в земле — микрофлора, кроты, мышки всякие, грунтовые воды, которые водоемы поят. Что же мы — деревья спасем, а остальное погубим? В природе же все взаимосвязано. Вот не известно еще, что на горе Воронич будет, когда пойдет весеннее таянье. Надо за зиму успеть вывезти сползший грунт и песок — не хватало только у подножья горы болота!

— Так как же вы собираетесь управиться? Без техники совсем?

— Чего ж, — сказал Александр. — Вот поймает морозы — подтя-

нем что-нибудь похожее на экскаватор. Опять же — машину для уборки пней предлагают. Но откажусь, наверное, — тяжелая машина! Придется, видно, на руки налегать больше — иначе не сохраним местность.

— А вы считаете, что не только мемориальные деревья надо сохранять?

Александр посмотрел на меня странно. Я сей же момент заоправдывалась, что это не мое мнение, что это мнение просто одного человека: «Ну, поперекрывало бревнами дороги! Ну, деревья повалились!» Ну, — можно продолжать, — не будет под землей мышек, ну — будет болото у горы Воронич...

— Что я вам скажу? — пожал Александр плечами. — Вернее, этому вашему одному человеку... Если бы под горой Воронич было болото, Пушкин бы на этой горе «Бориса Годунова» точно не написал! Впрочем... Впрочем, вы эту тему для разговора с Семеном Степановичем поберегите. Только не рассказывайте ему про этого вашего одного.

...Уже третий день командировки подходил к концу, уже и вообще командировка наша кончилась, а мы все не решались пойти к директору Пушкинского заповедника. Все казалось, мало еще знаем — и об августовских событиях в заповеднике, и о самом Пушкине. Честно сказать, и просто этой встречи побаивались. От разных людей о Семене Степановиче получили мы разные отзывы: «эмоциональный очень», «под настроение попадете — может прогнать!», «он тут у нас рука-хозяйка», «вы работайте, только Гейченко не попадайтесь на глаза», «штаны на юбку поменяй, а то не дай бог увидит!»

Юбки у меня с собой не оказалось, так что ходила в штанах, в них, естественно, и сидела. А сидела я в тот момент, когда встрече угодно было состояться в канцелярии и переписывала, откуда и какие прибывали в Пушки-

ногорье добровольные отряды.

Вошел высоченный и очень большой, как мне показалось, человек. Из-под шапки — лен пряжей. Один рукав пустой. Он! Взгляд — цепкий и колючий — тут же схватил меня и вытянул из-за стола, как школьницу перед директором.

— А ты кто? — сурово спросил человек. — Что ты в моей канцелярии пишешь, а я тебя не знаю!

Лепена, я представилась. Заочно представила и Дениса, где-то счастливо щелкавшего своими фотоаппаратами.

— Придут вот так с улицы, — сердился старик. Я робко встала, что мы не с улицы, что нас даже все замы знают.

Старик не слушал меня.

— Не зашел бы — и не узнал! — говорил он. — Может, ты и про Пушкина писать без меня будешь? А я на тебя опровержение пошлю, поняла? И почему ты в штанах, как турчанка?

Я подавленно молчала. Тут старик развернулся на сто восемьдесят градусов, что-то схватил со стола и резко повернулся:

— Хочешь печеньица? Вкусное!.. Ну, вот яблочко возьми! — И весело заглянул мне в лицо.

Так мы с Денисом, которого хором тут же сыскали, оказались в домике с самоварами. Мы всё ходили мимо них — из оконца домика торчали их пузатые тела, высывались носики, ручки... Теперь — вот они все, хочешь — потрогай, хочешь — просто посмотри: старинные, черноватые. Над дверью в комнату — колокольчик. У входа в кабинет надпись: «Положи копейку на реставрацию музея», есть и копилка. По стенам — миниатюры Пушкина, стеллажи с книгами, папки. На одной читаю: «Похабные портреты Пушкина», на другой — «Стихи, посвященные мне». Ватман с автографами дорогих гостей.

— Часто меняю и храню, — тычет в него Семен Степанович, уже заметивший

нам, что не возражает, если мы станем называть его дедом.

Ах, если бы мне дали в журнале места столько, сколько я попрошу! Я бы целиком записала двухчасовой монолог деда Семена. Тогда бы вы узнали побольше, чем в учебнике, о прохладе здешних лип и кленов шумных кронах. О русской деве Татьяне Лариной и ее доме — доме тригорских друзей Пушкина Осиповых-Вульф. Вы бы послушали, как Пушкин пел с бурлаками, косил сено, жал рожь и плел лапти! А история «дуба уединенного», которому больше чем четыреста лет, — эта история чего стоит? Десять лет назад дерево заболело, после морозной зимы отказалось оживать. С утра до ночи его поливали, кормили удобрениями. Тысячи ведер воды ушли в землю — и дуб зазеленел.

Когда люди уходят из жизни, остаются вещи, — говорил дед Семен. — Вот я стараюсь их постичь, а через них — характер человека. Мне важно знать, как Пушкин держал перо, как болтал ногами, как встал, как отодвинул кресло: ровно или повернуто. Важно понять эмоциональную сущность вещей... Но Пушкин — это особое! Пушкина только через его вещи не поймешь! Здесь надо понять, почувствовать природу, что окружала его. И поэтому нельзя дать ей умереть. Пушкин проступает в особенном узоре ветвей. Что-то очень важное в нем открывается, когда дом вдруг наполняется запахом яблок — антоновки, ревельского ранета, белого налива... Из его спальни не должен выветриваться запах льна — льняная занавеска, льняной полог кровати, льняные полотенца, выполосканные Ариной Родионовной в реке... Так было в его жизни, так должно быть и сейчас, если мы желаем понять поэта и его творчество. Или вот — «под сенью ив густых...» Здесь же они, ивы! Напротив окон — ивовый пруд. Серебристая, корзи-

ночка, самораздевающаяся, самовяжущая — все это ивовые сорта, наши, местные. Названия попридумывали крестьяне. С ними, с крестьянами, Пушкин и лен тербил, и железо ковал, и сети тянул... А синицы?! — восклицает дед Семен. — А сосны?! Три сосны «на границе владений дедовских» и ныне на своем месте, там, «где в гору поднимается дорога». Важно ли, что они на своем месте? Конечно!

Дед Семен вообще считает, что нет на свете неодушевленных вещей — есть неодушевленные люди. Но те, что приезжали сюда на помощь, говорит он, как раз с душой.

— Нужны ли вам помощники летом? — спрашиваем мы, прощаясь.

— Помощники всегда нужны, когда работа есть, а работа, она... да, в общем, всегда найдется. Ну, а вы, — дед Семен лукаво подмигивает, — за свою работу получите по конфетке. И на этом вот гостевом ватмане поставьте-ка по закорючке на память деду Семену. Ты, значит, — Наташка, а ты — Дениска... Так и пишите.

Каждому из нас был подан на прощанье палец, для дружбы и для прощания, если таковое понадобится. А совсем уже напоследок зазвучали колокола — самые настоящие, разве что висевшие не в церкви, а на улице перед домом. Дед Семен играл странную, никогда не слышанную мной прежде мелодию, и высокая фигура его качалась между колоколами.

— Как хорошо, что мы сюда приехали, да? — сказал Денис.

— Угу, — прогудела я, потому что говорить не могла — за щекой у меня была конфетка.

Наталья КАШТАНОВА,
Денис КЛИМЕНКО (фото),
члены Малой
редколлегии
«Паруса»

п ос. Пушкинские Горы,
Псковская область

по сути дела

«Внимание! Запись!» — и телестудия ожила, засветилась, наполнилась звуками...

Но вдруг — стоп! Какой-то сердитый человек неожиданно все останавливает и начинает объяснять (самому Ярославу Евдокимову!), что «ми» надо спеть остренько, а на «ла-ла» сделать акцент. И Ярослав кивает, соглашается... А сердитый человек передвигает на пульте многочисленные рычажки, и голос певца, подчиняясь его странным манипуляциям, звучит всякий раз чуть иначе.

«Кто же это? — размышляю я. — Звукооператор? Но откуда тогда он так знает музыку? Музыкант? Но как объяснить его уверенное обращение с техникой?»

На помощь мне приходит Надежда Ивановна Гапочка, главный звукорежиссер главной дирекции программ Белорусского телевидения.

— Чего удивляешься? — удивляется она. — Звукорежиссер — такая профессия, в которой нечего делать и без музыкального образования, и без знания звукотехники.

Обычно к нам приходят выпускники консерватории. Правда, бывает, что звукорежиссерами становятся «технари», но все равно прекрасно разбирающиеся в музыке. В любом случае эта профессия требует массы дополнительных качеств, ну, например, «боксерской» реакции — три-четыре секунды промедления, и пленка пойдет в брак. А вообще, чтобы стать звукорежиссером высшей категории (есть еще первая, вторая и третья), нужно, на мой взгляд, лет десять поработать на студии.

Познакомилась я на телевидении и с Олегом Николаевичем Куриловым видеоинженером. Олег подвел к непонятому устройству, напоминающему компьютер, и электронным карандашом нарисовал меня. На экранчике возникло очертание колбаски с ушами.

— И в этом суть вашей работы? — интересуюсь.

Он смеется:

— Ну, как сказать. Вообще видеоинженеры занимаются и видеозаписью, и электронным монтажом, и озвучиванием. Чем конкретно — зависит от специализации.

— А видеоклипы вы тоже делаете?

— Вместе с режиссером. Наше дело — помочь ему выбрать световые и цветовые эффекты.

— А как стать видеоинженером?

— Прежде всего окончить радиотехнический факультет вуза. А потом пройти специализацию или непосредственно на студии, или на курсах повышения квалификации при Гостелерадио.

Ирина ЛУБОЧКО,
студентка 2-го курса
факультета журналистики
БГУ им. В. И. Ленина

Что за профессия — логопед? Расскажите, пожалуйста.

Лена Свириденко,
Полтавская область

С логопедом Надеждой Ивановной КОВАЛЬЧУК беседует наш внештатный корреспондент Марианна ЗАБРОДСКАЯ.

— Надежда Ивановна, чем занимаются логопеды?

— Исправлением дефектов речи.

— У детей?

— В основном. У меня, например, занимаются шестьдесят мальчиков и девочек: кто-то шепелявит, кто-то картавит, у кого-то серьезные нарушения артикуляционного аппарата...

— А заикание вы тоже лечите?

— Лечим, хотя и не всегда успешно. Занимаемся с такими пациентами дыхательной гимнастикой, а звуки не просто произносим — поем, протягиваем...

— Лечатся ли у вас взрослые?

— Недавно я несколько месяцев работала с двумя парнями, которые хотят поступить в театральный институт: приемная комиссия выявила у них дефекты речи. Одному удалось помочь, а второй... не выдержал, ушел, постеснялся с маленькими детьми заниматься. Конечно, нужно создавать отдельные группы для взрослых, но пока в Минске их нет.

— Где работают логопеды?

— При школах, детских садах, в поликлиниках.

— И последний вопрос: где получить эту специальность?

— На дефектологическом факультете пединститута. Могут работать логопедами врачи и учителя, но для этого им нужно пройти сокращенный трехлетний курс обучения на факультете дефектологии.

Литерный идет по расписанию, «Идеосалон» — по плану. Решили пригласить журналиста-международника на «смотрины» программы «Время». Алексей Кувшинников бывал в США, Латинской Америке (в том числе два года работал в Колумбии), до недавнего времени — корреспондент отдела международной информации газеты «Известия», а ныне — заместитель ее ответственного секретаря.

Суббота, мы сидим в небольшом, кресел на пятьдесят, зальчике — смотрим «Время». Обсуждение программы решено провести завтра. Передача кончается поздно, еще до дома добираться. Собственно, каждый мог посмотреть ее у себя. Вернее, не мог, а должен был бы: для старшеклассников эта программа считается обязательной. Но в коллективном сидении перед «ящиком» есть все-таки какая-то своя магия.

— Если ребята действительно смотрят «Время» каждый или почти каждый день, мы растим политически грамотное поколение, — считает Алексей Борисович. И поправляет сам себя. — Вернее, политически информированное.

— А может, дезинформированное? — ехидничает в темноте кто-то из девчонок. Лена, Люда, Наташа завтра идут на дискотеку и в обсуждении телепрограммы принимать участие не планируют.

Мужская половина салона от женщин «инога и не ждала», а журналист-международник без особой грусти вспоминает, что в его школьные годы девчонкам тут же припаяли бы, будто они личное ставят выше общественного и вообще «разговорились»...

Международная информа-

ция занимает во «Времени», как правило, 10—15 минут — примерно с 21.10 до 21.25. В этот день транслировались следующие сюжеты:

1. Студенческие волнения в Южной Корее.

2. Посещение советскими военными американской базы с установкой для ликвидации химического оружия.

3. Аукцион картин Винсента Ван-Гога.

4. Волнения в ЮАР.

5. Правительственный кризис в Италии.

6. Пьеса Генриха Боровика в американском любительском театре.

Несмотря на позднее время решили-таки начать обсуждение тут же.

Сразу выяснилось, что калейдоскопный принцип построения передачи сформировал у ребят калейдоскопичное представление о внешнеполитической жизни. Кто-то что-то знал по теме каждого сюжета, но цельного представления о том, что творится в мире, у многих нет.

Больше всего было известно о посещении американской химической базы — эта информация уже прошла в газетах. Диктор, правда, особо подчеркнула, что на базе хранятся химические заряды, выпущенные еще сорок лет назад. Это уточнение ребята расценили как завуалированный упрек американской стороне: мол, смотрите, аме-

риканцы показывают и уничтожают всякое старье, будьте бдительны. В салоне прозвучало мнение о том, что тактика мелких укулов «из рукава» устарела и отнюдь не поможет людям, собравшимся пожать друг другу руки. Но к месту пришлось напомнить о том, что США готовы приступить к выпуску совершенно нового вида химического оружия — бинарных зарядов. Жаль, что об этом не вспомнили в эфире.

Сюжет об аукционе картин Ван-Гога всех озаботил: большинство полотен купили японцы. Импорт японских товаров и технологии «в обмен» на экспорт шедевров европейской культуры — сделка для нас, европейцев, грабительская. В салоне повисла пауза, похожая на минуту молчания по Ван-Гогу.

Сюжет о правительственном кризисе в Италии запомнился тем, что он, этот кризис, был вызван выходом из правительства одной из восьми партий. Что за партии, каковы их политические платформы и курсы — все это было непонятно, а потому и неинтересно.

Сюжет о пьесе Генриха Боровика был расценен как самореклама и без того известного драматурга.

Теленовости из ЮАР и Южной Кореи вообще не обсуждались. Через пару недель после просмотра никто из девятиклассников даже припомнить не смог этих двух сюжетов. Хотя информация из обеих стран поступает почти ежедневно. Впрочем, может, как раз и поэтому — из вечера в вечер

И МЫ

однотипные «бессюжетные сюжеты»...

Вот как раз за помощью по невоспринятым темам мы и обратились к гостю «Идеосалона»: Италия, Южная Корея, ЮАР.

— Что вы можете рассказать об этих странах?

— Ничего, — честно сказал Кувшинников. — Ничего, кроме того, что знаю из справочников, энциклопедий, ТВ, газет. А это немного, если нет хоть какого-то очного знакомства со страной. Ведь часто одного неофициального штриха хватает, чтобы чужая жизнь «заиграла». Могу познакомить с государствами, с которыми знаком лично. Моя специализация — Америка. С некоторых пор «питаю слабость» к Афганистану. Думаю, эти знакомства вам пригодятся.

О Латинской Америке, о своем пребывании в Колумбии Алексей Кувшинников рассказал «Идеосалону» и всем нашим читателям в февральском номере. Поэтому сразу перешли к Америке Северной. Вспоминая о своем знакомстве с Соединенными Штатами, Алексей Борисович описал забавный эпизод, случившийся в американской глубинке.

— Дорога лежала дальняя, ехали не спеша. Перекусить остановились на автостоянке. Расстелили скатерку, разложили сухой паек. Слово за слово, разговорились с семьей фермеров, расположившихся за соседним столиком. «Русские?» — удивленно переспросила пожилая американка и нена-

долго отошла к стоявшему поблизости маленькому грузовичку. Вернулась с миской роскошных спелых помидоров и в ответ на наше «спасибо» кивнула с приговоркой вроде «ешьте, соколики».

Маленький эпизод, но по своему показательный. Ведь случился он в те недавние еще времена, когда поносили нас американские газеты и политики на чем свет стоит, запугивали рядовых американцев нашествием кровожадных русских. Ан, гляди-ка — не запугали!

По-моему, главный талант журналиста заключается в способности найти такого собеседника, который может открыть для нас какой-то новый мир, обогатить наши представления о жизни людей в одном из уголков земного шара, — считает Кувшинников. — Вот, например, Афганистан. Про революцию, про новую жизнь написано много. А все равно видится эта страна словно в тумане, где вместо людей скользят порой безликие силуэты — то афганцев, а то и наших солдат. Нет четкости, нет лиц...

На одной международной конференции мое внимание привлекла молодая женщина. Она выделялась своей неприступной суровостью и одета была всегда в глухое черное платье. Оказалось, она из Афганистана. О своей жизни рассказывала скупно, но каждое слово врезалось в память.

Биби Ширин выучилась грамоте рано, лет в 13. Начала учить других, потому

что в Афганистане неграмотных еще много. В 20 лет вышла замуж, а спустя восемь лет осталась вдовой с четырьмя детьми. Ее муж работал на заводе, был партийным активистом и погиб от рук душманов.

Биби продолжала одна воспитывать детей и обучать крестьян и рабочих грамоте. Случалось ей вести курсы ликбеза в тех кишлаках, где сильны были душманы. Первым делом налаживала контакт с детьми. Играла с ними, потихоньку учила — так завоевывала доверие женщин. Только потом начинала с их помощью политическую работу с мужчинами.

Приходилось ей и мины разряжать, и с автоматом в руках защищать школы. Однажды вместе с охранявшим ее бойцом афганской армии два часа отстреливалась от банды. Много видела горя, много слез и крови, и все-таки снова и снова шла в отдаленные кишлаки, чтобы учить людей разбираться не только в грамоте — в жизни. И ведь никто ее не заставлял, все это добровольно, за счет отпуска и выходных, потому что от основной работы на кабульском хлебозаводе никто ее не освобождал. И так год за годом, без отдыха и даже без передышки. Трудно? Биби Ширин только пожалала плечами: разве солдатам в бою легче? В стране революция, и мы все ее солдаты...

Вот после разговора с Биби Ширин и понял я, даже не столько понял, сколько по-

чувствовал, что значит для афганцев их революция.

Заочным знакомством с мужественной афганкой Биби Ширин закончилось наше субботнее заседание. Мы распрощались. Девочки сказали, что завтра обязательно придут...

Воскресенье. Мы собрались для обсуждения свежих пресс-новостей. Без всяких перегибов гостеприимства Алексея Борисовича поздравили с тем, что его родные «Известия» — наиболее уважаемый источник международной информации.

Алик Дрейцер отметил, что десяти-двадцатистрочные заметки «Из телетайпного зала «Известий» часто просят небольшого комментария, раскрывающего истоки события, его исторические предпосылки.

Алексей Соловей посетовал, что такие комментарии если и появляются, то всегда «засушены» — даже за подписью журналиста-международника воспринимаются не как точка зрения отдельного человека, а как официальная оценка. Обмена мнениями, спора, сравнительного анализа у комментаторов не получается. Если бы в нашей прессе удалось наладить свободный обмен мнениями по международным вопросам, то отпало бы всякое желание слушать «Би-би-си» и другие «голоса».

— К сожалению, — сказал на это Алексей Борисович, — в период застоя очень поощрялось в нашей печати одномыслие — единодушно поддерживаем, полностью одобряем, и все тут. А что именно поддерживаем, почему все-таки одобряем — этого многие не знали, да и не интересовались. Вот тогда-то и привыкли читатели, что все журналисты говорят одно и то же. Сейчас ситуация постепенно меняется. Хотя и очень медлен-

но — старый-то способ был куда менее хлопотным...

Кстати, заметили тут ребята, до пятидесяти процентов газетной информации — простое повторение того, что вчера прошло по ТВ. Подрастающей же читательской аудитории политические новости надо не преподносить, как готовое блюдо, а объяснять. Так и сделал Алексей Кувшинников: он объяснил нам «ирангейт». Этот шумный скандал, занявший квадратные километры газетной площади, доселе оставался для молодых людей из нашего «Идеосалона» неясным.

Кувшинников разложил все по полочкам: 1. Америка поставляла оружие Ирану. 2. Вырученные деньги администрация США пустила на оружие никарагуанским контраст (почему именно эти деньги? почему не само оружие?)

Ключ к шифрограмме об «ирангейте» оказался в руках... американских заложников, захваченных три года назад иранцами. Об этом писали в прессе, но членам нашего «Идеосалона» было тогда по 12—13 лет, и о заложниках никто из них до рассказа Кувшинникова не знал... Итак, администрация США разорвала дипломатические отношения с Ираном. Об официальном выкупе не могло быть и речи: ни одна страна не допустит, чтобы ее шантажировали жизнями граждан, захваченных в плен. Была осуществлена закулисная сделка — негласный выкуп за оружие. Вернее, за возможность купить оружие — запчасти к самолетам, ракеты типа «воздух-земля» и «земля-воздух».

Кроме денег и жизней заложников Америка получила еще и военное усиление Ирана. Это подогревало конфликт с Ираком.

Подставные лица покупали у американского государства

оружие по оптовой цене, перепродавали иранской стороне по рыночной, которая значительно выше. Навар составил многие десятки миллионов долларов. Куда их девать, эти «левые» деньги? Легально истратить не было возможности — приходилось оглядываться на общественное мнение. «Отмывать» через подставных лиц и европейские банки — хлопотно и невыгодно для такой суммы. Тут и возникла идея с подкормкой контраст. Денежки пошли в оборот.

В общем, с «ирангейтом» разобрались. И попросили журналиста-международника свои корреспонденции писать так, как если бы он рассказывал об этом для «Идеосалона»: с обязательным взглядом в историю, даже если речь идет о событиях трехлетней давности.

Встреча с Алексеем Кувшинниковым стала для нас началом «очеловечивания» международной жизни. Мы погубили в себе упрямые ростки идей о традиционных политинформациях, страноведческих и прочих лекциях, которые, по общему мнению, должен был проводить политклуб. Пока нет личной «зацепки» за страну, как правило, малоинтересны и события, которые в ней происходят. Всем родственным политическим клубам «Идеосалон» рекомендует начать освоение международной тематики с накопления эмоционального багажа. Ищите с другими странами, как и с людьми, общих знакомых. И еще: хоть иногда смотрите «Время», «Международную панораму», «Сегодня в мире» сообщая — налажьте свободный обмен мнениями хотя бы в клубе.

повод для знакомства

ЗЕМЛЯ

О чем звенит сухая пыль осенью по разверзшим полям оврагам? Только в оврагах и целина, все остальное перекопано, перепахано, прошито трубами, усеяно буровыми установками, залито нефтью. Советский район — тесный, плотно населенный, аграрно-промышленный, нефтяной и газовый...

— Смотри вон туда, на пашню, видишь — курган?

В моем представлении курган выситя над степью и шумит ковылем, а на вершине его, на конском черепе, сидит птица. Ничего похожего, даже пригорка, я не вижу, пашня до горизонта.

— Смотри внимательно! Вон там, где покрывки брошенные, видишь — как волна? Это — курган, ну да, за тысячи лет сплыл, конечно. Сейчас мы с тобой его начнем. Давешний был — конец каменного века, начало бронзы. Сразу видно — два топора вождю положили: у левого плеча — каменный, у правого — бронзовый. Это я так думаю, что вождь. Подкоп сложный, замаскированный, я уж было бросил, думал — ложная могила.

Рядом со мной на рыжей полевой дороге, в двухстах метрах от окраины большого поселка Советское — не историк и, строго говоря, не археолог. Шофер ПМК, чуть позже — слесарь коммунхоза Григорий Николаевич Се-

Ты элишься и маешься — где-то там, далеко, живут необыкновенные люди, происходят удивительные события, а тут, рядом, все такое привычное, надоевшее... А если замедлить шаг, остановиться, взглянуть в это привычное и будничное чуть пристальней! Может, просто желания и любопытства не хватает!

ОТКРЫТИЙ

менищев. Год рождения — 1935. Образование — семь классов.

Помощникам, пусть недолгим, он рад, и я, ухватив лопату, спешу за ним: кто еще научит находить курганы и вскрывать могильники?

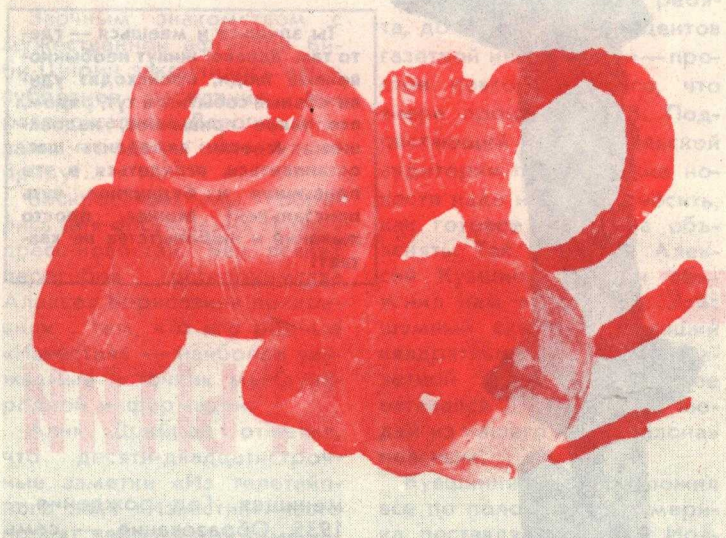
Собственно, зачем мне это? К археологии никакого отношения не имею и иметь не буду. В моей жизни хватает всего... Из простого, как в детстве, любопытства? Для разрядки? Из романтической тяги к неизведанному?

Я родилась на этой земле, с детства свыклась с ней — перетоптанной, перепаханной, свистящей черными змеями эрозии, с несчастной, но цепкой природой. А Григорий Николаевич делает мою землю другой. Делает ее Землей открытий.

Появился он у нас в районной редакции полтора года назад. Улыбаясь, представился: «Любитель краеведения. Я вам тут принес кое-что, может, в газете опишете, может, кто заинтересуется...»

Станный человек, он всегда ходил по земле не так, как другие. Археология для него началась с... муравьев. Рыжие лесные муравьи в окрестностях Советского переводились катастрофически — вместе с приречными рошицами. Он взялся

устанавливал, что значит для старейшего способ был
архива их революция... хлопотным...

человек, руки золотые, спра-
ведливый, добрый. А что
копает... Другие пьют, а он
копает. Может, и впрямь
чего откроет. Вот ведь —
не лень человеку! Воскре-
сенье, шесть утра — он уже
с лопатой в оврагах. Жара
ли степная, дождь ли про-
ливной — целый день в глине
ковыряется.

И тут же, по ходу разго-
вора, находилось объясне-
ние: ищет клад. Ищет зо-
лото.

Золото он находил. Хазар-
скую золотую пластину
третьего века нашей эры.
В археологической лабора-
тории университета объяс-
нили, куда обратиться, чтобы
получить вознаграждение.
Махнул рукой — охота была
ходить по инстанциям! Не-
когда, дома большие дела:
увлеченная его находками,
приехала в Советское целая
археологическая экспеди-
ция...

мурашей разводить, рассе-
лять, сам закладывал мура-
вейники. Их кто-то крушил,
он строил новые. Однажды,
сгребая землю на своем
«муравьином бугре», замети-
л мелкие темные монеты.

«Археологическая плот-
ность в Саратовском За-
волжье очень высока и прак-
тически не изучена», — так
пояснил мне один из тех,
кого Семенищев, на свое
счастье, в Саратове нашел,

Рассмотрел арабские буквы.
Вспомнил читанное, сооб-
разил — Золотая Орда... Это
было первое его открытие —
зимняя стоянка ордынцев.
Землянка. Печка из кирпича-

студент истфака, энтузиаст
археологии Дмитрий Бари-
нов. Земля открытий —
сплошь, сумеи только уви-
деть, и это у нас, здесь?

— Могилу сарматского
воина вскрыли! — азартно, со
знакомой уже жестикულიаци-
ей рассказывал Григорий

сырца. Насыпь, видимо, слу-
жившая ложем. Обломки
керамики. Он собрал все,
что мог, в рюкзак и отпра-
вился в Саратов — искать
людей, готовых разделить с
ним счастье открытия.

Землякам не верилось.
Острили: выкопал доистори-
ческую железяку от «Киров-
ца», обнаружил останки со-
баки прошлого десятилетия.
Кто-то, как правило, заступ-
пался: ну что вы, работающий

Николаевич у нас в редак-
ции, — останки покрова со-
хранились. Меч. И бляха для
пояса, вот такая...

«Теперь у нас на кафедре
все более или менее улег-
лось, успокоилось, но не

проходит созданная вашими открытиями праздничная атмосфера. Ваши находки опровергают давно устоявшиеся теории о движении народов в Нижнем Поволжье...»

Это — из письма Баринаова Григорию Николаевичу. У меня о движении народов понятия, разумеется, смутные, я пользуюсь размышлениями того же Димы («В первом веке через наши степи Атилла провел своих гуннов, потом здесь хозяйничали половцы, а до гуннов были сарматы, их предшественники — савраматы... Сарматов в Поволжье до Григория Николаевича никто не копал, это он первым еще в прошлом году нашел типично сарматские наконечники...»). И чем мне понятнее, тем лучше я чувствую: значение работы «народного архео-

мышлял о тех, чьи останки он нашел под курганом на рапсовом поле возле кирпичного завода (там работал «Фрегат», находки пришлось спасать от его мощных струй):

— Старушка, должно быть, рукодельницей была, мастерицей редкой, вот родня ей руки до локтей охрой и покрывала, чтоб на том свете сразу видели — с золотыми руками человек пришел.

Он показал мне найденный в раскопе зуб: «Ну-ка, зоолог, что за зверь был?» — «Да лошадь же, Григорий Николаевич». — «Лошадь. Верно. Но ты гляди, какого размера этот зуб, и прикинь, какого роста была тогдашняя лошадь». На мой взгляд, зуб разве что немного крупнее обычного, но Григорий Николаевич не согласен, ему надо, чтоб по древней степи носились рыжие гиганты.

Ему нужен музей. Собственный! Без «проклятия экспоната», то есть — без омертвления. Музей — живой источник культуры, истории, патриотизма.

— Я дом уже нашел в Крутоярковке. Его только разобрать и в Советское перевезти. Пусть только грузовик дадут, я сам все сделаю, я ведь на все руки...

С этой идеей ходит он по труднодостижимым для него инстанциям (потом, рассказывая, путает отдел культуры с обществом охраны памятников). Нет, работающие в этих кабинетах не против музея в принципе: «Будет у нас музей, товарищ Семенович. Планируется. Музей истории района, его боевой и трудовой славы. Разумеется, не в вашем Советском, а здесь, в Степном, в райцентре. В Советском он нам ни к селу ни к городу. А здесь — уже заказаны стенды, портреты передовиков... Нет, ваши

Фото Олега ПОПОВА

лога» не сведешь к узкоспециальному.

Почему наши краеведческие музеи так скучны? Есть проклятие музейного экспоната: лежит он возле желтой таблички под стеклом, привычен, пылен, и не думается, на него глядя, о далеком человеке. О человеке, который ходил по этой земле, пил воду из нашей речки, стаскивал вот этот глиняный горшок с огня (сохранились и сажа, и накипь), обжигался, припадал к черной кромке губами... Черно-рыжий горшок в руках дяди Гриши не был пыльным музейным экспонатом. Григорий Николаевич вслух раз-

Тогда, при первой нашей встрече, я поспешно спросила:

— У вас дома еще есть находки? Покажете?

— Нет. Я их не коплю, сразу сдаю специалистам.

В нем нет давно знакомой, казалось бы, вполне благородной страсти коллекционера. Он ищет, чтобы отдать: «Может, кто заинтересуется...» Но беда в том, что отдать-то все чаще — некуда.

— Мне говорят: неси в краеведческий. А я у них в запасниках был. Там лежит все навалом, пылью покрыто, и мыши бегают. Лучше уж в земле оставить,

поиски интересны, не спорим. Выделим витрину на далекое прошлое, положим несколько экспонатов, пусть лежат...»

Его такой вариант не устраивает, он по-прежнему мечтает о музее Земли открытой.

Так о чем же звенит сухая полынь осенью по разверзшим поля оврагам? Не о том ли, что жили люди на этой земле десятки тысяч лет и жить им еще на ней...

Когда думаю об этом, всегда перед глазами пожилой человек, пыльный и загорелый, опершийся на лопату и засмотревшийся вдаль...

Мария БИРЮКОВА

Впервые я увидел ваш журнал на экране телевизора, затем, когда он появился в киосках, купил его, и мне понравилось ваше «лицо».

Я студент факультета теории и истории искусства Киевского художественного института имени Т. Г. Шевченко. Пишу рассказы лет пять, думаю, что занятия литературой — это не увлечение, а призвание. Но пока по разным причинам не удалось ничего напечатать.

Личное мое мнение состоит в том, что написанное не должно иметь лишнего — время у нас такое. Нельзя оставаться спокойным, наблюдать, а не участвовать. Каждый день открывает нечто новое и в теме молодого человека, только надо относиться к ней бережно.

Александр ШАНТАЕВ

ученическая тетрадь

ВОСКРЕСНАЯ ПРОГУЛКА

Рассказ

Он и она. Стройные, сухие, они выглядели бы даже изящно, если бы не тяжелые узловатые кулаки у него и красные руки со слабым маникюром у нее.

Да, они выглядели бы изящно, но не в большом городе с такой пестрой толпой.

У него — неухоженная голова, обветренное лицо, какое бывает у парней, приехавших из села или недавно пришедших из армии, смущенные уличной бестолковицей глаза, и руки, руки с набухшими венами — он, наверное, работает на заводе, может, помощником кузнеца или слесарем.

Она очень похожа на него, крупнолица. Сдержанность во всем и надолго, но платье ей сшила подруга, которая имеет немецкие журналы мод за прошлый год, и подобрала довольно удачную модель для ее фигуры; туфли тоже ничего, отечественные, правда, но неплохие.

Они наконец выбрались в центр города. Целый воскресный день в их распоряжении, и хотя они прекрасно знают свой распорядок на сегодня, но притворяются, будто эта прогулка полна неожиданностей.

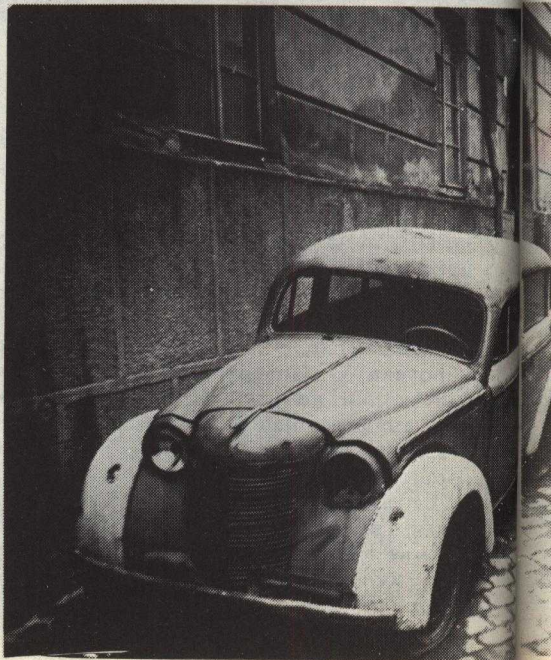
Она чувствует, что нравится ему: он такой основательный парень, какими только и бывают молодые люди, собственным трудом добывающие деньги; те, что тянут на свою зарплату целый месяц и еще умудряются иногда выпить пива и отложить несколько рублей на магнитофон. Да, он очень обязательный, она много повидала ребят, но этот самый подходящий из всех; наверное, потому, что в нем есть надежность и он не напоминает ей отца-алкоголика, которого она ненавидит, и не похож на тех городских ребят, с которыми она была знакома: вечно они снисходительно улыбаются и задают такие вопросы — от них не знаешь куда деваться.

Они идут по проспекту. Он немного напряженно и как-то неуверенно держит ее за талию: так держал свою подругу в каком-то американском фильме один герой, которого потом, кажется, убивают.

Ему двадцать три. Уже три года, как пришел из армии и работает на заводе: ко-

нечно, пора думать о женитьбе; эта девочка ничего, хорошенькая, не воображает о себе бог знает что, немного простовата, но он не любит, когда к нему пристают с незнакомыми вещами. На нем новые джинсы, купленные в прошлом месяце, но теперь в джинсах ходить уже, кажется, неприлично, а ему всегда хотелось их иметь, и вот он имеет их и ничего, доволен.

Она немного раздражена: ну никакой солидности нет у человека; когда ехали в троллейбусе, мест было много, но он ни за что не захотел сесть, а когда одна девушка с голый спиной и в розовых, с двадцатью карманами, штанах, в которых она выглядела, как чучело, с ее задницей, попросила его закомпостировать талончик, он бросился к компостеру и очень усердно, и суетясь, выполнил просьбу, а потом пробежал глазами по троллейбусу, а ей в глаза не посмотрел. У нее раньше был один знакомый, его

звали Эдик, тот садился и никогда никому не уступал место. Эдик был такой раскованный, мог кричать, смеяться где угодно, с ним было очень удобно вот так гулять, но однажды он ушел, и больше она его не видела, а ведь он столько обещал...

Они проходят мимо витрин магазинов. Она старается не смотреть на яркие манекены, она слышала, как две дамы на почте говорили: все, что у нас выставляется, и вообще все оформление — это ужасная безвкусица. Она бы рада с этим согласиться, но вот за стеклом стоят точно такие сапожки, как у нее, за 70 рублей, на которые она копила два месяца, эти сапожки из синей замши ничем не отличаются от импортных, правда, сейчас, летом, они показались ей слишком уж броскими.

Она посмотрела на него — ну точно как солдатик, идет, не сутулится, руки держит прямо, ужас, какие тяжелые руки, зачем он джинсы погладил, дурачок, идет, смотрит вперед. Она засмеялась и взяла его под руку.

Он видит, что она немного не в себе. Конечно, куда они могут пойти, ну, сейчас в кино, потом в какое-нибудь кафе, потом погуляют еще, и он проводит ее в общежитие, ей завтра на первую смену, она работает в типографии, рассказывала ему, что типографскую краску невозможно смыть с рук. Если бы она только захотела, он повел бы ее в ресторан, но в какой и как там быть? Он всего два раза был в ресторане, один раз на свадьбе у брата, а второй тоже на свадьбе — у друга из своего цеха, но там ведь было по-другому.

Она уже видела отрывок из фильма, на который они шли. Кино — это, конечно, неплохо, но вон идет девчонка с наушниками и магнитофоном, который как-то странно

называется, с ней два парня, вот это вид! — ножки у нее длиненькие, и какая шикарная походка, где они только учатся так ходить. Наверное, на какую-нибудь хорошую дискотеку идут или в ресторан, а он мне даже не предлагает, хотя она прекрасно знает, что стоит ей только захотеть... А на что он будет потом жить две недели до полочки, и как ей там себя держать? Она никогда не была в ресторане и заочно очень боится официантов.

Кино ему понравилось, там были красивые машины, девушки, рекламы, главный герой — мировой парень, вырубит кого хочешь, ничего не боится, живет тоже, как хочет, и самое главное, у него это получается.

Ей не понравился фильм. Нельзя же так, чтобы все неправда. Этот красавец работает автомехаником, какие-то левые деньги, и так просто... А когда захотел вдруг жить честно, разбивает мебель, хрусталь, все красивые бутылки и уходит; наверное, ему все слишком легко доставалось; все, как в кино.

После фильма осадок был неприятный, она отпустила его руку и шла как бы сама по себе, он ничего не имел против и шагал сзади. Почему он постоянно оглядывается по сторонам, смотрит исподлобья, провожает взглядом людей и машины, может, она ему сегодня не нравится, может, он хочет уехать обратно домой и тоже больше не придет, а ей уже двадцать один...

Она захотела заплакать и заплакала, тихо, незаметно, без всхлипов, хорошо, что стемнело, жалко себя бывает всегда неожиданно.

Он ничего не заметил, уже темнело, а все бегут куда-то... Нет, конечно, от родителей помощи ждать нечего, и без него трое сидят на шее, а она, наверное, верит в меня, надеется; квартира у нас будет нескоро, очень нескоро, но есть же семейные общежития, ничего, протянем. Он догнал ее и обнял за плечи.

В кафе они не пошли, она очень устала за неделю, выходные так незаметно кончаются, а завтра опять бежать утром на работу, а потом стирка, уборка, нужно привести себя в порядок, господи, как все надоело. Они поехали домой.

В трамвае она сразу уснула на его плече, и он всю дорогу старался не шевелиться, только осторожно гладил ее руку со светлыми, почти незаметными волосками, ему хотелось всю жизнь защищать ее от всего неизвестного, черного и жестокого, что загадочно мерцало далекими огнями в вагонном окне.

«Ничего, прорвемся, лишь бы здоровье было, а мы молодые, что нам сделается...»

Он распрямил плечи и, наверное, впервые невозмутимо и спокойно окинул взглядом весь вагон с сонными пассажирами.

У водителя затрещал микрофон: «Следующая — конечная, готовьтесь к выходу...»

Фото Тимура ГРИБА

БУДЬБА

Иной раз дело доходит до курьезов: такой, в общем, универсальный и простой инструмент, как гороскоп, сообщающая о чем угодно, умалчивает о многих весьма интересных и важных вещах, например, о дате вашей смерти.

Сегодняшняя же наша тема — методика, способная дать ответ на любые вопросы и не требующая от вас буквально ничего. Кроме знаний, естественно.

Итак, гадание по руке!

Только сразу предупреждаю: горе тем легковерным, кто за трешку не прочь выпытать грядущее у уличных гадалок. Ибо их прогнозы не имеют ничего общего с научным предвидением! Спросите у них про хирогномонию, хирософию, про связь хиромантии с дерматоглификой — и в ответ услышите, как водится, про дальнюю дорогу и казенный дом.

А посему определяйте судьбу сами с помощью рубрики «Пальцем в небо»!

Для начала взгляните на свою левую руку. Обычно недостаточно компетентные исследователи ограничиваются изучением ладони и, как правило, получают результат, рассчитанный на простаков. Нас же будут интересовать еще кисть и пальцы. Это застрахует от ошибок.

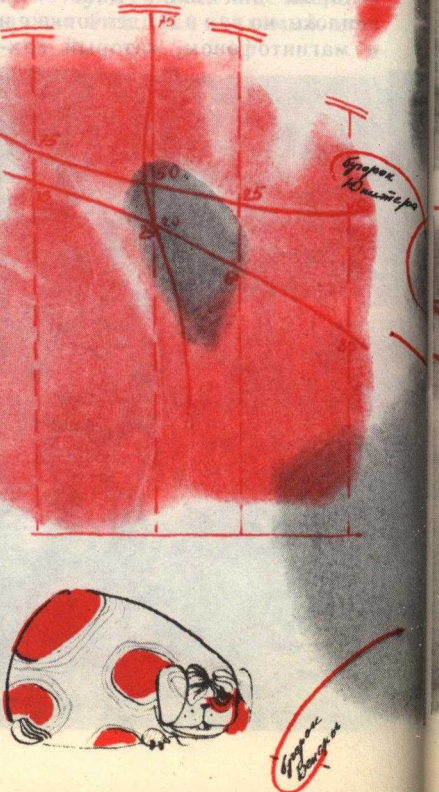
Прежде чем заняться линиями, внимательно изучим форму руки, ее плотность, цвет и некоторые другие характеристики. Кстати, искусство узнавать наклонности и способности человека по форме его руки и называется хирогномонией.

Хорошо, если рука пропорциональная. В этом случае, согласно трудам Ронфиля, вы — человек достойный, уравновешенный и нравственный. Если нет — вам следует бороться с многочисленными дурными привычками и вспыльчивостью. Чтобы проверить, как у вас обстоят дела с пропорциями, измерьте длину второго сустава среднего пальца (расстояние между складками), попробуйте уложить мерку четырежды поперек ла-

дони (от края указательного пальца у основания до края мизинца) и девять раз вдоль (от конца среднего пальца до первой складки на кисти). Если мерка улеглась на ладони требуемое число раз и при этом вы не старались подогнать результат, значит, вы нравственный человек в квадрате.

Как вы представляете себе «загребущие» руки? Вот и ошиблись! Не большие и толстые, а маленькие и сухие. Так, во всяком случае, утверждает основоположник хирогномонии д'Арпентиньи. Владелец подобных верхних конечностей склонен к заимствованию чужих вещей и весьма неохотно расстается со своими. Наоборот, тот, у кого руки большие и полные, щедр и милосерден. Что касается ума, то здесь предпочтение отдается людям с худыми руками. Честно говоря, я рассчитываю на читателей именно с такими признаками.

Читатели, постоянно следящие за публикациями нашей рубрики, наверняка обратили внимание на то, что способы определения будущего существенно отличаются один от другого и по «технологичности» (читай, простоте применения), и по потребности в дополнительных аксессуарах, и, главное, по широте использования. Если, например, для зондирования будущего в состоянии сна желательнее иметь хотя бы подушку и одеяло, то прогноз воздействия драгоценных камней на характер и судьбу актуален лишь для того, кто таковыми камнями обладает. Гадание на ромашке с точностью ответит вам на все любовные вопросы, но ничего не поведаст о финансовых делах, кофейная гуща расскажет лишь о том, что прорисовуется на стенках чашки, а больше вы не сумеете выжать из нее ни капли информации.

ЛАДОНИ

Несложным приемом можно определить, какое начало в вас выражено сильнее: духовное или материальное. Все дело в относительных размерах указательного и безымянного пальцев. Если длиннее безымянный, вам следует без колебаний заняться литературой и искусством, в противном случае — поступайте в институт народного хозяйства.

Прежде чем перейти к собственно хиромантии — учению о линиях ладони, внимательно всмотритесь в ее бугорки. Знающему человеку они могут повести о многом.

У корня большого пальца находится бугорок Венеры (см. рис.). Напомню, что, согласно верованиям древних римлян, Венера ведала сферой нежных чувств. Таким образом, от величины бугорка зависит, как у вас будут обстоять дела с любовью, а в дальнейшем — с семьей и детьми. Чем отчетливее он

возвышается над ладонью, тем возвышеннее чувства. Высота является показателем и для остальных бугорков: Юпитера, Сатурна, Аполлона (или Солнца) и Меркурия. Первый говорит о том, насколько вы честолюбивы и постоянны в привязанностях, второй — о воле, третий — об артистических способностях, а также о славе и богатстве, четвертый — о склонностях к торговле и медицине. Некоторые исследователи отмечают еще два бугорка — Марса и Луны. Последние отвечают соответственно за отвагу и воображение. Надо сказать, что в просторечии эти бугорки называют трудовыми мозолями. Резон в таком названии есть: чем больше трудитесь, тем больше бугорки — тем благосклоннее к вам древнеримские боги.

Хиромантия, зародившись в доисторические времена в Индии, достигла расцвета в средние века. Ни одно важное событие не обходилось без участия популярных тогда хиромантов. Правда, популярность, как известно, имеет и обратную сторону: пожалуй, никто так часто не кончал свои дни на кострах, как почтенные гадатели. Единственное их преимущество перед остальными жертвами святой инквизиции состояло в том, что они без труда могли узнать по линиям ладони дату своей кончины.

Вот мы и пришли к вопросу, быть может, несколько прямолинейно поставленному в начале нашего разговора: когда вы намерены умереть? Признаюсь, точные данные вычисления продолжительности жизни представляют известную сложность, что и обидительно — год сюда, год туда — это сделать легко. Достаточно знакомства с арифметикой в объеме неполной начальной школы.

Для исследования потребуются знание трех линий — Марса, Юпитера и Сатурна или, говоря языком физической хиромантии, головы, сердца и воли (см. рис.). Главное — точно опу-

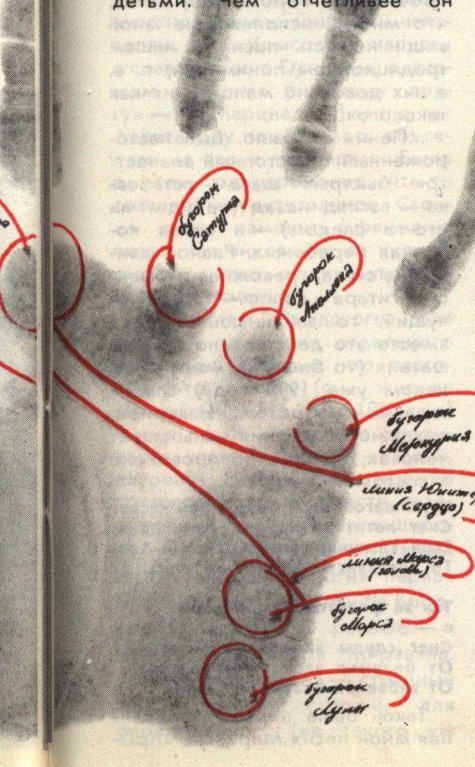
стить перпендикуляры из середин оснований пальцев на основание кисти. Точки их пересечения с линиями обозначают число лет. Для линии Юпитера пересечения считаются справа налево и обозначают соответственно 10, 25, 50 и 75 лет. Для линии Марса все наоборот: считать надо слева направо, и точки пересечений дают 15, 25, 60 и 80 лет. С линией Сатурна следует поступать вообще иначе: пересекаясь с линиями Марса, Юпитера и складкой у основания среднего пальца, эта линия дает 20, 40, 75 лет. Отметив конечные точки перечисленных линий и определив соответствующий каждой из них возраст, просуммируйте полученные цифры и сумму разделите на три. Ответ готов и обозначает он число отпущенных вам лет. Так, во всяком случае, утверждал живший в XVII веке в Англии Филипп Харвест. Правда, должен заметить, что у самого автора данного метода, как сообщают его современники, линия Юпитера пересекала всю ладонь, обещая, по-видимому, бессмертие. Увы, он не дожил и до сорока...

Как и любая другая наука, хиромантия не застрахована от ошибок. Форма руки, расположение линий и бугорков — все их предписания могут быть сведены на нет волей человека. Не зря алхимики в свое время говорили: «*Astra inclinant non necessitant*» — «Звезды предполагают, но не принуждают». Рассказывают, что некий физиологист, увидев Сократа, всплеснул руками и сказал: «Вот человек, на лице которого отпечаталось такое число пороков, как ни у кого другого». Ученики Сократа были возмущены подобным заявлением. Сам же Сократ ответил: «У меня было страстное влечение ко всем порокам, что и видит по моему лицу гадатель, но воля моя подавила эти влечения. А вот этого никакой гадатель узреть не в силах».

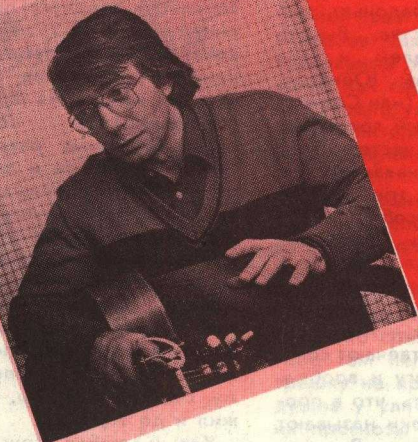
В последний раз взгляните на свою ладонь. Линию Сатурна иначе называют линией воли. Если она, эта линия, у вас короткая или не слишком отчетливая, значит, надо всерьез заняться собой. Воля тренируема, безволие умножается само по себе. Тренируйтесь, и вам не будет страшно любое хитросплетение линий!

Владимир БОРОДИН

Оформление
Валерия РУЛЬКОВА

ВОЗЬМИ гитару

МЫ ИДЕМ ПОД СКОЛЬЗЯ ОГНЕМ...

— Авторская песня всегда была «левой»: и потому, что стремилась критически осмыслить действительность, и потому, что отказывалась петь дифирамбы и воскуривать перед кем бы то ни было филимам, и потому еще — это, пожалуй, главное — что пыталась передать душевное состояние человека. Каким-каким, а уж безмятежно-блаженным и глобально удовлетворенным, как того требовали еще совсем недавно негласные законы «официального» искусства, у нормальных людей это состояние никогда не было. Но вот сегодня, возможно, впервые за всю историю авторская песня заметно «поправила». И дело не в бардах — они не стали консервативнее, — а в процессах, происходящих в обществе.

Слова эти сказаны Александром Мирзаяном. Под «левизной» здесь понимаются не формальные поиски, не эпатаж, не фрондерство... Речь о другом. Помните, у Окуджавы в «Песенке о московском метро»:

**Порядок вечен, порядок свят:
Те, что справа, стоят, стоят.
А те, что идут, всегда должны
Держаться левой стороны.**

Закон эскалатора, как оказалось, вполне применим и к обществу в целом. В какой-то момент те — стоящие справа — образовали пробку (по-нынешнему — «застой»). Да такую, что слева идущим приходилось (и приходится до сих пор) пробиваться с напряжением всех своих духовных и физических сил. Кто-то не выдерживал и поглощался застывшей толпой. А кто-то таранил эту толпу, вовлекая в движение других.

В авторской песне людей, не желающих жить в состоянии покоя, всегда было немало. Мирзаян — один из них.

Он буквально ворвался в ряды бардов в первой половине 70-х. Пожалуй, ни о ком другом столько не спорили и не высказывали таких полярных мнений; уж больно его песни были не похожи на все, что пелось прежде.

**Среди счастливых запевал
В ботинках, купленных навырост,
Меня мой голос сразу выдаст...**

Голос (не в смысле — чем поют, а — о чем и как) и впрямь «выдавал» его. Был незаемным, узнаваемым, авторским. Александр клал на музыку совершенно непесенные, на первый взгляд, стихи. Да и не пел — скорее, мелодекламировал под гитару.

Позднее в одном из интервью

Мирзаян так сформулирует свой стиль: «Функцию «выпевания» берет на себя гитара; именно она, мне кажется, выполняет то, что обычно делает пение. За счет этого я даю себе возможность исполнять словесную часть, делая сложную, немелодийную расстановку интонаций, акцентов, пауз, тембров — адекватную своему внутреннему прочтению. И вроде получается, что многие исполняемые мной вещи не есть песни в нашем традиционном понимании, т. е. в них довольно мало пения как такового».

...Пения не было. Был настоженный трехстопный анапест: три быстрых шага — остановка — взгляд назад (не идет ли кто-то следом) — и снова короткая перебежка. Рваное движение стиха, тревожная отрывистая гитара и голос — то бормочущий, то заклинаящий — все вместе это действовало на слушателя (то бишь на меня в далеком уже 1975 году) самым странным образом. Наверное, похожие ощущения испытывает человек, идущий по проволоке в состоянии гипноза.

**Шум шагов, шум шагов, бой часов.
Снег летит на карниз, на карниз.
Если слышишь приглушенный зов,
То спускайся по лесенке вниз.**

**Так за флейтой настойчивой
мчись —
Снег следы заметет, занесет —
От безумья забвением лечись,
От забвенья забвением спасись.**

Такой была первая услышанная мной песня Мирзаяна «Кры-

ЩИМ

Александр Мирзаян, москвич, родился в 1945 году, по специальности инженер-физик, ныне работает в Московском театре песни, автор более ста песен.

слов». Кто-то окрестил мирзаяновский стиль «бард-авангардом». На тот момент это было достаточно меткое определение. Но уже через несколько лет непривычное стало привычным, сложные, «непоющие» стихи запелись, и многое из того, что еще совсем недавно казалось нетрадиционным, неожиданно стало бардовской классикой.

С «Крысолова» началось мое знакомство не только с Мирзаяном, но и с Иосифом Бродским, на стихи которого была написана песня. Еще совсем недавно мне пришлось бы отказаться от цитирования этого поэта либо вслед за Мирзаяном, сделав «честное лицо», сообщая читателям, что «Крысолов» написан в соавторстве с Овидием, а скажем, «Письма римскому другу» — на Марциала. Именно так Александру приходилось объяснять на своих концертах. Было в этом одновременно что-то смешное и унижительное. Стоило лишь заменить фамилию поэта, как чиновники от культуры за милую душу выпускали песню на сцену!

Творчество Бродского, его судьба — тема для отдельного разговора. Хорошо, что разговор этот начат (см. журнал «Новый мир» № 12 за 1987 год) и имя поэта — русского американца, ученика Анны Ахматовой, лауреата Нобелевской премии прошлого года в области литературы — стало известно широкому кругу советских читателей. И все-таки для многих первая встреча с поэзией Иосифа Бродского состоялась раньше — в песнях Александра Мирзаяна.

Авторская песня — странный жанр: с одной стороны, для определенного (не такого уж

и малочисленного) круга поклонников она становится единственной (и, по их мнению, вполне достаточной) связью с общечеловеческой культурой; с другой стороны, без песен Сергея Никитина вряд ли пользовались бы столь широкой известностью стихи Юнны Мориц и Юрия Левитанского, без гитары Виктора Берковского меньше было бы поклонников у поэзии Дмитрия Сухарева, и, думаю, есть люди, познакомившиеся с Александром Кушнером, услышав песни Григория Гладкова. Мирзаян открыл любителям авторской песни, помимо Бродского, еще и Виктора Соснору, и Даниила Хармса.

Помню эти удивительные концерты — не концерты, скорее, лекции, главным героем которых был Хармс. Мирзаян же становился поочередно то историком, то литературоведом, то актером... И неожиданно для себя слушатели обнаруживали, что любимый детский поэт — в большей части своего творчества совсем и не детский. Что «черный» юмор и поэзия абсурда пришли не с Запада к нам, а совсем наоборот. Что вообще большинство «измов» в искусстве родились не где-нибудь, а в России. Что существовала в 20-х — 30-х годах группа людей, называвших себя обериутами — членами «Объединения реального искусства». «Новый отряд левого революционного искусства» — так они писали о себе в своем манифесте.

Из дома вышел человек
С веревкой и мешком
И в дальний путь, и в дальний путь
Отправился пешком.

И вот однажды на заре
Вошел он в темный лес...
И с той поры, и с той поры,
И с той поры исчез.

В «темном лесу» сталинских застенков исчез написавший эти строки Даниил Хармс. Исчезли почти все те, кто называл себя обериутами.

Нужно было обладать недо-

жинной смелостью, чтобы в конце 70-х читать публичные лекции на подобные темы.

В одной из песен Мирзаяна есть такие строки:

Мы идем под скользящим огнем,
Как зыбком, прикрываясь гитарой.

Гитара — слабая защита не то что от огня, но и от чиновничьих перьев, от рогаток культработников, от гнева местного «царька», узревшего в самостоятельной мысли, в гражданской позиции крамолу. В этом Мирзаяну приходилось не раз убеждаться на собственном опыте. И все-таки он, как и многие другие, продолжал петь. Вызывая огонь на свою гитару.

Все концерты последнего времени Александр заканчивает «Гамлетом». Его трудно назвать песней. Длится «Гамлет» минут семь, и с каждой строфой нарастает напряжение — голоса, гитары, стиха. Поначалу это напоминает шарманку с ее недлинной мелодической фразой. Потом барабан шарманки превращается в маховик, набирающий обороты, разгоняющий сам себя до того, что начинать казаться: вот-вот что-то произойдет, так не может продолжаться долго — либо струны, либо связки не выдержат и лопнут...

Не правда, нет, — лишь музыка права!
За то, что ей одной служил упорно,
С таких глубин открыла мне слова,
Что наверху они мне рвали горло.

На концерте авторской песни такое мне довелось увидеть впервые: стояли друг перед другом автор и зрители, у автора не было сил исполнить что-нибудь на «бис», а зрители, казалось, забыли про аплодисменты. Просто стояли друг перед другом.

Выбрать песню Мирзаяна для публикации оказалось вдруг непростым делом. Что-то было слишком длинным, что-то пришлось отвергнуть из-за трудности исполнения. А то, что удовлетворяло требованиям рубрики, оказывалось нехарактерным для Александра. Исходя из сказанного, песню на сей раз решено не давать вовсе. А посетите найдите кассету с записями Мирзаяна и попробуйте сами подобрать ту песню, которая вам понравится.

Михаил ВОЛОДИН

ПИСЬМО ИЗ ТРАМВАЙНОГО ВАГОНА...

Дорогой «Парус»!

Пишет тебе Татьяна Плеханова от имени всех своих многочисленных подруг, друзей и одноклассников. Класс у нас очень поющий. Это выяснилось летом три года назад. В лагере труда и отдыха мы пели всегда и везде. А когда нас загоняли спать, все равно пели часов до двух ночи. Нам в стенку стучали учителя, но не затем, чтобы кричать на нас: они заказывали песни.

Однажды оказалось, что песен катастрофически не хватает.

И вот ко мне совершенно случайно попали записи «Кино», «Зоопарка» «Алисы» — сосед увлекается,— и я предложила эти песни разучить. Но все и без моего предложения так поступили. Поем. Нам нравится. Окружающим тоже. Репетировать негде: на улице холодно, дома родители, в школе не устроишься. И залезли мы в трамвай. Сели и стали петь. Сначала пассажиры нашу первую дверь обходили, как ненормальную, но потом стали подбираться ближе. Час пик, все

с работы едут и нас слушают. (Нас было 14). Просто слушали, потом кто-то сказал: «Их бы на сцену». Дальше больше: «Как хорошо!», «Из какой вы школы?», «Не разучились у нас петь!», «Как давно не слышал живой песни...» (пенсионер). «А русские народные поете?» Спели мы и русскую народную. Заметили: входили люди в трамвай озабоченные, уставшие, кое-кто злой, а выходили с улыбками. Пели, пока трамвай в депо не пошел. А водитель трамвая сказала: «Спасибо, девчонки.

ДРУГАЯ ЖИЗНЬ

1. Здравствуй, уважаемая редакция!

Человек, который написал это письмо, был убит 8 декабря 1980 года. Незадолго до смерти ему пришлось вести двойную жизнь. После — он окончательно переселился в меня, хотя я заметил это только в 1985-м, когда почувствовал импульсы, идущие из неизвестного источника. Мне 17 лет, учусь в ПТУ на монтажника радиоаппаратуры.

В школе, в девятом классе, заболела учительница русского языка, мы обрадовались, но нас все равно заставили писать диктант. Меня тогда охватила злость, и я решил после каждого слова в диктанте ставить запятую — нате! Но струсил и принял компромиссное решение: писать левой рукой. Поругав за грязь, учительница поставила за тот диктант... пять баллов. Я ни у кого не списывал, честное слово. И вдруг понял, что если захочу — все смогу. Такой был сильный момент уверенности в себе, что я начал писать. Я стал самому себе другом и покончил с одиночеством. Теперь я Леннон, я продолжаю то, что оборвала пуля.

Процесс творчества выглядит примерно так: вначале появляется импульс (случайно оброненное кем-то слово или резкое появление внутри меня тишины) и трансформируется в то, что трудно определить словами. Кусок глины. И я начи-

наю лепить. Иногда легко и быстро, иногда тяжело, доходит до года работы. Все, что мне нужно, — лист бумаги, ручка и проигрыватель. Вспомните что-либо из «Битлз». А теперь попробуйте спеть:

Мне сказали книги открытой листы,
что они братья зеленым ветвям.
Я взял чистый лист и отнес на
пустырь,
чтоб росло дерево там для ветра...

Будущее видится мне довольно ясно: стану художником, и мои картины будут созданы из музыки и слов. Все очень просто. Нужно только научиться хорошо играть на гитаре, развить свои музыкальные способности, выйти на сцену и спеть пару песен. Моя жена будет играть на клавишных в нашей рок-группе. Сын будет лучшим гитаристом в мире, а дочь — писательницей: что-то среднее между Агатой Кристи и Беллой Ахмадулиной.

Леннон (во второй жизни),
г. Минск

2.

Недавно в кинотеатре «Беларусь» я смотрел фильм «Там, где мечтают зеленые муравьи» и понял, что в своей жизни (второй) хочу, как тот очкарик, уйти жить к австралийским аборигенам, чье племя обречено на вымирание. Понимаете... Я от кого-то слышал, что многие преступники совершают свои преступления потому, что лишены воображения. Если бы они представили, что их ожидает, или хотя бы вообразили муки жертвы, то не смогли бы убить или

изнасиловать. Воображение и память постоянно терзают человека. Слышу каждый день: они... мы... взорвано... испытано... На меня это намазывается, как масло на булку. Мое настоящее меня удовлетворяет, но я о нем мало думаю. Я все время пытаюсь заглянуть вперед. Не знаю, понравится ли вам моя сильнейшая антивоенная вещь «Отрезок»:

Я знаю, что отрезок есть
во времени,
когда трава не хочет быть травой,
деревья не желают быть
деревьями,
земля жалеет, что была землей,
когда все люди говорят вопросами
и в крике не узнать родного
голоса...
Но знаю я, когда отрезок кончится
и мир поймет, что, наконец, спасен,
кому-то в доме жить теплей
захочется,—
солдатский крест с могилы унесет.

Училище я, можно сказать, окончил. Восемь часов в сутки буду проводить на нелюбимой работе, а потом — с радостью у чистого листа с карандашом. Все может измениться — осенью в армию.

Владимир Леннон,
г. Минск

3.

Здравствуйте! Пишет вам гвардии рядовой Советской Армии Леннон из артиллерийской учебной части.

...Вся моя доармейская жизнь была похожа на путь к большой реке. На этом пути случалось всякое. К примеру, я до сих пор жалею, что так и не смог разобраться в девчонках и не научился толком играть на гитаре. Я был пропитан застенчивостью, как губка водой... Как я сейчас жалею, что спал много,

...И ОТВЕТ ИЗ ТОНВАГЕНА

Садитесь в мой трамвай еще».

К нам недавно новенькая пришла. Она из семьи военного, часто переезжала, наша школа у нее девятая. И она сказала, что в первый раз видит такой поющий, танцующий, рисующий класс. А мы удивились. Конечно, у нас есть недостатки. Нам не хватает серьезности. И еще мы никак не можем принять двух новеньких: курят и нахальные. Мы их не травим, но обходим стороной. Это плохо — ведь есть же и в них хорошее.

А писала я это письмо только для того, чтобы попросить вас: расскажите о группе «Кино». Эта наша самая-самая любимая группа!!! Очень хочется знать, чьи песни мы поем.

**10 «Б» класс СШ № 43
г. Калининграда**

Дорогая Татьяна и весь 10 «Б»! Виктора Цоя мы нашли в Алма-Ате, в тонвагене — студии на колесах, где пишется синхрон будущего фильма режиссера Рашида Нумганова под условным названием «Игла».

— Это первая главная роль в моей жизни, роль положительная, — сказал Цой, — и сниматься мне нравится.

...Представьте интеллигентную ленинградскую группу, лидер которой Виктор Цой работает кочегаром в котельной и снимается в кино, группу, репетирующую по квартирам, под-

бирающую состав по принципу человеческой совместимости, а не по профессиональным качествам, и мало интересующуюся тем, чего от нее ждет публика. Это и есть «Кино». Можно представить ребят иначе. Наивно-ироничная романтика... Необычный вокал... Лаконичная ритмика и весьма своеобразное звучание гитары... Четыре «магнитоальбома»... Последний, под названием «Группа крови», стал одним из открытий года.

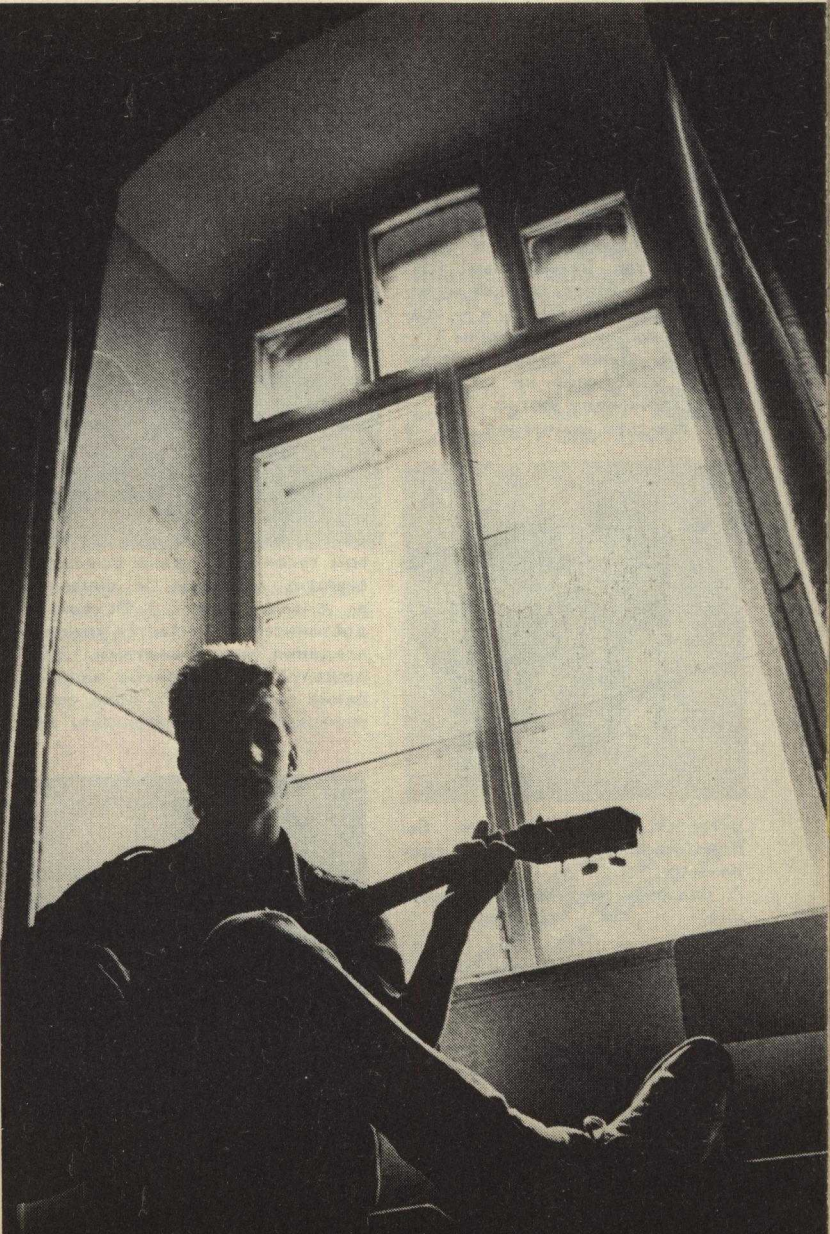
(Подробнее о «Кино» читайте на 3-й странице обложки).

а сделать успел мало. И вот я подошел к берегу реки, а вода такая холодная, армейская. И дан приказ нырнуть в нее на два года.

Первое время бесконечные команды «Отбой!», «Подъем!» вызывали приступы бешенства с оттенком легкого помешательства (почему нельзя спокойно лечь спать?). Жить по приказам нелегко, и кажется: вот приду из армии, получу, наконец, свободу действий — да я горы сверну! Меня никто от гитары не оторвет, работать на заводе стану так, что и для матери деньги будут, и на усилитель, и на костюм. А пока учу азбуку Морзе и хожу в наряды. Леннон (первый) пел: «Дадим миру шанс!». Леннону (второму) выпал шанс посвятить два года делу защиты Родины, а значит, и всего мира. Рядом со мной неплохие ребята. Мы служим в тихом месте. Но двое моих друзей в Афганистане, один десантник, другой артиллерист. Меня волнует их судьба, волнует все, что происходит вокруг, и даже то, что не удастся почитать хорошую книгу (говорят, к книгам можно прорваться только на втором году службы). Я стал писать, урывая часы от сна. Написал несколько песен: «Дух», «Репорт о переводе в Афганистан»... К черту Леннона! Я остаюсь битломаном, но самим собой. И буду им всегда!

Может, еще напишу вам, а сейчас очень хочется спать, потому что через три часа подъем. Заканчиваю и подписываюсь: Вольфганг Амадей Моцарт, или просто — **Володя Ярец**,
Н-ская часть

Фото Тимура ГРИБА

Фирма «Мелодия» поворачивается лицом к любителям рок-музыки: вышли три альбома «Машины времени», на подходе «Зоопарк» и второй альбом «Аквариума», изданы «Пикник», «Алиса», «Секрет», «Рондо» и другие. Многие обещает серия «Рок-архив». И сегодня перед молодым покупателем чаще, чем в былые годы, встает проблема выбора. Надеемся, что наш «Музыкальный магазин» поможет вам в этом деле. Оценка дисков ведется по 10-балльной системе и остается на совести рецензента.

Итак, пластинки с точки зрения коллекционера.

C60 26201 004

Ансамбль «БРАВО». «Мелодия», 1987. Запись 1986 г.

Экстравагантная Жанна Агузарова и четыре бравых парня, очевидно, пришли по вкусу составителям программ ЦТ, в которых они успешно конкурируют с «Секретом». У московского квинтета много общего с ленинградскими полу-«Битлз». Тот же стиль ретро во всем — в музыке, текстах, имидже, те же жизнерадостность и легкость и тот же привкус иронии. Только формула музыки другая: «Секрет» минус 10 лет. То, что делает «Браво», — это остроумная имитация коммерческих рок-н-ролловых ансамблей конца 50-х годов типа «Коустерз» и «Дэнни энд зе Джуниорз», так называемых «ду-уап-групп». Ясная, светлая музыка, симпатичные тексты и — всепобеждающий голос Жанны Агузаровой. Даже «новая волна» звучит у «Браво» не холодно, а по-старинному уютно.

И все-таки имитация так и

остается имитацией, как бы блистательно она ни была сделана.

7. баллов — заслуживает внимания.

7

C60 26039 000

Группа «АВГУСТ». «Демон». «Мелодия», 1987. Запись 1987 г.

C60 26139 006

Группа «ЧЕРНЫЙ КОФЕ». «Переступи порог». «Мелодия», 1987. Запись 1987 г.

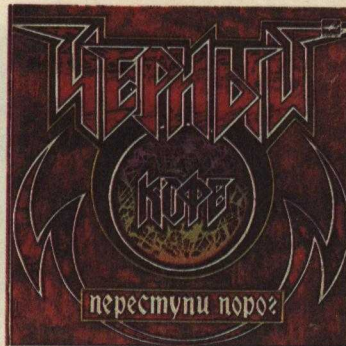
C60 26141 004

Группа «КРУИЗ». «Круз-1». «Мелодия», 1987. Запись 1987 г.

Чтобы кому-то мои суждения не показались чрезмерно резкими, сразу хочу предупредить: к «металлу» второй половины 80-х отношусь достаточно скептически и считаю, что открытия типа «Металлики» являются скорее исключением, чем правилом. Вообще хэви-метал оценивать сложно. Это самый консервативный стиль рока, и у музыкального критика, специализирующегося на нем, кругозор должен быть поневоле ограничен, как если бы он изучал мир через танковый триплекс. Стандартные, заезженные ходы считаются не зазорными, а традиционными, и «слизывание» находок у конкурентов — обычное дело. Кроме того, за лязгом гусениц мудрено услышать свежую мелодию и проникнуть в смысл текста. Основным достоинством считается техника владения инструментами. Это, пожалуй, единственное направление современного рока, многочисленные разновидности ко-

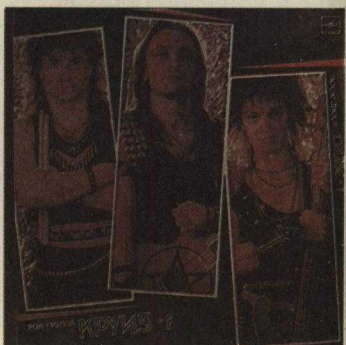
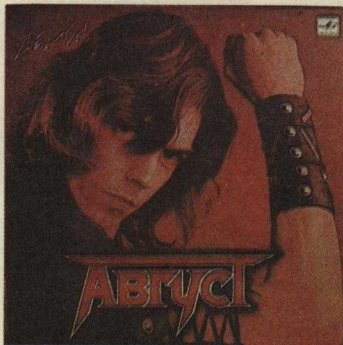
торого отличаются друг от друга лишь набором штампованных приемов и «лэйблами»: спид-, хэви-, трэш-, пауэр-, блэк- и тому подобный «металл». Короче, попробую принять правила игры и проехаться в «танке» по продукции доменных печей «Мелодии».

Первое впечатление: неплохо. Неплохие мелодии, крепко сбитые вещи. Несколькo слабее остальных «Август». Вокалу Павла Колесника не хватает накала. Форма не всегда соответствует содержанию, и баллады «Осень» и «Судите сами» отдают духом ВИА...

«Черный кофе» выигрывает за счет высоковольтного вокала Дмитрия Варшавского. Медленные вещи звучат так, как надо, и в целом «Кофе» кует добротный «метал» без явных раковин и трещин.

«Круз» — группа европейского уровня. Хороша виртуозная гитара Валерия Гаины в традициях головоломных пассажей Блэкмора. К сожалению, «Круз», увлекаясь техникой, порой забывает о лаконичности. И еще одно замечание: певец Гаина не дотягивает до уровня гитариста Гаины. Впрочем, про-

блема вокалиста в хэви-метал, как вы уже заметили, одна из самых острых.

Надеюсь, что «Мелодия» не остановится на этих пластинках и предложит нам классику «тяжелого рока».

6 баллов — выше среднего уровня, хотя и не шедевры.

6

С90 26459 000

«АССА». «Мелодия», 1987. Запись киностудии «Мосфильм» 1987 г.

Произведение искусства обладает не только художественной, но и исторической ценностью. Причем нередко историческая ценность имеет для нас гораздо большее значение, чем художественные достоинства. Это необходимо иметь в виду, если судить о пластинке с музыкой из фильма «Асса». Собственно, многие песни появились гораздо раньше фильма и хорошо знакомы любителям отечественного рока. Уникальность пластинки в том, что это слепок с конкретной эпохи жизни нашего общества. Дурашливый «Мальчик Бананан» из

нашумевшего цикла «Банановые острова» и рядом электронно-механический гимн «ВВС» с прозрачным намеком на обесчеловеченный мир «Крафтверка», зашифрованные послания Гребенщикова «Иду на ты», «Плоскость» и диковатая смесь шарманочных мелодий, фрирока и сленга на грани скабрзности в «Старике Козлодоеве» и «Мочалкином блюзе», ностальгическая «Чудесная стра-

на» и щемяще красивый «Город золотой» — совершенно разные песни, но от них появляется ощущение какого-то вязкого мрака, тоски, опутывающей, как липкая паутина. И вдруг паутину рвет в клочья напряженный, ломкий, сдвленный от ярости голос Виктора Цоя: «Мы ждем перемен!»

9 баллов — этот диск в коллекции необходим.

9

С60 26419 000

«ДЖЕТРО ТАЛЛ». «Мелодия», 1987. Записи 1969—1977 гг.

Эта пластинка «Мелодии», выпущенная по лицензии «Ариолы», заслуживает оценку только в превосходной степени. Великолепная группа, прекрасная подборка песен, отличная аннотация Андрея Гаврилова.

10 баллов — берите и не думайте, это будет украшение вашей коллекции.

10

С60 26203 009

Ансамбль «THE MOODY BLUES». «Изнанка жизни». «Мелодия», 1987. Запись 1986 г.

Когда-то, лет эдак двадцать назад, «Муди Блюз» был одним

из зачинателей симфо-рока. Лицо ансамбля определяли красивые, богато оркестрованные мелодии, для записи которых музыканты привлекали даже Лондонский симфонический оркестр, и философские тексты с налетом мистики, написанные под влиянием идей дзен-буддизма. Несмотря на массовую популярность, критики недоброжелательно приняли ансамбль. Его обвиняли в помпезности, в том, что музыка для рока чрезмерно сложна, а лирика претенциозна и для серьезной философии слишком наивна. Тем не менее музыканты продолжали работать и создали несколько прекрасных песен, лучшая из которых — «Ночи в белом атласе». Спустя несколько лет симфо-рок и родственные течения — клэссикал-рок, арт-рок, барок-рок — превратились в одно из наиболее влиятельных и авторитетных направлений рок-музыки. Однако в 1972 году «Муди Блюз» фактически распадается и замолкает на шесть лет. Возвращение состоялось в 1978 году с альбомом «Октава». «Мелодия» предложила нам последнюю работу группы, которая дает хорошее представление о «Муди Блюз» образца 80-х. Жаль только, что в аннотации на конверте допущены некоторые неточности: ансамбль в действительности был основан Майком Пиндером, Грэмом Эджем, Рэем Томасом, Дэнни Лэйном (впоследствии он играл в «Уингз» Пола Маккартни) и Клинтон Уориком.

8 баллов — я себе купил.

8

Товаровед-консультант
«Музыкального магазина»
Эдуард БОРОВСКИЙ

ТРЕБУЕТСЯ АР

В последнее время эта улица стала самой популярной в стране. За тем, что происходит на Арбате, следят не только москвичи. Благодаря дискуссиям в центральной прессе у Арбата появились свои болельщики в разных городах. Они мечтают о собственных арбатах, улицах общения, и потому ревниво следят: чем, поражением или победой, закончится инициатива москвичей.

Нам тоже судьба Арбата небезразлична. Небезразлична она и нашим читателям, среди которых — семнадцатилетняя Наташа Шульга. Вот такой «фильм» о своих прогулках по Арбату прислала она в редакцию.

ДИАЛОГ В ТОЛПЕ

Мне бы хотелось рассказать об Арбате так, чтобы вы смогли увидеть его собственными глазами. Для этого я проведу вас по нему, как бы показывая фильм, снятый за один вечер.

...Сборище на углу Арбата. Издали видны два плаката, поднятые над головами. Что на них написано, еще не разобрать. Но люди бегут, заранее предвкушая нечто необыкновенное.

Камера в самой гуще толпы зевает. Мелькают лица, слышен чей-то голос:

— Это абсолютно некоммерческое искусство! Психологический портрет на фоне пейзажа! Психологический пейзаж на фоне портрета!

Плакат, написанный от руки: «Мы вам платим 20 копеек, вы нам позируете!»

— Меня нарисуйте, а! — кричит девушка, приподнимаясь на цыпочки.

— Итак, — говорит художник, чиркая по бумаге и поглядывая на девушку, — мы узнали, что вас зовут Аленой, вам шестнадцать лет и вы учитесь в школе...

— Молодежная редакция! — представляются из толпы. — Что за направление живописи вы представляете!

— Передвижники! — не терпится «фирма». — Передвигаемся по Арбату! Наша школа — это улица!

«Молодежной редакцией» оказывается просто компания дурачащихся подростков, один из которых подставляет кулак вместо микрофона.

Художник вручает девушке рисунок — замысловатую загогулину во весь лист.

— Это ваша душа.

Плакаты быстро сворачиваются: «Все, никого не рисуем!» Художники куда-то исчезают. Толпа еще не успела разойтись.

Деревянный забор сплошь оклеен афишами и объявлениями: театры-студии, спектакли,

рекламы художников. Подходит компания с афишей. «Жестокая клоунада, музыкальный абсурд...» — мелькают слова под руками, разглаживающими бумагу. Ладонь прижимает низ афиш и открывает последнюю

БАТ!

строчку: «...в спектакле «Гамлет», автор сценария и режиссер — В. Шекспир».

Еще объявление: «Рисую не всех, не обижайтесь, пожалуйста!» — и его хозяин, спокойно и даже равнодушно наблюдающий публику.

На противоположной стороне улицы надпись следующая:

«СЕГОДНЯ РИСУЮ
почти БЕСПЛАТНО!!!»

Третье слово написано микроскопически.

Впрочем, положение у всех одинаковое — народ толпится, а портрет до сих пор никто не заказал.

Сидит еще один художник, скучает. Сзади него, на водосточной трубе, наклеен светлый квадрат бумаги. Нарезанные полоски телефонов свисают бахромой и шевелятся от ветра, как живые. Художник оглядывается. Читает объявление: «Даю философские консультации на любую тему. Обращаться по телефону...» Художник, помедлив, отрывает номер, сует в карман и снова о чем-то задумывается.

Скамейка посреди Арбата. Компания ребят. Доносится смех.

Вокруг скамейки начинает собираться народ — в основном молодежь. Видно, как по рукам ходят картонки, обклеенные вырезками из журналов и белыми полосками бумаги, напоминающими телеграммы. Написи на «телеграммах»: «Хочу познакомиться с...»

Говорит пожилой мужчина, оказавшийся в самом центре собрания:

— Мне важно мнение молодежи, ваше мнение! Я занимаюсь реставрацией Арбата...

— Да ничего нам не нужно! — перебивают его по ту сторону скамейки. — Хватит, отреставрировались. Оставьте нам наш Арбат!!!

Высокий парень с длинными волосами держит в руках флейту. Медленно поворачивается и уходит в подворотню, из темноты звучит печальная мелодия.

Подворотня. В самой глубине играют на гитаре. Кто-то закурил — в темноте зажглась маленькая красная точка. Гитара смолкла. Загорается спичка, на секунду освещая лицо певца с гитарой, сидящего на корточ-

ках у стены. На куртке поблескивает с полсотни значков.

Спичка гаснет.

Голоса:

— Если ваши песни похожи на песни «Аквариума» — пойте просто то, что они поют!

— Я не пою чужого, — бросает певец. — Разве только тех, кого уже нет.

— Спойте Высоцкого.

— Нет, не просите, пожалуйста, — голос певца звучит неожиданно мягко. — Это святое. А что такое святое? Это бесконечность. Это чистый лист — или молчание.

— Пока мы молчали, все сказали за нас, — комментирует кто-то из слушателей.

Светится полукруглая арка — выход из подворотни. Там, на улице, уже горят фонари. Силуэт флейтиста четко выделяется на светлом фоне. Он начинает что-то наигрывать — звуки музыки заглушает смех. Флейтист подходит ближе — слышно, что он играет «Интернационал».

— Я — режиссер, — говорит из темноты певец с гитарой. — Собираюсь ставить спектакль об арбатской подворотне. Но, может, об Арбате не надо писать и не надо ставить. Здесь нужно создать свой мир, защищать, если его хотят разрушить...

Выход из подворотни. Начинается дождь, фонари видны нечетко.

Табличка на доме № 53: здесь жил А. С. Пушкин с февраля по май 1831 года.

На решетчатом заборе дома № 53: «Олег Потоцкий: театр одного поэта...»

Поэт декламирует хорошо поставленным голосом:

И прямо в лоб подонку
разряжаю
Я пушкинский дуэльный
пистолет.

И просыпаюсь я...

— А-а, так это все во сне было, — разочарованно тянет чей-то голос.

Напротив — забор с надписью: «Свободу заключенным Московского зоопарка!» Мокнут афиши.

— Меня учили многие поэты, — читает молоденькая девочка, —

Из современных и из глубины веков.

Но вот любимые мне стали эти — Сергей Есенин и Гребенщиков...

Дождь, слушатели под зонтиками. Идет обмен впечатлениями.

— Тебе нравится! — спрашивает мальчик с вдохновенным лицом у приятеля постарше. Тот неопределенно пожимает плечами.

По Арбату движется процессия, напоминающая демонстрацию.

— Раз, два, три, — командует кто-то. — Да здравствует...

— Да здравствует наш Арбат! — подхватывают все дурашливыми голосами.

И снова:

— Раз, два, три...

— Да здравствует советская молодежь!

Завидев милицию, компания дружно сворачивает в переулок.

Дождь кончился. Очередная реклама на стене: «Чемпион мира по лингвистике, перевожу с любого языка, туда и обратно, сочиняю стихи с использованием инициалов любимой. Цена 30 копеек».

29

УЛИЦА
АРБАТ

— Ду ю спик френч! — освещаются зрители.

— Дую, дую, — успокаивает их лингвист.

— Necesita usted treinta copes?

Лингвист пожимает плечами — не понимает.

Диалог в толпе:

— Что ты спросил?

— Нужны ли ему 30 копеек. Все с ним ясно. Пошли, напишем, что и мы обучаем на любом языке.

И действительно — пошли. И возле них быстро собрались любопытствующие.

Что это за явление — Арбат! Что привлекает сюда огромное количество народу! Прежде всего, наверное, свобода, возможность самому все увидеть и самому выбрать в конце концов то, что нравится, а не то, что должно нравиться всем. И еще Арбат дает возможность высказываться. Конечно, здесь — не музей изобразительных искусств. Так ведь Арбат на это и не претендует. Сюда приезжают самые разные художники со всей Москвы, странно было бы требовать, чтобы все они непременно были гениями. Впрочем, кто знает, может быть, один из них...

* * *

Грустный финал Наташиного «фильма» настораживал. «Слухи» подтверждалась московскими коллегами-журналистами, а вскоре о поражении на Арбате крупными буквами заговорила и пресса. Можно было предвидеть, что в этот здоровый, бодрый новорожденный организм, незащищенный в своей доверчивости и открытости, обязательно попадут болезнетворные микробы. Ведь не в вакууме он образовался — плоть от плоти огромного города. Вот и вобрал в себя все обычаи, нравы, цвета и звуки его среды. Но среда-то в целом здоровая!

Об этом мы думали и тогда, в августе прошлого года, когда после туго набито-

го делами и встречами командировочного дня мчались на Арбат и три часа продвигались от «Арбатской» до «Смоленской» по улице, которую днем преодолевали за пятнадцать минут. И сожалели о том, что не многоухи и не многоглазы, — так интересно было участвовать в этом странном действе, получившем название «вечерний Арбат».

Непривычно было бросать монеты поющему рок-барду, но такой самоотдачи, такой искренности давно не слышали. И понятно, что вовсе не за монетами пришел сюда поющий, уж во всяком случае — пока. И джазисты, и студенты с гитарами в стройотрядовских робах, и барды не за заработком явились.

Есть и другая сторона вопроса: а почему именно Арбат! Не оскорбительно ли для дома Пушкина, театра Вахтангова соседство с «шаржами за 5 минут» и «чемпионом мира по лингвистике»? Есть же выставка художников в Измайловском парке, пусть там и собираются... Но в том-то и дело, что Измайлово существует само по себе, а Арбат — сам по себе. Ведь, согласитесь, разве это только выставка художников!

В последнее время среди постоянных обитателей Арбата ходят упорные слухи о том, что скоро всех окончательно разгонят, и тогда... Сказать по правде, слухи не лишены оснований. И существует, к примеру, реальное постановление Моссовета № 2075, запрещающее на улице Арбат петь уличным певцам, и этим постановлением арбатские милиционеры пугают местных бардов.

Я думаю, для того, чтобы оценить «явление вечернего Арбата» по-настоящему, нужно время — то, что я вам описала, существует не так давно, чуть больше года назад Арбат был просто пешеходной улицей. Может быть, такие улицы будут возникать и в других городах! И тогда разговор можно будет продолжить.

Р. С. В последнее время в разных городах начали появляться художники, называющие себя «арбаторами»...

Наталья ШУЛЬГА

За общением — нормальным, свободным. Не через рампу, не по билетам. Без регламента и регламентаций. Без предписаний и опасений.

А ведь совсем еще недавно «арбаторов» не было. По крайней мере, на Арбате, где можно было только ездить и ходить. А так, чтобы сесть, распусть зонт над головой, зонтик поменьше для монет у ног, поставить этюдник, стул для желающих получить портрет — это только в кино можно было увидеть. И то если это кино про Монмартр.

А мирная дискуссия солидных мужей в тройках с юношами в самодельной вареной джинсе о вчерашней статье в «Московских новостях» — такое и Гайд-парку не снилось.

Все это притягивало народ на неширокую, еще совсем недавно фанерно-декоративную после реставрации, а сейчас живую, улицу. Оказывается, как не хватало общения не столько с равными себе, сколько с разными! И дяди в тройках так внимательно и доброжелательно прислушивались к юношеским голосам...

И просили: «Пожалуйста, спойте еще что-нибудь».

И Игорь Тяпкин, встряхнув усталыми пальцами, снова сжимал гриф гитары, и звучало в беседке, битком набитой людьми,— «О музыке, о звездах, о судьбе».

И удивительными были коротенькие диалоги-знакомства:

— Пел раньше на публику?

— Бывало. В школе.

— И все?

— Ну почему ж, в «Алом парусе». Слышали о таком клубе выходного дня?

— А лет сколько?

— Двадцать.

— Значит, и послужить успел?

— Успел.

— А сейчас где работаешь?

— «Метрострой».

— Молодец! Спой еще что-нибудь.

Спой еще что-нибудь!

И пели. Сыграй еще что-нибудь! И играли. Почитай еще что-нибудь! И читали.

У каждого находились свои слушатели, свои зрители.

Вокруг флейтиста Андрея Пожидаева толпа не рассасывалась часами, пока домой не уходил. Многие, вероятно, впервые слушали флейту в живом исполнении, и, надо полагать, выступления Андрея разбудили интерес к этому древнейшему инструменту.

Музыкально-художественно-дискуссионный водоворот буквально засасывал. Недоговорив, недорассмотрев, недослушав, люди приходили сюда из вечера в вечер. С некоторыми из них мы уже вежливо раскланивались.

В те вечера мы нечасто доставали блокноты. Хотелось просто побыть в толпе. Не интервью взять, а поговорить и посмотреть.

Что-то новое, не имеющее пока названия, происходило на Арбате. Что-то самосоздавалось, оставив в стороне кураторов, методистов и организаторов.

И нуждалось в охране.

Мы уезжали с мечтой о «вечернем Арбате» в каждый город.

И вдруг «ходят слухи».

А потом и в центральной газете написали:

«А мы все-таки боимся — того, к примеру, что Арбат пока остается единственной заповедной зоной вольности, и прикрыть его труда не составит — новое «арбатство» еще не растворилось в нашей крови, не стало нормой жизни...»

Спустя какое-то время мы попросили группу московских ребят — Александра Попова и его друзей, знакомых нашим читателям по первому номеру журнала «Парус» (публикация «Мы допоем слова, какие он не спел»), побывать на Арбате. Нам было важно знать, что же произошло за два месяца, что изменилось.

Александр с готовностью откликнулся на это предложение, поскольку тема и ему «болит», и вместе с друзьями Василием Войновым, Светланой Подвязной, Олегом Мосеевым и Павлом Поповым пошел на Арбат. Все, что они там увидели,— в нижеследующем отчете.

ПОХОЛОДАНИЕ

В один из последних дней осени эскалатор вынес нас из-под земли на станции «Арбатская». Мимо художников, забившихся в подземный переход от влаги с ветром, мимо глазевших с их треножников портретов мы проталкивались к выходу.

Конечно, ноябрьский Арбат заметно отличается от августовского. Похолодало и в прямом, и в переносном смысле. И не только дождик с ветерком прижимают к подъездам и загоняют в арки и переулки известную часть обитателей Арбата.

Выходим из медленной respectable арбатской толпы, гуляющей по центру, к группе молодых ребят.

Это те, что именуют себя хиппи: нарочито потрепанная, а иногда и со вкусом оборванная одежда, волосы до плеч. Взгляды приветливые. Компания ведет себя несуетно, ребята расположены говорить с любым, кто пожелает. Парень лет двадцати задумчиво перебирает струны гитары, а когда его просят спеть — поет. Песня, похоже, собственного сочинения.

Она о несправедливости и жестокости людей. Называется «Мы скажем: нет!» Мелодия простая и резкая, слова неприглаженные. Людей это привлекает, и нам песня нравится. Следующую парень допеть не смог — сквозь скопление слушателей протиснулся старший лейтенант милиции, и под его строгим взглядом гитара смолкла.

Фиксируем диалог:

— Ты опять за свое!! Хочешь, чтобы я отобрал гитару! Я же предупреждал!

Лейтенант говорит жестко. Парень передает гитару кому-то из своих, подальше от рук милиционера и, независимо глядя вверх, угрюмо замолкает.

— Еще раз увижу — хуже будет! — посулил старший лейтенант, выбираясь из толпы к

ожидавшему его наряду под недоуменные возгласы: «В чем дело!», «Почему запрещаете петь!»

Лейтенант на ходу бросает: — Все объяснения вы можете получить по адресу Арбат, 31. Я же ни в чем отчитываться не намерен.

По этому адресу мы и направились. В пятом отделении милиции встретили нас без особой радости: мол, и так дел хватает, а тут еще ходят всякие... правдоискатели.

Дежурный по отделению капитан Фомичев устало поинтересовался, чего мы от него добиваемся.

Вступила в разговор Света. Она изложила суть дела и попросила показать документы, регламентирующие жизнь на Арбате. Капитан, чуть помед-

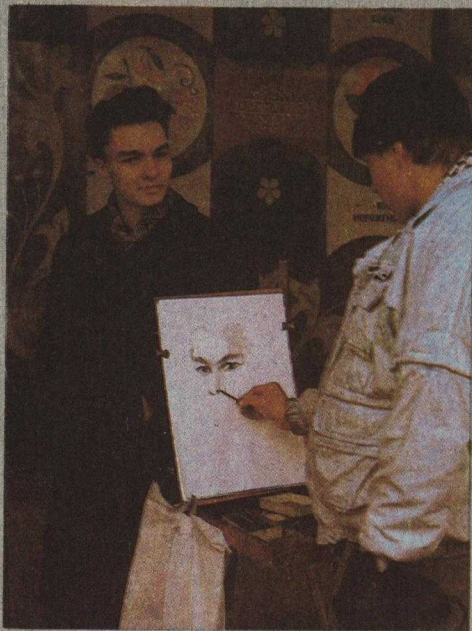
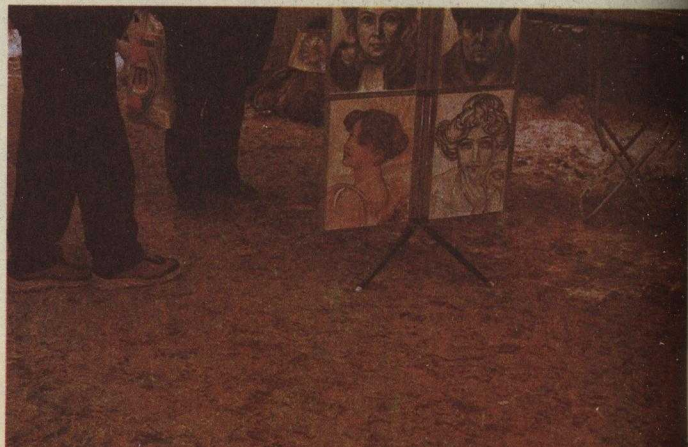

Фото
Елены АДАМЧИК
и Тимура ГРИБА

лив, дал два постановления: Моссовета и Киевского райисполкома, выдержки из которых мы сейчас здесь цитируем.

Из решения районного исполкома от 23.09.87 № 3821:

«Исполком райсовета отмечает, что после превращения улицы Арбат в пешеходную зону значительно увеличился приток граждан, посещающих микрорайон, где расположено 89 различных предприятий торговли и культурно-бытового обслуживания населения, кафе и других точек с режимом работы от 7 до 23 часов ежедневно. В будние дни здесь одновременно сосредотачивается в дневное время от 10 до 15 тыс. человек, в вечернее время 20—25 тыс., в выходные и праздничные дни это количество возрастает до 60 тыс. человек и более... В результате широкого освещения... жизни Арбата значительной концентрации на нем достигли различные неформальные объединения молодежи, появились проявления религиозной направленности граждан, другие негативные явления. Постоянное скопление людей на улице Арбат, отсутствие ограничений по поводу времяпровождения мешает нормальному отдыху жителей, влечет за собой рост нарушений правопорядка в этом микрорайоне, вызывает справедливые жалобы проживающих. За 8 месяцев 1987 года на Арбате задержано... около 3 тысяч человек. Исполком решил: ...Установить, что на улице Арбат запрещается курение, нарушения тишины после 22 часов до 10 часов утра, громкое пение, игра на музыкальных инструментах, пользование радиоприемниками, громкоговорителями, магнитофонами, установленными на повышенную громкость, и другие проявления, нарушающие тишину». Контроль за выполнением возлагается на товарищей Тезавровского А. В. и Корягина Н. П. Подписали В. К. Трусов — председатель исполкома, В. В. Адрианова — секретарь.

А вот и второй документ. Приложение к решению исполкома Моссовета от 2 августа 1987 г. № 2075 «Временные правила проведения собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций и иных мероприятий на улицах... и в других общественных местах гор. Москвы»:

«...Разрешение на предоставление трудящимся зданий, улиц, площадей, проспектов, парков, скверов, садов и других общественных мест г. Москвы с определением времени для прове-

дения собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций и иных массовых мероприятий выдается председателями исполкомов соответствующих Советов народных депутатов в письменной форме...»

Итак, с первым документом было все ясно, а вот со вторым... Правда, капитан пояснил, что к массовым мероприятиям относятся также песни, чтение стихов и т. п. [хотя конкретно в документе этого не сказано]. Как видите, один документ по Арбату называет точное время, когда петь и играть нельзя — с 22 до 10. Другой, городского масштаба, «уточняет», что без разрешения исполкома это запрещено вообще. Выходит, милиция может пользоваться этими постановлениями по своему выбору и в обоих случаях будет права. А мы-то, наивные, думали, что разночтений в законе быть не должно!

И мы решили понаблюдать, как на деле осуществляются эти требования. Нисколько не удивились, что милиция «не заметила» пункт, где говорится о том, что курение на Арбате запрещено: слишком хлопотное и неблагодарное это дело — останавливать чуть ли не каждого пятого и разъяснять про «нельзя». Да и откуда людям знать, что здесь разрешено, а что нет! Исполком постановил, но элементарные информационные щиты установить никто не удосужился. А ведь такие щиты часть милицейских забот сняли бы. Смотришь, и показатели «задержаний» бы сократились...

Не заметив один пункт, можно вольно поступать и с другими. Но какова цена всем нашим разговорам о гласности, демократии и человеческом факторе, если любое скопление людей на улице будет расцениваться как «несанкционированное общественное мероприятие», подлежащее пресечению? Мы потратили около часа только на то, что пытались просто поговорить с сотрудником милиции и были ошарашены результатом этой попытки. Не успел первый встреченный нами младший сержант толком ответить на наше «здравствуйте», как его прожег взгляд подошедшего капитана. Этого оказалось достаточно: безвестный младший сержант, сбивчиво извинившись, исчез, а капитан посоветовал нам «гулять дальше». Еще два сержанта милиции попросту отказались представиться, сославшись на то, что они «не из этого отделения». На

вопрос о певцах и поэтах заявили, что обязаны пресекать такие выступления независимо от времени.

Да, вечер на Арбате разочаровывал во многом. Мне, например, всегда казалось, что сотрудник милиции должен прежде всего отдать честь и представить, как на картинке в детской книжке Михалкова «Дядя Степа». Или я не прав! В книжках одно, а в жизни другое! И только последняя попытка как-то скрасила общее впечатление: очередной младший сержант в ответ на наше приветствие уверенно поднес руку к козырьку, и мы услышали спокойное: «Здравствуйте! Младший сержант Пархоменко. Что случилось?» Признаюсь, услышав это, я слегка опешил — вот уж действительно случилось. Мы и не ожидали. Изложили цель нашего визита на Арбат и поинтересовались, что он может сказать по поводу игры на гитаре. Пархоменко уверенно произнес:

— Существует положение, где сказано о том, что пение и игра на гитаре запрещены с 22 до 10 — такие я получил инструкции.

— Значит, — уточнила Света, — сейчас, увидев поющего под гитару, вы не станете ему мешать!

— С какой стати! — удивленно ответил сержант Пархоменко.

И мы, благодарные ему и слегка успокоенные, пожелав спокойного дежурства, отправились дальше.

Пока бегали за милицией, нас уже успели запомнить, так что проникнуть инкогнито в скопления возбужденных ребят с гитарами не удавалось. Со всех сторон сыпались вопросы: кто мы, что за репортаж готовим, куда! Услышав, что это делается по поручению молодежного журнала, ребята наперебой заговорили о проблемах, с которыми столкнулись на Арбате. А проблем оказалось немало.

— Только что нам запретили петь под гитару. А ведь еще полдесятого, — громко заговорила девушка и добавила: — А мы теперь назло будем!

— Почему у нас молодых считают людьми не первого сорта! Вечно подозревают во всем. Собрались группой больше десяти человек — значит, обязательно с целью нарушить порядок. А если больше идти некуда! Негде поговорить о

своем, поделиться чем-то, не рискуя нарваться на насмешки!! Человек не может без общения, это ясно. Почему нам отказывают в этом праве!

— Милиция что хочет, то и делает,— горячился невысокий тонкий паренек.— Меня тут трижды забирали в отделение только за то, что танцевал брейк. Подходит сержант и говорит тебе: «Пошел отсюда!» Какое они вообще имеют право хамить! Не деремся, не кричим, теперь вот петь стало нельзя. А что можно! Ходить, взявшись за руки!

— А ты в курсе, что приняты постановления по Арбату! — спросил я брейкера.

— Да, в курсе. Нам в отделении их показывали. Мы так поняли: зашел — и сразу же организуешь «общественное мероприятие».

— Милиция!!! — вдруг крикнул кто-то, заметив приближающийся наряд. Я подумал: ну вот, кажется, не мы за ними побежим, а они за нами.

— Спокойно, ребята! — кто-то хлопнул меня по плечу.— Мы вас не отдадим. Эй, давай песню!

И над Арбатом полетел бодрый напев: «Я люблю тебя, жизнь!». Под этот своеобразный гимн наряд милиции гордо

продефилировал мимо. Напряжение спало.

Настало время идти дальше — многое прояснилось. Никто здесь не трогал толпу взрослых солидных дядей, слушавших какого-то доморощенного проповедника. Зато парень с гитарой — нарушитель общественного порядка. А основной довод милиции, если она посчитает нужным привести таковой: громкое пение мешает нормальному отдыху тех, кто здесь живет.

И мы направились к тем, кто здесь живет.

Навстречу шли три старушки. Мы обратились к ним. Да, они отсюда, с Арбата, живут здесь более сорока лет, в коммуналке, между прочим.

— А то, что мы сейчас скажем, напечатывают! — спросила, глянув на нас поверх толстых стекол очков, одна из них. На наше не вполне определенное обещание она очень даже определенно воскликнула:

— Безобразие! Во что Арбат превратили! Началось все с художников, потом появилась всякая шушера! Вечером на улице страшно выйти. А ночью что здесь творится — стыдно сказать. Люди приходят вечером с работы, хотят отдохнуть, а под окнами галдеж!

— Подождите, давайте по-

пробуем разобраться,— робко прерывает старушку Василий Войнов, член нашей рейдовой бригады.— А если бы пели, как положено, до 22-х часов, сильно бы это мешало!

— Пусть бы после десяти тихо было,— уже не так агрессивно заявила старушка,— и то слава богу!

Две других, наверное, более застенчивые, только согласно кивали.

Безошибочно узнавая местных жителей по сумкам с продуктами и усталым лицам, мы задавали им те же самые вопросы. Возможно, два десятка мнений «маловато для статистики, но характер отношений людей к проблеме Арбата, я думаю, виден неплохо. Практически все они резко отрицательно относятся к изменениям, которые претерпел Арбат в связи с реконструкцией. Почти все хотели бы как можно скорее поменять свое жилье на более современное. Абсолютное большинство считает, что негромкое пение, а тем более чтение стихов — если все это происходит не позже 22 часов — вполне приемлемо.

Как жаль, что при этих наших беседах не присутствовали милиционеры! Жителям Арбата гитарное пение до 22-х не мешает. И брейкеры не мешают.

И художники. Хорошо бы, чтобы и милиция гитара не мешала. А сержантам даже на службе не мешает помнить и о своем возрасте, и о своем нежелании подчиняться грубому окрику, и о том, что вежливость для них так же обязательна, как кобура на боку. И предписания свыше должны быть более внятными. Только так можно стоять за Арбат. А иначе ведь он превратится в арену борьбы за свободу самовыражения.

Мы почувствовали свежее дыхание демократии, гласности. И действия ребят на Арбате — в защиту этого дыхания, а не

вопреки пресловутому «общественному порядку».

Уверены, что проблема Арбата — не только наша, московская. Такие места, как Арбат, видимо, необходимы всюду. Они нужны молодежи, как воздух. Воздух, в котором легко общаться. Попробуйте заговорить с кем-нибудь на проспекте или в транспорте — что услышите в ответ! А на Арбате — пожалуйста. Может быть, самая важная — эта новая черта Арбата: здесь все друг другу рады. И не надо омрачать этой радости. Хотя бы до 22-х.

Александр ПОПОВ

* * *

В каждом городе есть старая улица, с которой начинался город. Уставшая от машинной гари и копоти, от трамвайного скрежета, она давно просит покоя. Но не мертвой тишины, потому что все еще хочет жить, а человеческих голосов и свежего воздуха.

В каждом городе есть люди, молодые и пожилые, которым тоже не хватает общения. То, что зародилось на Арбате, — не случайно, не спущено директивой сверху и не организовано «большинством голосов», хотя именно большинство организовало то, что сегодня мы называем «вечерним Арбатом». Есть ценнейший пример инициативы масс — Улица общения. К этой инициативе присматриваются и прислушиваются сейчас в других городах. И там хотят «свой Арбат». Поэтому так важно, чтобы московский «вечерний Арбат» выжил, оздоровился, стал таким, каким его хотят видеть москвичи.

Мы знаем, что многое пытаются делать созданный недавно общественный центр «Наш Арбат», взявший на себя координацию творческой деятельности художников, музыкантов, поэтов, людей самых разных профессий. Возможно, со временем такие же центры появятся и в других городах. Хочется, чтобы появились. Чтобы не только милиция и районные власти наводили порядок, но прежде всего те, кто нуждается в улице, где «воздух, в котором легко общаться».

Мы готовы открыть у себя в журнале «банк идей» по созданию Улицы общения. Обещаем публиковать наиболее интересные и деловые предложения и проекты.

Публикацию подготовила
Алла НИКИТИНА

по сути дела

После школы я работала продавцом, но поняла, что это не мое призвание. Иногда со своим ребенком езжу к маме на такси. Если в машине есть рация, слышу голоса девушек, которые сообщают водителям адреса. Мне кажется, что работа эта интересная. Не могли бы вы рассказать о ней и о том, где ее можно получить!

**Юлия Антонова,
г. Минск**

Мы позвонили в центральную диспетчерскую службу производственного объединения «Минсклегавтотранс» и связались с диспетчером смены Анной Зеноновной КУРАПЦОВОЙ.

— Анна Зеноновна, сколько заказов на такси к вам поступает за смену?

— В среднем около 2800 заказов.

— А сколько в ЦДС смен?

— Две. В каждой по девятнадцать операторов.

— Значит, выходит...

— Да, более семидесяти вызовов на каждого оператора. Но это в среднем. В выходные и праздничные дни количество вызовов намного увеличивается.

— А по ночам часто звонят?

— Все зависит от того, будний день или выходной, зима или лето. В сезон отпусков, например, самое трудное время с 4 до 6 утра — люди отправляются в аэропорты, к поездам. Много ночных звонков в праздники, когда расходятся гости.

— Не обидно: кто-то празднует, а вам — только отголоски их песен?

— Обидно, когда слышишь пьяную брань, печально, когда человек не может вспомнить, где он находится. А мы должны сдерживать свое раздражение или обиду, оставаться ровными на протяжении всех двенадцати часов смены. Уметь сдерживать себя, не поддаваться настроению, не обращать внимания на усталость — вот, наверное, главные качества в работе оператора ЦДС. Если вы чувствуете, что не ответите на грубость грубостью, сможете терпеливо переспросить у плохо слышащего вас человека адрес, сможете приедемому сориентироваться в городе, — ждем вас в диспетчерской. Здесь и обучим работе.

ЭТА «ЩЕКОТЛИВАЯ» ТЕМА...

отчет о работе редакционного телефона Доверия

37% обращений по нашему телефону доверия затрагивают любовную тему. Психологи всего мира еще только-только начали собирать досье на коварную «агали» (так звучит «любовь» по-древнегречески). Одна из ее проблем — дисгармония сексуальных отношений — исследована уже довольно полно, для того чтобы вести речь о конкретных рекомендациях, медицинской помощи. Но нужнее, наверное, научить юношей и девушек избегать сексуальных неудач.

Как и было объявлено, наш постоянный психолог-консультант Андрей Антонович Макасимов 15 февраля уступил свое дежурство сексологам.

Его провели сотрудник Минской городской консультации «Семья и брак» Александр Владимирович Стебаков и врач подросткового центра при 16-й городской поликлинике Валентина Калиновна Лысенко.

За три часа работы к ним обратились 59 раз, при том что наверняка дозвонился едва ли каждый третий.

Средний возраст наших абонентов в этот вечер был выше, чем обычно, и составил 21 год у мужчин и 22 года у женщин.

Анализ звонков показал, что сексуальные проблемы актуальны для обоих полов, но все же мужчины либо переживают их острее, либо смелее, чем женщины, ищут пути решения: 32 раза в трубке звучал мужской голос.

27 раз — женский.

География абонентов: от Гродно до Новосибирска, от Риги и Таллина до Тбилиси и Ташкента, от Троицка Челябинской области до Кобеляк Полтавской. По одному звонку пробилось из Джебказгана, Перми, Ленинграда, Горького, Орла, Сухуми.

По частоте обращений на первом месте оказались незамужние девушки и женщины: 20 звонков.

Потом:

19 — женатые мужчины

13 — неженатые мужчины и юноши

7 — замужние женщины.

У каждой такой группы были свои проблемы. Из 20 незамужних абоненток девятых беспокойли моральные аспекты начала половой жизни («не будет ли он относиться ко мне хуже после ЭТОГО»). Молодым женщинам требовались консультации по предохранению от беременности.

А одна наша 19-летняя читательница настоятельно советовала открыть в журнале постоянную рубрику, рассказывающую о симптомах, течениях и лечении венерических заболеваний. Консультант «Трубки мира» объяснил, что «Парус», наверное, не станет отнимать хлеб у специальных медицинских изданий.

Еще вопрос:

— Мне 16 лет, меняю уже шестого мужчину — и ничего не получается!

— А вот это как раз сюжет для молодежного журнала, — прокомментировала звонок В. К. Лысенко. — Необходимо объяснить юным простую истину: неудачи в интимных делах — это, как правило, отражение незрелых взаимоотношений.

Общая беда женатых мужчин состояла в том, что они не приносят сексуального счастья своим женам. Три абонента получили от А. В. Стебакова приглашения стать пациентами клинического стационара.

Во врачебном обследовании нуждались и шестеро человек из группы неженатых мужчин

и юношей. Они откладывали создание семьи, так как не были уверены в том, что смогут стать отцами.

В особую подгруппу сами собой попали пятеро юношей, испытывающих влечение к людям своего пола. Их беспокоила и не устраивала перспектива стать гомосексуалистами.

Нуждались в этот вечер в помощи сексолога и молодые замужние женщины. Их тревожило, что после двух-четырёхлетней семейной жизни мужья к ним заметно охладели...

В общем, диапазон вопросов оказался очень широким.

— Я бы отметил довольно высокий уровень сексуальной осведомленности молодежи, — сделал резюме А. В. Стебаков. — Как правило, четкие формулировки вопросов, всесторонне продуманные жизненные ситуации, самостоятельные попытки найти выход из затруднительного положения. Не знаю, чем может помочь «Парус» такой аудитории: тут людям влпору читать специальную литературу или обращаться в консультацию «Семья и брак» (такие есть уже в каждом областном городе). Мне кажется, ваше издание должно ориентироваться на подобное просвещение и воспитание тех, кому сегодня 13—14 лет, — чтобы меньше проблем у этих ребят было в будущем.

Теперь мы думаем, с чего начать новую рубрику, какой ей быть в первую очередь — «воспитательной», «медицинской», «просветительской»? Эту проблему мы не можем считать чисто редакционной и поэтому предлагаем читателям обсудить ее вместе с нами. А пока, дожидаясь ваших писем, в ближайший номер готовим беседу с кандидатом психологических наук старшим научным сотрудником кафедры социальной психологии МГУ Леонидом Гозманом.

28 января 1956 года Элвис дебютирует на телевидении со своей записью для «Ар-Си-Эй» «Отель разбитых сердец», а уже в марте она возглавила хит-парады в Америке и оставалась на вершине целых шесть недель. С первой попытки Пресли затмил всех.

Конкурентов у него практически не было. Чернокожие певцы не в счет — Пресли был белый. Оставался Хэйли, который находился в зените славы. Но что он мог противопоставить Элвису, кроме своего стажа? Грузный лысеющий отец рок-н-ролла рядом с атлетически сложенным красавцем Элвисом выглядел в лучшем случае, как заведующий билетными кассами, а концерты «Комет» казались после Элвиса жалким балаганом.

Во время своих самых «забойных» номеров — «Синие замшевые туфли», «Гончий пес», «Все кувирком», «Тюремный рок» — Пресли исполнял нечто вроде свадебного танца папуасов: широко расставленные ноги «вибрировали, как механические дрели, а брюки плескались вокруг них, как боевые знамена». Сейчас это стало любимым анекдотом его биографов, а тогда телеоператорам запрещали показывать национального кумира ниже пояса (по высокоморальным соображениям). Газеты пестрели замечаниями, например, такими, как высказывание

30

парень», как его, ставя в пример нехорошим мальчикам, называли в прессе Соединенных Штатов, продал очень много миллионов пластинок (с 1955 по 1962 год они свыше тридцати раз попадали в хит-парады). По этому показателю Бун уступал только одному человеку, о котором пойдет речь в следующей главе.

Часть IV. На сцене появляется король

В те годы пластинка окупала затраты, если расходилась тиражом порядка тысячи штук. Десять тысяч — заявка на успех. Сто тысяч — уже хит. Миллион — и вы суперзвезда. Фэтс Домино и Пэт Бун продали по несколько десятков миллионов дисков. Каким тиражом разошлись пластинки Элвиса Пресли, не знает никто — счет идет на сотни миллионов...

Летом 1956 года Страна рок-н-ролла превратилась в абсолютную монархию. Полное имя монарха звучало так: Элвис Аарон Пресли. Но коронованных особ зовут только по имени. И на миллионах пластинок, открыток, значков, пепельниц, маечек и школьных ранцев было оттиснуто лишь одно короткое и напористое слово ЭЛВИС.

Карьера его была стремительной.

В один из летних дней 1953 года восемнадцатилетний шофер грузовика из Мемфиса зарулил на местную студию звуко-

27

сводился смысл его ответов о планах на будущее.

Поклонение Элвису приняло совершенно беспрецедентные масштабы и формы. На концертах сидевшие в зале школьники, по свидетельствам очевидцев, вопили и визжали не переставая. То тут, то там среди бившихся в истерику образовывались бреши — очередная жертва сползала на пол в обморочном состоянии. Шла нарасхват даже пыль со сцены, где выступал король. Одна из компаний, производящих жевательную резинку, уговаривала Пресли продать родительский дом, планируя измельчить его затем в порошок и добавлять в свою продукцию. У «Ар-Си-Эй» были все основания назвать одну из пластинок короля так — «50 миллионов поклонников Элвиса не могут ошибаться».

Как в твеновском «Принце и нищем» мальчишка Том Кенти неожиданно превращается в наследного принца, так и простой парень с гитарой вдруг стал центром молодежной контркультуры 50-х годов, кумиром поколения, стихийно бунтовавшего против ценностей и морали буржуазного общества.

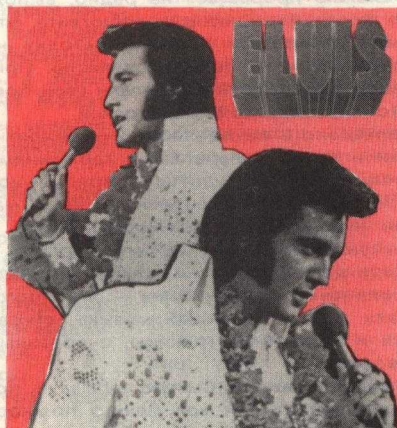
(Продолжение следует)

32

в переплет!

Эдуард ДУБРОВСКИЙ

ТРИ ПРАВИЛЬНЫХ АККОРДА КРАТКАЯ ХРОНИКА РОКА

Возможно, чернокожих звезд на небосклоне Страны рок-н-ролла сияло бы больше, если бы не так называемые «cover versions» —

Продолжение. Начало в №№ 1, 2, 4

25

записи «Мемфис Рекординг Сервис», где каждый желающий мог за 4 доллара записать две песни. Парень собирался сделать подарок матери на день рождения и напел под гитару «Мое счастье» — хит из репертуара негритянской группы «Инк Спотс» — и «Так бывает, когда заболит сердце». Парень как парень, но что-то в нем такое было... Замещающая хозяйина Марион Кейскер на всякий случай спросила его имя. 4 января 1954 года, во время второго визита Пресли в студию, его принял сам хозяин, Сэм Филлипс. Филлипс выпускал пластинки под собственной торговой маркой «Сан Рекордз» и специализировался на ритм-энд-блюзе. У него был верный глаз, точнее, верное ухо, и после нескольких проб он понял, что шофер из «Краун Электрик Компани» обладает феноменальной способностью: белый парень поет черные блюзы лучше, чем их авторы. Стороны ударили по рукам, и Элвис подписал контракт, получив гонорар, в сто раз превышающий стоимость его первой записи.

Филлипс подобрал для Пресли музыкантов. Это были кантри-гитарист Скотти Мур и басист Билл Блэк. С августа 1954 года по ноябрь 1955-го Элвис записал на «Сан Рекордз» пять пластинок, скомпонованных одинаково: с одной стороны ритм-энд-блюз, с

28

другой — кантри. На молодого певца начали обращать внимание знатоки «сельской музыки»: «Этот Хилбилли Кэт (сценическое прозвище Пресли) далеко пойдет!». Раздвоение было непродолжительным. Элвис самостоятельно пришел к тому же результату, что и Хэйли за несколько лет до него, — к рок-н-роллу. В это же время происходит знакомство Пресли с полковником Паркером. Никакого отношения к вооруженным силам полковник не имел (на юге Штатов это нечто вроде почетного титула). Прожженный делец с сомнительным прошлым, Том Паркер спустя несколько лет хвастался журналистам: «Я сразу понял, что у парня таланта на миллион долларов. Я дал ему этот миллион». Паркер стал менеджером Пресли и, блефуя, как в покере, разжег аппетит у одной из крупнейших граммофонных компаний Штатов «Ар-Си-Эй Виктор». В ноябре 1955 года «Ар-Си-Эй» перекупила Пресли у «Сан Рекордз» за фантастическую по тем временам сумму в 35 тысяч долларов и сверх того уплатила 5 тысяч лично предмету сделки. Филлипс не был в обиде, ставки продолжали расти в геометрической прогрессии со знаменателем 100. Но эта сделка оказалась самой невыгодной в истории шоу-бизнеса — «Ар-Си-Эй» выручила миллионы...

29

«перелицовки». Появление рок-н-ролла пробудило острый интерес к «черной» музыке. Однако негритянским исполнителям было очень сложно прорваться на радио, выполнявшее ту же функцию для дебютанта, что сегодня телевидение. Удачную находку на лету перехватывали белые вокалисты. Приглаживали, вылизывали и... делали свой боевик. Это и называлось перелицовкой.

Перелицовка с ее причесанными аранжировками и точно выверенными гармониями напоминала полевой цветок в хрустальной вазе. Покрытое бриллиантами росинкой маленькое чудо развевается, превращаясь в невзрачную траву, едва вы его сорвете и принесете домой. Впрочем, какая-то польза от перелицовок все же была — они подготавливали публику к новой музыке, стирая расовые и возрастные границы, очерченные рок-н-роллом.

Чернокожего автора быстро забывали, пока он не поставлял новое блюдо прожорливым перелицовщикам. (Мало кто мог выдержать такой прессинг, когда тебя побивали твоим собственным оружием).

Особенно преуспевал в этом деле симпатяга **Пэт Бун**. Он чутко держал нос по ветру и хорошо пользовался за счет Фэтса Домино и Литтл Ричарда. «Всеамериканский

26

один нью-йоркского полисмена: «Да если бы он вздумал проделать все это на улице, мы бы его немедленно арестовали». Сам Элвис оправдывался в одной из радиопередач так: «Некоторые задают мне вопрос, почему я не могу стоять на сцене неподвижно. Ну, знаете, кто-то поет и притопывает, кто-то прищелкивает пальцами, кто-то покачивается взад-вперед... А я только делаю все это одновременно. Ритм-энд-блюз сам заставляет вас это делать».

За подобного рода проблемами как-то не сразу заметили самое главное — Элвис превратил рок в социальное явление, влиятельную политическую силу. Фактически он заложил фундамент того, что сегодня специалисты называют рок-культурой. Пресли воплотил в себе парадоксальную сущность рок-н-ролла: развлечение и протест, веселый танец и отчуждение от общества. В том, что это произошло, была заслуга не только его самого и организованной Паркером с «Ар-Си-Эй» рекламной кампании. Это было требование времени. Элвис оказался в нужном месте в нужный час. Он сам даже не понимал, что значил рок-н-ролл для молодого поколения. «Когда через пару лет сменился мода и рок-н-ролл уйдет, я займусь серьезным делом — стану актером», — к этому

31

ЕСЛИ МОЖНО — МОЛЧА

Многие, наверное, думают, что, в отличие, скажем, от футбольного судьи, который дирижирует игрой двух команд, у шахматного арбитра забот куда меньше. На самом деле это не совсем так, просто действия шахматного судьи часто носят скрытый характер. Проследил за цейтнотом на одной из досок — ага, флажок на часах упал на сороковом ходу, стало быть, надо фиксировать поражение; если не упал, значит, порядок — вернулся к своему столику. Потом проверил, правильно ли записана отложенная позиция. И т. д., и т. п. А в целом тонкостей и трудностей в работе шахматного судьи тоже хватает.

И у динамичного футбольного арбитра, и у флегматичного на вид шахматного — немало общих задач. Например, и тот, и другой должны усмирять страсти, только первый — игроков, а второй, как правило, — зрителей. Да, поверьте, обычно тихие, перешептывающиеся шахматные зрители порой ведут себя так темпераментно, что

бя за оплошность. Вдруг он услышал звонкий голос не в меру возбужденного болельщика: «Браво, Симагин!» Это что еще за чертовщина?!

«Тогда я снова посмотрел на доску, — продолжал Симагин, — и к неописуемой радости увидел, что братъ-то мою пешку нельзя — мат даю в шесть ходов! Если же ее не брать, тогда эта пешка в ферзи проходит. А ведь я чуть было не сдался...»

Симагин был исключительно корректным шахматистом и человеком. И хоть в данном случае ему повезло, но такую, пусть и невольную, подсказку в принципе он наверняка не одобрял.

Искушенные любители шахмат помнят знаменитую историю с партией Рагозин — Эбралидзе, случившуюся на чемпионате СССР 1937 года, проходившем в Тбилиси. Рагозин, в уже чуть худшей, правда, позиции, допустил грубую ошибку, и его противник одним ходом мог выиграть ладью, после чего все, естественно, было бы кончено.

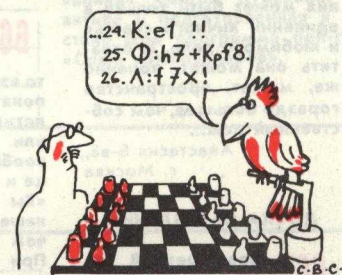
По рассказам очевидцев, зал затих в предвкушении первой победы своего земляка. А Эбралидзе как ни в чем не бывало думал. Шли томительные минуты, и публика, не понимавшая, над чем тут, собственно, думать, заволновалась. А Эбралидзе думал. Над чем? Может быть, хотел продлить сладкие мгновения перед неминуемой победой?

Но тут на беду Эбралидзе кто-то из зрителей не выдержал и завопил: «Арчил, бей ладью!» Конечно, это было грубейшим нарушением болельщицкой дисциплины, и крикуна под сочувственными взглядами зрителей вывели из зала. А Эбралидзе, огрызнувшись: «Вижу сам, не мешай, пижон», продолжал думать.

Над чем он думал теперь, когда пора было действительно прекращать эту трагикомическую ситуацию, никому так и не ведомо. Я же, зная гордый грузинский характер благородного Эбралидзе, могу только выдвинуть свое личное предположение. Считаю, что подсказан-

ный (хотя, конечно, и виденный им) ход делать уже неприлично, он, к изумлению и негодованию зала, решил не выигрывать ладью, а спустя несколько ходов умудрился подставить свою и, как нарочно, на том же самом месте — худшего сюрприза своим болельщикам Эбралидзе преподнести не мог...

Как видите, желание поддержать своего любимца причинило ему вред. Будь у зрителя чуть больше терпения, Эбралидзе, конечно, победил бы и, кто знает, может быть, лучше про-

вел бы и остальную часть турнира.

Никогда не забуду эпизод, случившийся в зале Центрального Дома культуры железнодорожников во время чемпионата СССР. У одного из гроссмейстеров на несколько ходов оставались считанные секунды. Он лихорадочно обдумывал решающий маневр, а зрители, видя, что вот-вот будет просрочено время, не могли сдержаться возбужденного шепота. «Да перестаньте же галдеть!» — орал вдруг гроссмейстер, и такое негодование, такая одновременно мольба прозвучали в этом совершенно непривычном для шахматного соревнования крике, что зал мгновенно замер.

Что вам сказать — гроссмейстер успел сделать положенные сорок ходов и выиграл партию.

...Если соберетесь сходить на какой-нибудь турнир, не забывайте анекдот о Наполеоне. «Как вас побрить, ваше величество?» — спросил его брадобрей, оттачивая бритву. «Если можно — молча», — последовал ответ.

Виктор ВАСИЛЬЕВ.

Рисунки Сергея СТЕЛЬМАШОНКА

приходится то и дело успокаивать их, а иногда и пугать «высшей мерой» — переводом участников со сцены в отдельную комнату, как это было, например, однажды во время матча Ботвинник — Таль (1960 г.). И не только потому, что шум мешает шахматистам. Иногда, сами того не желая, зрители могут выдать важную информацию. Потому что, как это ни покажется странным, зрители, случается, видят то, что ускользает от внимания уставшего мастера и даже гроссмейстера.

Гроссмейстер Симагин однажды рассказывал, как, «зевнув» важную пешку в партии с гроссмейстером Таймановым, не столько думал о последствиях своего хода, сколько корил се-

[Окончание. Начало на стр. 24].

«А хочешь, я выучусь шить? А может, и вышивать? ... А детей у нас будет пять, А может быть, даже шесть...»

Это счастье! Но «петь» я не брошу. Ведь гармония может быть только в единении личного счастья и любимого дела. И охватить она может, конечно же, может, пространство гораздо больше, чем собственный дом...

Анастасия Б-ва,
г. Москва

ДОСКА ОБЪЯВЛЕНИЙ

667 Возмущен! В нашем классе царит полное безынтересие. Пионерские поручения и дела никого не занимают, кроме 2—3 человек. Мы пытались наладить в классе настоящую пионерскую жизнь — ничего не вышло. Помогите все это изменить!
Алишер Джураев, 13 лет,
Узбекская ССР

Рубрику ведет Тамара Сахазак

668 Все предыдущее лето я проработал вожатым в пионерском лагере. Были, конечно, какие-то удачи, но на многих делах отразилась моя неопытность. Многие хотелось бы изменить в пионерской работе, в нашем привычном отношении к ней. От чего следовало бы отказаться, а что наоборот — включить? Подскажите все, кто неравнодушен к проблеме. И я мог бы поделиться тем, что уже накопил, с начинающими. Постараемся, чтобы пионерское лето у наших школьников не «текло» казенно и нудно.
Сергей Вишняков, 18 лет,
603028, г. Горький,
ул. Авангардная, д. 14,
кв. 56

ХОЧУ У СВЕРСТНИКОВ СПРОСИТЬ

669 Мы, три подружки, очень веселые люди. Но почему-то взрослые не могут этого понять. Вслед нам всегда летит: «Что они, пьяные или наколились!» Могут вообще остановить на улице и оскорблять при всех: «Вы же девочки... Вот в наше время...» Ну при чем здесь «их время»? При чем здесь девочки мы или мальчики! Мы просто живем и радуемся этому счастью — жить. В школе тоже твердят, что мы уже взрослые люди — уже по 16 лет. Но почему — уже! Нам еще по 16! А когда же еще нам будет так весело и хорошо! Это наша юность, наша молодость, и какое кому дело, как мы ее проведем!

Просто обидно порой: лезут не в свое дело, да еще таким тоном, что и не хочешь, да пойдешь на конфликт. А потом выходит, что кругом молодежь виновата...

Думаем, сверстники нас поддержают.

Таня, Вика, Екатерина,
г. Нововольск,
Волынская область

670 Как вы относитесь к «металлистам», а! Я часто слышу вслед: «Подонко, фашист» и т. д. А если еще идем группой, все это — во множественном числе. Но за что так! Если на нас черные кожаные куртки и галифе, так сразу мы — фашисты!

У нас был свой клуб. Взрослый человек занимался с нами бесплатно во Дворце культуры. Все было хорошо. Ни шума, ни грубости. Но кому-то опять не понравились наши браслеты и куртки — клуб продержался недолго. Теперь у нас есть свой так называемый «бункер» — помещение в подвале. Но ведь это не дело. Мне-то самому скоро в армию, но хочется, чтобы те, кто останется здесь, вздохнули легче. Чтобы им не приходилось шляться без дела по улицам, сидеть в подвалах и бояться каждого стука и шороха. Как нам найти себе применение! Ответьте, кто сам прошел через такое.

Фаимилю и адрес прошу не указывать. Я был слишком откровенен.

Олег,
учащийся СПТУ, 18 лет,
Эстонская ССР

На четвертой странице обложки напечатаны вкладыши и наклейки к футлерам магнитофонных кассет. Цветное фото на вкладыше расчитано по размерам танца образом, что часть его [левая] должна подгибаться. Разметка с указанием линии разреза и сгиба — на третьей странице обложки. По сплошной черной линии — разрезать по сторонам футлера — подогнуть. Для каждой кассеты получится по две узкие наклейки (А и Б), они размещаются по боковым сторонам футлера. В части предыдущих номеров изображение на фото и разметка на обороте не полностью совпадают. Принесим свои извинения.

Парус

Главный редактор
Александр КЛАСКОВСКИЙ

Редакционная коллегия:
Владимир ВЕРХОВЕЦ, Тамара ГЛАВАК, Василий ГУРИН, Алексей ДУДАРЕВ, Борис ЖУРАВЛЕВ, Евгений КЛИМОВ, Валентин МАСЛЮКОВ (отв. секретарь), Ирина ПАВЛЮЧИК, Борис ПАСТЕРНАК (зам. главного редактора), Ефим ШУР

Художественный редактор Валерий РУЛЬКОВ
Технический редактор Валентина ЖГУНЦОВА
Корректор Любовь БАЙЧ

Изда тельство «Полымя» Государственного комитета Белорусской ССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Сдано в набор 14.03.88. Подписано к печати 26.04.88. АТ 08091. Формат 70×108^{1/16}. Офсетная печать. Усл. печ. л. 5,6. Усл. кр.-отт. 15,05. Уч.-изд. л. 8. Зак. 831. Тираж 400 000 экз. Ордена Трудового Красного Знамени типография издательства ЦК КП Белоруссии. Адрес: 220041, г. Минск, Ленинский проспект, 79.

А

ДАТА

ВРЕМЯ

МОНО

СТЕРЕО

А**Б**

ДАТА

ВРЕМЯ

МОНО

СТЕРЕО

Б

В 1982 году молодой человек, которому было 19 лет и которого звали Виктор Цой, с помощью группы «Аквариум» записал сольный акустический магнитоальбом «Сорок пять», ставший популярным благодаря таким песням, как «А когда-то ты был битником», «Солнечные дни». В течение двух лет Цой подбирает состав будущей группы и, наконец, записывает магнитоальбом «Начальник Камчатки» (фрагменты из него представлены на миньоне фирмы «Мелодия»). Затем следуют предельно ироничный альбом «Это не любовь» [1985 г.] и «Ночь» [1986 г.]. Летом 1987 года группа успешно выступила на ленинградском фестивале, включив в концерт мощные хиты «Будь осторожен», «В наших глазах», «Группа крови». Затем у «Кино» наступает сравнительно долгий перерыв, так как Цой уезжает в Алма-Ату на съемки. Но остальные времени даром не теряли. Музыканты «Кино» [Юрий Каспарян, Игорь Тихомиров, Юрий Гурьянов] участвуют в концертах и записях «Популярной механики» Сергея Курехина. В их активе и подготовленная в отсутствие Цоя программа поп-группы «Союз композиторов».

А

ДАТА

ВРЕМЯ

МОНО

СТЕРЕО

А**Б**

ДАТА

ВРЕМЯ

МОНО

СТЕРЕО

Б

На профессиональную сцену Анатолий Алешин впервые вышел в составе группы «Веселые ребята», однако пробыл в ней недолго. Вскоре стал солистом «Аракса» — ансамбля, созданного студентами экономического факультета МГУ. Приглашенный в столичный Театр имени Ленинского комсомола, «Аракс» принял участие в постановках, принесших славу и театру, и группе: «Тиль», «Автоград», «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты». Музыканты заметно прибавили в мастерстве, стали пробовать свои силы в композиции. Но после распада «Аракса» об Алешине довольно долго ничего не было слышно. «Возвращение» состоялось в прошлом году, когда он записал программу вместе с группой «Стайер» Московской областной филармонии (руководит группой Виктор Гриднев). А на московской «Рок-панораме-87» Алешин выступил уже с собственным коллективом. Это выступление дает основание утверждать, что мы увидели будущую рок-звезду.

20-114

Парус

А

Б

Парус

А

Б